This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Mol 247.14

MOLIÈRE COLLECTION

Harvard College Library

FROM THE LIBRARY OF

FERDINAND BÔCHER, A.M.

INSTRUCTOR IN FRENCH, 1861–1865

PROFESSOR OF MODERN LANGUAGES, 1870–1902

GIFT OF

JAMES HAZEN HYDE

OF NEW YORK

(Class of 1898)

Received April 17, 1903

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Mol 24

ЭТЮДЫ О МОЛЬЕРѢ

МИЗАНТРОПЪ

(ОПЫТЪ НОВАГО АНАЛИЗА ПЬЕСЫ И ОБЗОРЪ СОЗДАННОЙ ЕЮ ШКОЛЫ).

МОНОГРАФІЯ

Алексѣя Веселовскаго.

ИЗДАНІЕ К. Т. СОЛДАТЕНКОВА

МОСКВА. 1881

Типографія А. Гатцука, Никитскій бульваръ, собствен. домъ.

Digitized by Google

СОЧИНЕНІЯ ТОГО ЖЕ АВТОРА.

Старинный театръ въ Европѣ. Историческіе очерки. Москва. 1870. Ц. 2 руб.

Deutsche Einflüsse auf das alte russische Theater, 1672—1756. Prag. 1876 (въ Москвѣ у Ланга и Дейбнера). Ц. 1 р. 25 к.

Этюды о Мольерѣ. *Тартюффъ.* Исторія типа и пьесы. Москва. 1879. Ц. 2 руб.

Digitized by Google

МИЗАНТРОПЪ

Digitized by Google

Digitized by Google

ЭТЮДЫ О МОЛЬЕРѢ

МИЗАНТРОНЪ

(ОПЫТЪ НОВАГО АНАЛИЗА ПЬЕСЫ И ОБЗОРЪ СОЗДАННОЙ ЕЮ ШКОЛЫ)

МОНОГРАФІЯ

Алексѣя Веселовскаго

ИЗДАНІЕ К. Т. СОЛДАТЕНКОВА

МОСКВА. 1881

Типографія А. Гатцука, Никитскій бульваръ, собственный домъ.

Digitized by Google

Mol 247. 14

Harvard College Library
From the Library of
Ferdinand Bôcher
Gift of James H. Hyde
XVIII 14 1894

Digitized by Google

Мизантропъ Мольера—одно изъ тѣхъ избранныхъ созданій человѣческой мысли, которыя съ необыкновенно возбудительной силой способны увлекать изслѣдователя въ разностороннѣйшія разысканія и соображенія. Стоитъ прикоснуться къ такому произведенію,—и точно вѣщая, сказочная сила неотразимо манитъ всмотрѣться въ глубину его, разглядѣть всѣ нити, связывающія его и съ стариною и съ потомствомъ; вереница вопросовъ и общихъ, широкихъ, и чисто-спеціальныхъ, возникаетъ сама собою. Вмѣстѣ съ тѣмъ живо чувствуется, что это созданіе давно минувшихъ лѣтъ не можетъ утратить своей свѣжести и для новѣйшихъ поколѣній, что они въ состояніи находить въ немъ отзвукъ своихъ собственныхъ заботъ и стремленій; съ интересомъ видишь, какъ каждое изъ нихъ возвращается къ нему, пытается усвоить его себѣ, вложить въ него новое содержаніе—и такимъ образомъ мало по малу обрисовывается одно изъ многовѣковыхъ теченій въ умственной жизни человѣчества.

Но, подвергаясь издавна тщательному анализу, Мизантропъ только въ наши дни начинаетъ высвобождаться изъ тенетъ формальной эстетической критики. Еще не замолкли старые споры о томъ, задуманъ ли былъ Мольеромъ характеръ главнаго героя пьесы въ смыслѣ лица чисто-комиче-

Digitized by Google

скаго, осужденнаго на смѣхъ зрителей, или же въ Альцестѣ собрано все, въ чемъ автору грезился идеалъ мужественнаго поборника правды и честности. Еще недалеко отъ насъ то время, когда настоящую комедію можно было разсматривать какъ спокойно-объективное произведеніе, вѣрное старому ложно-классическому пошибу, — когда большинство цѣнителей пьесы принимало въ буквальномъ смыслѣ ея заглавіе и искало въ ней изображеніе судьбы „ненавистника людей“. Лишь съ той поры, когда изученіе біографіи Мольера сдѣлало серьозные успѣхи, и задушевная исторія поэта стала доступна нашему пониманію, и Мизантропу придано истинное его значеніе; въ немъ начинаютъ видѣть искреннѣйшую авторскую исповѣдь, выразившую сполна недовольство существующимъ порядкомъ вещей, и отразившую въ судьбѣ героя сердечное горе автора. Передъ этимъ непреложнымъ фактомъ должны были постепенно замолкнуть догадки о *комизмѣ* Альцеста, и его реформаторскія стремленія, опередившія свой вѣкъ, выступили ярко наружу. Невозможно было болѣе толковать и о ненависти къ людямъ при видѣ страданій человѣка, который готовъ всю душу положить за возрожденіе человѣчества.

Приходилось пересмотрѣть укоренившіеся предвзятые взгляды и сужденія, и на мѣстѣ ихъ возвести новое объясненіе пьесы, основанное на точныхъ данныхъ и психологически-вѣрное.

Такова была задача, которую мы поставили себѣ въ настоящей монографіи. Прежде всего пришлось опредѣлить мѣсто, занимаемое вообще мизантропіей въ ряду многочисленныхъ проявленій пессимизма, и вмѣстѣ съ тѣмъ отличить и въ этомъ душевномъ настроеніи различные характеристическіе оттѣнки, отъ прямо болѣзненной ненависти до честнаго негодованія, которое само по себѣ служитъ источни-

Digitized by Google

комъ горячей и благородной дѣятельности. Альцестъ могъ подойти лишь къ послѣдней разновидности основного типа; мы убѣждаемся на каждомъ шагу, что прозвище мизантропа придано было ему подъ вліяніемъ рутины, за отсутствіемъ иного, болѣе вѣрнаго термина. Сосредоточенный мыслитель, неудавшійся общественный дѣятель, другъ правды, онъ былъ столько же отраженіемъ новаго типа людей, уже выдвигавшихся въ обществѣ временъ Мольера, какъ и выразителемъ убѣжденій самого поэта—и поэтому необходимо было характеризовать подобныя личности, и вмѣстѣ съ тѣмъ возсоздать настроеніе самого Мольера въ пору появленія Мизантропа, одну изъ наиболѣе тяжелыхъ во всей его жизни. Семейная драма, испытанная Мольеромъ, дала затѣмъ окончательно ключъ къ фабулѣ его пьесы.

Самостоятельная и въ сильной степени субъективная, она не имѣетъ такой богатой исторіи предшествовавшаго развитія типа, какою, напримѣръ, надѣленъ *Тартюффъ*; заимствованія и точки соприкосновенія ея съ источниками не многочисленны. Тѣмъ не менѣе важно было точно опредѣлить степень ея самостоятельности, и преимущества пониманія Мольеромъ того характера, который до него изучали такіе соперники, какъ Лукіанъ, Корнель или Шекспиръ. Установивъ такимъ образомъ независимость мольеровскаго творчества, мы шагъ за шагомъ изучали затѣмъ всѣ частности комедіи, отъ характеровъ и плана ея до мелочей слога, и разсмотрѣли различныя теоріи, въ разное время возводившіяся комментаторами пьесы. Но она богата не только этимъ запасомъ пояснительныхъ матеріаловъ, неразлучнымъ съ каждымъ крупнымъ литературнымъ произведеніемъ: у Мизантропа (опять въ противоположность Тартюффу) есть обширное литературное послѣсловіе, длинный рядъ попытокъ потомства аклиматизировать, переработать, присвоить его се-

Digitized by Google

бѣ. Этотъ эпилогъ пьесы мы старались вставить въ культурно-историческія рамки, объяснившія различныя, съ виду капризныя, колебанія въ симпатіяхъ общественнаго мнѣнія и критики.

Но въ этомъ литературномъ потомствѣ Мизантропа самымъ свѣтлымъ явленіемъ выступаетъ произведеніе, особенно дорогое русскому человѣку,—грибоѣдовское Горе отъ ума. Составляя неотъемлемую подробность общей картины, оно заслуживало вмѣстѣ съ тѣмъ особаго изученія, и съ живымъ удовольствіемъ мы заканчиваемъ свою работу опредѣленіемъ той тѣсной духовной близости, которая соединяетъ произведеніе стараго французскаго комика съ классической русской комедіей. Безъ Альцеста не было-бы, можетъ быть, и Чацкаго, — и это не малая заслуга въ ряду достоинствъ, присущихъ Мизантропу.

Такимъ образомъ настоящая работа соединяетъ общія психологическія наблюденія съ критическимъ анализомъ текста, и результатами сравнительнаго изученія старается подкрѣпить данныя исторіи новой культуры. Во всѣхъ направленіяхъ давала сильный импульсъ эта богатая содержаніемъ, оживляющая умъ и не старѣющая пьеса. Да и могутъ ли старѣть пьесы, такъ глубоко подмѣтившія основныя черты человѣческаго духа! Могучимъ рѣзцомъ проведены въ нихъ сатирическія черты, и въ мысли потомка невольно оживаютъ онѣ, когда текущая злоба дня снова принимаетъ ту же складку, которую пришлось наблюдать старому автору. Слишкомъ двѣсти лѣтъ отдѣляютъ насъ отъ эпохи Тартюффа и Мизантропа, и различіе національности и бытовыхъ условій рѣзко бросается въ глаза,—но кто-же, напримѣръ, видя успѣхъ различныхъ Тартюффовъ въ русскомъ обществѣ, не готовъ будетъ иной разъ повторить и теперь суровыя порицающія рѣчи мольеровскаго „мизантропа“!..

Digitized by Google

Для работы нашей мы пользовались, кромѣ книгохранилища парижской Національной Библіотеки, богатою по исторіи стараго театра Библіотекой Арсенала и цѣннымъ пособіемъ архива Theâtre français; съ признательностью вспоминаемъ мы о радушной помощи такихъ знатоковъ дѣла, какъ Эд. Тьерри, Поль Лакруа, и редакторъ перваго журнала, посвященнаго Мольеру, Жоржъ Монваль.

Digitized by Google

Digitized by Google

I.

Въ области человѣческихъ міровоззрѣній съ незапамятной поры происходитъ борьба двухъ крайнихъ, непримиримо враждебныхъ ученій, обладающихъ одинаково чудотворной особенностью погружать все земное или въ непроглядную, безразсвѣтную тьму или же озарять все живущее свѣтлымъ, даже ослѣпительнымъ, нестерпимымъ солнечнымъ блескомъ. Одно изъ нихъ склонно считать положительнымъ лишь страданіе и горе людское, другое, подъ знаменемъ безсмертнаго доктора Панглосса, считаетъ данный міровой строй наилучшимъ изъ всѣхъ возможныхъ міровъ. По временамъ одна сторона одерживаетъ верхъ,—и этимъ торжествомъ она всегда обязана тому складу, который приняла окружающая жизнь: дружный порывъ общественныхъ силъ къ обновленію внушаетъ лучшимъ людямъ радужныя надежды на осуществленіе своихъ идеаловъ, тогда какъ давящая реакція, коль скоро ей удается глубоко пустить корни, стать явленіемъ хроническимъ, погружаетъ цѣлыя эпохи въ тьму безотраднаго унынія и безпомощности. Но въ исторіи человѣчества рѣдки свѣтлыя эпохи возрожденія, когда становится отрадно жить и дѣйствовать, когда возможна искренняя, почти дѣтски-наивная довѣрчивость; пора первыхъ освободительныхъ торжествъ реформаціи, сверженіе старыхъ боговъ энциклопедизмомъ и провозглашеніе первыми двигателями революціи правъ личности и народа — такія эпохи въ состояніи вовлечь нетолько сочувственную массу, вообще весьма расположенную къ усыпляющему сознанію благополучія, но и ея вождей, въ миражъ оптимизма. Безмѣрно

Digitized by Google

щедрѣе судьба на періоды застоя, борьбы противъ этихъ освобождающихъ ученій, попытокъ повернуть жизнь вспять,— и въ этой затхлой атмосферѣ широко разростается царство пессимизма, бьющагося въ отчаяніи объ эти препятствія и доходящаго въ наши дни до грандіозно-чудовищнаго Гартмановскаго проекта самоубійства всего человѣчества, вмѣстѣ съ гибелью земного шара [1]).

Потому-то пессимизмъ имѣетъ за собой такую долгую и сложную исторію, [2]) которою не можетъ похвалиться противоположное ему крайнее ученіе. Горькое разочарованіе въ людяхъ слышится намъ чуть не на первыхъ же ступеняхъ исторической жизни человѣчества, которая уже въ безхитростную эпоху стараго еврейства является для иныхъ *суетою суетъ*, и отвращеніе къ злу, царящему надъ міромъ, сближаетъ между собою самыя отдаленныя эпохи. „Того быть не можетъ, чтобъ честнаго человѣка не раздражало зло“, говорилъ еще Ѳеофрастъ, а за нимъ и Сенека [3]); „кто жилъ и мыслилъ, тотъ не можетъ въ душѣ не презирать людей“, повторилъ за ними много вѣковъ спустя нашъ Пушкинъ, подъ вліяніемъ одной изъ тѣхъ тяжелыхъ минутъ тоски, о которой свидѣтельствуютъ его элегіи. И та же нота будетъ неотразимо преслѣдовать насъ въ произведеніяхъ всѣхъ временъ и народовъ,—если только въ характерѣ ихъ авторовъ уцѣлѣло хоть сколько нибудь энергіи, чуткости къ людской неправдѣ, и чувства независимости. Мы видимъ безконечныя варіаціи на одну и туже тему: зрѣлище зла *должно возмущать* честнаго человѣка, а масса зла, переполнившая мѣру и торжествующая, должна возбудить въ немъ

---

[1]) Онъ подробно развитъ въ третьемъ томѣ Философіи Безсознательнаго.

[2]) Новѣйшее время было очень богато изслѣдованіями о пессимизмѣ, но они большею частью ограничивали историческую часть весьма скромными размѣрами (какъ это дѣлаетъ наприм. Солли или Каро) и предпочитали останавливаться на изученіи отдѣльныхъ системъ, и то преимущественно лишь Шопенгауера, Леопарди, Гартмана. Такимъ образомъ связная исторія постепеннаго развитія пессимистическихъ воззрѣній еще впереди.

[3]) De ira (Соч. Сенеки, изд. Гаазе, 1852, стр. 46).

Digitized by Google

презрѣніе къ людямъ, ко всей ничтожной, суетной человѣческой породѣ. Въ этихъ варіаціяхъ много весьма тонкихъ оттѣнковъ; болѣе ровныя натуры останавливаются на общемъ чувствѣ брезгливости и находятъ — высшую мудрость въ философскомъ отдаленіи отъ зла; они могутъ найти счастье на лонѣ деревенской природы, — куда спасутся, отрясая съ ногъ своихъ, какъ прахъ, всю суету людскую. Скептикъ въ родѣ Эразма или Ларошфуко, въ негодованіи, возведетъ въ систему черствый эгоизмъ людской или заразившій всѣхъ духъ притворства, объяснитъ имъ всѣ наши душевныя движенія, не оставивъ мѣста никакимъ безкорыстнымъ побужденіямъ. Душевно больной Тимонъ аѳинскій, въ припадкѣ мрачной, почти звѣрской ненависти къ вѣроломнымъ друзьямъ, готовъ находить наслажденіе въ лютой мести и отдается самымъ низкимъ влеченіямъ. Авторъ Гулливерова путешествія доведетъ до позорной микроскопичности всѣ мнимоволканическія или же идеальныя страсти и помыслы, владѣющіе человѣчествомъ, и покажетъ намъ тотъ омутъ, въ которомъ оно вращается. Любой представитель новѣйшей разочарованности, отъ Сенъ-Прэ и Вертера до лермонтовскаго Героя нашего времени, презираетъ по своему и людей, и общество, и часто ищетъ себѣ избавленія отъ гнета жизни въ пистолетномъ выстрѣлѣ. Наконецъ это презрѣніе и вѣра въ неисходность страданій складывается въ осмысленную философскую систему Шопенгауера, со всѣми современными ему и позднѣйшими его послѣдователями, которые, отрекаясь отъ всякой личной иниціативы, сознавая полную невозможность прогресса, рѣшаютъ старый Гамлетовскій вопросъ или въ пользу совершеннаго *не бытія*, или, что еще мучительнѣе, въ пользу смерти заживо, буддійской *нирваны*.

Всѣ эти люди, какъ ни разнородны кажутся они намъ на первый взглядъ,—члены одной большой семьи; у нихъ общее вѣроисповѣданіе, часто сходные пріемы; но темпераментъ, степень нервной чувствительности, цѣпь различнѣйшихъ вліяній среды, воспитанія, традицій, дѣлаютъ потомъ изъ однихъ — фанатиковъ пессимизма, не вѣрящихъ въ по-

Digitized by Google

лезность борьбы, изъ другихъ — сатириковъ, наставниковъ народа, изъ третьихъ — *героевъ* своего времени, гибнущихъ жертвой общественной несправедливости. Обычныя сужденія массы о людяхъ и оттѣнкахъ мнѣній постоянно смѣшиваютъ этихъ представителей пессимизма, неразборчиво придавая имъ то одно, то другое изъ отличительныхъ прозвищъ, выработанныхъ вѣковою наблюдательностью. Тѣ же самые признаки въ человѣкѣ приводятъ къ награжденію его иногда титуломъ скептика, иногда же прозвищемъ мизантропа и т. п. Въ одну категорію мизантроповъ относятъ и шекспировскаго Тимона и мольерова Альцеста, несмотря на крупное ихъ несходство, — и въ тоже время никто не отнесетъ къ той же категоріи Печорина, для котораго есть опять свое особенное прозвище.

Нигдѣ въ такой степени не чувствуется эта поразительная шаткость номенклатуры, какъ въ приложеніи къ одному изъ характернѣйшихъ проявленій пессимизма, воплощенному въ героѣ лучшаго изъ мольеровскихъ созданій, — къ мизантропіи. Выдѣляя изъ только что обозрѣнной нами обширной группы пессимистовъ тѣхъ людей, чьимъ отличительнымъ оттѣнкомъ признана нелюдимость и ненависть къ человѣчеству, мы становимся прямо, лицомъ къ лицу, съ вопросомъ, опредѣлены ли еще специфическія свойства этого болѣзненнаго состоянія, имѣемъ-ли мы вѣрное мѣрило мизантропическихъ убѣжденій, достаточно-ли растяжимо ходячее обозначеніе человѣка, презирающаго людей, *мизантропомъ*, чтобъ охватить собою всѣ видоизмѣненія, которыя способенъ принимать подъ вліяніемъ различныхъ условій этотъ основной типъ. Поэтому для насъ необходимо прежде всего разсмотрѣть современное положеніе даннаго вопроса.

Уже давно высказывалась мысль, что этотъ старинный греческій терминъ (отъ μισειν—ненавидѣть, и ανθρωπος) сталъ слишкомъ неясенъ и одностороненъ. Издатель сатирическаго журнала *Le Misanthrope*, выходившаго въ Гагѣ въ началѣ прошлаго столѣтія, [4]) хотя и избралъ его для заглавія сво-

[4]) Le misanthrope, par Mr. V. E. (Van Essen), nouvelle édition (2-e) revue et augmentée de plusieurs discours importants, a La Haye, chez Jean Ne-

Digitized by Google

его изданія, спрашивалъ себя, почему это слово не подвергается такимъ же превращеніямъ (révolutions), какія выпадаютъ на долю многихъ другихъ словъ; ему казалось, что первоначальный, буквальный смыслъ: *ненавистникъ людей*, не передаетъ всего, что вошло въ это общее понятіе по мѣрѣ развитія и усложненія жизни. Журналисту восьмнадцатаго вѣка видимо казалось уже тягостнымъ это давленіе стариннаго воззрѣнія на мизантропію, сложившагося какъ будто исключительно подъ вліяніемъ легенды о Тимонѣ: ему казалось, что можно и сторониться отъ людей и презирать ихъ, и въ тоже время не быть обязаннымъ облекаться въ рубища, жить въ пустынѣ и подстерегать каждаго, кто забрелъ бы туда,—чтобы излить на него всю мѣру своей ненависти. Мизантропъ представлялся ему уже живущимъ среди порицаемаго имъ общества и открыто исповѣдующимъ свои убѣжденія, въ надеждѣ, что этотъ протестъ образумитъ многихъ и увлечетъ ихъ за нимъ.

И научныя данныя, и жизненный опытъ говорятъ намъ постоянно о нѣсколькихъ градаціяхъ, по которымъ пессимизмъ, разочарованіе въ людяхъ и судьбѣ доходитъ до крайней степени своего напряженія,—до мизантропіи. Предрасположеніе къ разстройству нервной дѣятельности, къ меланхолической дымкѣ, которая подергиваетъ для человѣка все въ окружающей его жизни,—и съ другой стороны сильная раздражительность нервная, для которой каждая житейская случайность равносильна рѣзкому удару, потрясающему недовольствомъ всего человѣка, составляютъ первую степень этого душевнаго состоянія. Необходимы затѣмъ внѣшнія побужденія, которыя должны дать ему пищу и вполнѣ осмыслить его для страдающей личности. Общественная и частная жизнь спѣшитъ доставить ихъ въ изобиліи; тогда все мрачнѣе и безотраднѣе становится картина этой жизни въ глазахъ меланхолика, и цѣлая буря скопляется въ умѣ вспыльчиваго и нетерпимаго холерика. Для перваго изъ нихъ

---

aulme, 1726 (перв. изд. въ листкахъ трудно находимо); см. XIV discours, p. 117.

Digitized by Google

достаточно одного крупнаго повода, чтобъ потрясти его натуру до основанія, и надолго, быть можетъ навсегда, сложить безотрадное воззрѣніе на жизнь; сильные контрасты между счастьемъ и несчастьемъ, вѣрой въ людей и измѣной ихъ, производятъ въ такомъ человѣкѣ цѣлый переворотъ. И Лиръ, и Тимонъ изъ числа подобныхъ, сразу надломившихся натуръ; [5]) въ безуміи одного и мизантропіи другого основа одна и та-же. У нервно-раздражительной натуры путь иной. Вѣчная смѣна одной людской неправды другою, постоянное зрѣлище человѣческой низости или возмутительныхъ дѣйствій накопляютъ горечь по каплѣ; постоянныя вспышки гнѣва учащаются, становятся болѣзненно напряженными; нѣтъ болѣе силъ сдерживать себя, рѣчь становится до нельзя рѣзка и безпощадна, всѣ люди сливаются въ одно цѣлое, достойное презрѣнія, и человѣкъ задыхается въ ихъ обществѣ.

Но всякому живому организму свойственно стремленіе устраниться отъ того, что порождаетъ ему боль или мученія. И человѣкъ, дошедшій до подобной степени разочарованія тѣмъ или другимъ путемъ, стремится бросить ненавистное ему общество, удалиться, бѣжать куда нибудь отъ него, чтобъ только не видать того, что въ немъ происходитъ. Еврейскій пророкъ удаляется для того въ пустыню и оттуда громитъ павшее человѣчество; аскеты всѣхъ оттѣнковъ и всѣхъ религій находятъ тамъ успокоеніе; туда же спасается и Тимонъ; Фринихъ называетъ героя своей (къ сожалѣнію утраченной) пьесы [6]) прямо *монотропомъ*, т. е. одинокимъ, нелюдимомъ, любящимъ уединеніе; на просторъ, куда бы ни было, рвется Альцестъ; вдаль, въ тотъ миѳическій „уголокъ“, гдѣ нашло бы убѣжище его оскорбленное чувство, порывается Чацкій; и даже любой, будничный экземпляръ ипохондрика, у котораго нѣтъ вовсе такого глубо-

---

[5]) См. предисловіе Франсуа - Виктора Гюго къ его переводу Тимона, Oeuvres de Shakespeare, десятый томъ, стр. 49 и слѣд.

[6]) Отрывки изъ нея въ сборникѣ Poetarum comicorum fragmenta post Aug. Meineke recognov. T. H. Bothe, 1855, p. 212.

Digitized by Google

каго содержанія его протеста противъ общества, ни силъ довести его до крайности, хоть и не уйдетъ, быть можетъ, совсѣмъ отъ людей, но, какъ Мольеровъ мнимый больной, затворится отъ нихъ въ своей больничной комнатѣ, воздвигнетъ себѣ преграду отъ свѣта изъ вѣчно спущенныхъ сторъ, баттарей лекарственныхъ стклянокъ и давящаго полумрака, и заживо схоронитъ себя тутъ.

Но и въ этомъ послѣднемъ фазисѣ отчужденіе отъ людей принимаетъ нерѣдко различные оттѣнки, смотря по степени своего напряженія и продолжительности. Разрывъ можетъ быть вѣчный, непримиримый, или это только темная полоса въ жизни даннаго лица, и надежда на ободреніе, на возвратъ къ дѣятельности еще не потеряна. У Нѣмцевъ есть два очень удачно придуманныхъ и недостающихъ намъ слова для обозначенія этихъ оттѣнковъ; первый изъ нихъ они назвали бы Menschenhass (ненависть къ людямъ), второй — Menschenscheu (пугливость, боязнь людей), — термины, рѣзко обособленные и смѣшивающіеся только у поверхностныхъ наблюдателей, напримѣръ у Августа Коцебу, въ чьей пьесѣ самое названіе „Menschenhass und Reue“ заключаетъ уже въ себѣ неточность. Истинная ненависть къ людямъ имѣетъ всѣ признаки долговѣчнаго патологическаго состоянія, боязнь людей — настроеніе временное, доступное перемѣнѣ, аффектъ. Люди, подверженные тому или другому изъ этихъ душевныхъ состояній, одинаково бѣгутъ людского общества, но мизантропъ поступаетъ такъ потому, что ничто болѣе не привлекаетъ его въ жизни, пустота и безсмысленность ея для него слишкомъ явны, и ничто не въ силахъ разубѣдить его,—на человѣка же, съ брезгливостью отворачивающагося отъ людей, видимо подѣйствовали подавляющимъ образомъ не столько крупныя несчастія, сколько многочисленныя мелкія разочарованія, крушеніе идеаловъ, необходимость разувѣриться въ близкихъ людяхъ, убѣдиться въ господствѣ лжи и притворства. Ему начинаетъ казаться, что въ обществѣ онъ никогда уже не испытаетъ болѣе ни радостей, ни удовлетворенія; онъ съ скорбью въ душѣ ломаетъ съ своимъ

Digitized by Google

прошлымъ, и будетъ въ одиночествѣ хранить свои лучшія воспоминанія.

Нечего и говорить послѣ этого, что мизантропія въ точномъ смыслѣ слова, какъ чисто болѣзненное состояніе, можетъ постигнуть безразлично всякую натуру и особенно рѣзко выразится у людей неразвитыхъ, непосредственныхъ, у которыхъ несчастіе вызоветъ наружу всѣ плохо сдерживаемыя страсти, — другой же оттѣнокъ мизантропіи свойственъ скорѣе натурамъ болѣе тонко организованнымъ, болѣе чуткимъ, превышающимъ свою среду образованіемъ и цѣлями жизни. Ихъ настроеніе можетъ быть порождено не разореніемъ, не крушеніемъ каррьеры или подобными личными невзгодами, для нихъ нерѣдко общее, народное горе несравненно ближе; оно ихъ горячо задѣваетъ за живое, и если они подъ конецъ все таки доходятъ до разрыва, то лишь послѣ того, какъ изо всѣхъ силъ пробовали плыть противъ теченія. У людей въ родѣ Тимона нѣтъ никакой завѣтной программы дѣйствій; въ счастіи они щедры и человѣколюбивы отъ избытка средствъ, изъ тщеславнаго эгоизма, изъ наивной довѣрчивости. Напротивъ того у людей второй категоріи помыслы о чужой судьбѣ доходятъ нерѣдко до необыкновенно развитого альтруизма; ихъ раздраженныя рѣчи становятся часто настоящими проповѣдями честности, уваженія къ уму, заступничествомъ за поруганный здравый смыслъ, за попранную свободу, или же чисто революціонными призывами. Альцестъ въ этомъ отношеніи идетъ объ руку съ любимыми героями Байрона, и съ Манфредомъ, чей протестующій духъ готовъ бороться не только съ людьми, но и съ богами и стихіями, и съ Каиномъ, бросающимъ въ лицо людямъ свои страшныя проклятія, и съ Чайльдъ Гарольдомъ, дрожащимъ отъ негодованія при видѣ тиранніи и рабскаго повиновенія. У нихъ одинаковая исходная точка, одинаковая цѣль, и только различные пути.

Но, если темпераментъ подобнаго человѣка хрупокъ, если собственное его горе и вкоренившееся убѣжденіе въ несовершенствѣ людей и силѣ зла глубоко проникаетъ въ душу и терзаетъ его, но не рвется наружу, то оно можетъ иногда ска-

Digitized by Google

заться не въ протестующихъ, но въ грустно-жалобныхъ рѣчахъ; жизнь является недостойною того, чтобъ мыслящій и чувствующій человѣкъ изживалъ ее; она, со всѣми своими интересами, кажется только тяжкимъ бременемъ,—и это сознаніе ведетъ за собой гуманное чувство состраданія къ людямъ, соболѣзнованія объ общей горькой участи. Оно породило всю поэзію пессимизма, оно вдохновляло Леопарди,—„пѣвца смерти“—[7]), Ленау, А. Аккерманъ. Поэтовъ и мыслителей этого рода такъ-же мало можно назвать мизантропами, какъ и тѣхъ протестующихъ проповѣдниковъ обновленія,—точнѣе говоря, они остановились на половинѣ пути, и общечеловѣческія симпатіи спасли ихъ отъ крайности отчаянія. Такова дѣйствительно основа всего гуманнаго, но болѣзненно - бездѣятельнаго и безъисходно грустнаго направленія, за которымъ закрѣпилось типическое названіе *міровой скорби* [8]). Не только личныя несчастія его лучшихъ представителей, но и деморализующее зрѣлище общаго застоя или торжества реакціи вызывало повсюду подобный складъ мыслей у людей съ громадной впечатлительностью и слабою волей. Революціонныя потрясенія, смѣнившіяся военнымъ деспотизмомъ Наполеона,—идеалистическія стремленія нѣмецкой молодежи къ свободѣ, смѣнившіяся дикимъ гнетомъ возродившихся мелкихъ правительствъ и ихъ вѣрнаго органа, Bundestag'a,—восторженный либеральный лиризмъ итальянской поэзіи, заглушенный неаполитанской и римской реакціей,—всѣ эти разбитыя надежды цѣлыхъ поколѣній или сильныя нравственныя потрясенія порождали въ предрасположенныхъ къ тому людяхъ чувство пустоты и безцѣльности жизни, презрѣніе къ обыденнымъ страстямъ, меланхолическое стремленіе къ одиночеству и къ природѣ, вѣчное состояніе волненія и неисходныя жалобы; призракъ самоубійства по временамъ неотразимо манитъ къ себѣ подобныхъ людей, обѣщая избавле-

[7]) См. недавно открытую его поэму, въ дантовомъ вкусѣ, Приближеніе смерти (l'apressamento della Morte).

[8]) Объ этой болѣзни вѣка см. между прочимъ новый, хотя довольно поверхностный этюдъ П. Шарпантье, Une maladie morale, Le mal du siècle, P. 1880.

Digitized by Google

ніе отъ всѣхъ несчастій. Въ сильной степени болѣзненный, этотъ видъ мизантропіи или скорѣе разочарованности въ людяхъ все же гораздо выше повальной ненависти Тимона; личности подобнаго рода можно бы назвать скорѣе *печальниками* о людяхъ, чѣмъ врагами человѣчества. Такъ Леопарди въ тоже время искренно призываетъ избавительницу свою—смерть, и въ знаменитой одѣ къ Италіи пробуждаетъ въ своемъ народѣ любовь къ свободѣ и патріотизмъ. Это остается справедливымъ и по отношенію къ тѣмъ изъ двигателей философствующаго пессимизма, которые по складу мысли родственны пѣвцамъ міровой скорби. Такъ даже для Шопенгауера есть что-то примиряющее, уравнивающее въ общей всѣмъ людямъ жалкой долѣ; всѣ люди—его собратья по несчастью [9]), и если онъ часто обзываетъ ихъ безумцами и потѣшается надъ ихъ заблужденіями, то это пріемъ дѣланный, напускной; презрительный хохотъ Мефистофеля ему не къ лицу и позаимствованъ ради эффекта.

Эта погоня за эффектомъ далеко не рѣдкое явленіе въ обширномъ царствѣ мизантроповъ. „Несмотря на то, что всѣ люди не любятъ самихъ страданій, говоритъ Солли [10]), большинство ихъ находитъ удовольствіе увѣрять массу, что они ихъ переносятъ. Въ природѣ человѣка мы найдемъ немало поползновеній подвергать себя въ умѣренной, разсудительной степени мученичеству, изъ-за лестнаго сознанія своего обособленія, которое неминуемо затѣмъ слѣдуетъ. Но, конечно, ничто такъ удобно не можетъ доставить этотъ сладостный ореолъ мученика, какъ пессимистическое воззрѣніе на жизнь. Пессимизмъ льститъ человѣку, рисуя ему его собственный портретъ, гдѣ онъ является новымъ „побѣжденнымъ Прометеемъ“, терпящимъ свою пытку по волѣ жестокаго отца - Зевеса, но все выносящимъ и гордо борющимся. Въ этомъ представленіи, нужно признаться, немало привлекательности, и неудивительно, что оно такъ нравится

[9]) Съ этой точки зрѣнія смотритъ на него одинъ изъ новѣйшихъ изслѣдователей его системы, Vittorio Peri, Rivista Europea, 1880, 1 luglio, „il Wille di Arturo Schopenhauer“.

[10]) James Sully. Pessimism, 1877, p. 426.

Digitized by Google

многимъ. Пессимизмъ позволяетъ его послѣдователю позировать въ качествѣ оскорбленнаго и страдающаго божества, возбуждая удивленіе и поклоненіе если не всегда въ окружающихъ его зрителяхъ, то хоть въ немъ самомъ". Отсюда множество жалкихъ подражателей Вертеру и Печорину. Такіе фальшивые страдальцы за человѣчество, дилеттанты мизантропіи, никогда не пошевельнувшіе пальцемъ для осуществленія своихъ теорій на дѣлѣ, рѣдко подтверждающіе ихъ даже простотой и суровостью своей жизни, образуютъ собой громадный кругъ личностей, которымъ мѣсто скорѣе въ лагерѣ Тартюффовъ. Ихъ скептицизмъ и горькій юморъ обращаются въ профессію, становятся дешевымъ товаромъ, горячность ихъ—просто аффектація, своеобразный слогъ—просто жаргонъ, въ которомъ при нѣкоторой смѣтливости можно легко набить себѣ руку. Апемантъ въ шекспировомъ *Тимонѣ* могъ бы быть названъ прототипомъ этихъ доморощенныхъ циниковъ [11]), хотя онъ оригинальнѣе и честнѣе многихъ изъ нихъ, и по крайней мѣрѣ мирится съ своей бѣдной долей.

Вѣчно иронизирующій духъ, неизсякаемая хула только тогда естественна и правдива, когда основой ей служитъ глубина и разносторонность мысли, сила таланта, масса опыта. Свифтъ не рисовался ни своимъ юморомъ, ни своими страданіями, ни своимъ презрѣніемъ къ людямъ. Зоркій наблюдатель человѣческихъ слабостей, окруженный нравственно павшимъ обществомъ, снѣдаемый мучительнымъ честолюбіемъ замѣчательно умнаго человѣка, не находящаго нигдѣ приложенія своихъ способностей, онъ является поистинѣ мизантропомъ - *неудачникомъ*, и его раздражительный юморъ, рѣзкія неровности въ образѣ дѣйствій, его переходы отъ одной партіи къ другой, подъ конецъ даже полная измѣна англійскому патріотизму и свѣтлая роль вождя ирландскаго національнаго движенія, — все это не аффектація, а правдивая трагедія.

И такъ, анализъ далъ намъ нѣсколько главныхъ видоизмѣ-

---

[11]) Paul Stapfer, Shakspeare et l'antiquité, I, 223 pass.

Digitized by Google

неній общаго типа мизантропа: это—лютый и насквозь больной человѣконенавистникъ Тимонъ, воинствующій обличитель Альцестъ, группа поэтовъ міровой скорби и мыслителей пессимизма, мизантропъ-ипокритъ и актеръ, и наконецъ скептикъ. Натуры вообще попреимуществу субьективныя, они, какъ мы уже видѣли, прежде всего отличаются другъ отъ друга большей или меньшей степенью своихъ общественныхъ или человѣчныхъ симпатій. Для ипохондрика ихъ не существуетъ вовсе, у ученика Шопенгауера онѣ не поднимаются выше горя объ общемъ несовершенствѣ и мирятся съ умѣньемъ умирать, какъ завидной конечной цѣлью; у людей въ родѣ Апеманта онѣ если и являются, то развѣ только въ качествѣ новой вывѣски; у Свифта онѣ уже выростаютъ во внутреннемъ своемъ значеніи и дѣлаютъ порою изъ этого врага людей энергическаго заступника за слабыхъ и угнетенныхъ; но его насмѣшка все таки можетъ иногда являться орудіемъ мести, она слишкомъ слушается настроенія минуты и допускаетъ, какъ мы видѣли, непослѣдовательность и измѣну убѣжденій. Такимъ образомъ лишь за тѣмъ видомъ мизантропа, котораго мы видимъ борющимся среди общества во имя одной и той же идеи, осыпающимъ людей сарказмами въ надеждѣ ихъ исправить, — только за нимъ однимъ остается перевѣсъ въ общественномъ значеніи. Тимонъ безполезенъ для своихъ согражданъ; философскій пессимизмъ не научитъ ихъ борьбѣ, но покажетъ, какъ „перестаютъ желать, стремиться, испытывать страсти“; скептицизмъ можетъ иногда лишить привлекательности всякій идеалистическій порывъ, но прозаической борьбѣ не за себя только, а за всѣхъ, борьбѣ изо дня въ день, и не съ титаническими силами, а съ осязательнымъ, будничнымъ зломъ можетъ помочь, изо всѣхъ своихъ сверстниковъ, лишь человѣкъ въ родѣ Альцеста. Его угрюмое недовольство кажется порою непослѣдовательнымъ: онъ страстно привязывается къ той или другой отдѣльной личности, можетъ высоко дорожить любовью женщины, вѣрностью друга, но и эти чисто-эгоистическія черты въ его характерѣ имѣютъ совершенно иной, примиряющій смыслъ. Эта вѣра, эта любовь—послѣдняя опора его въ жизни; она

Digitized by Google

способна примирять его сколько нибудь съ окружающими людьми, осмысливать стремленіе его къ цѣли, быть можетъ, недостижимой. Такою любовью Альцестъ любитъ Селимену; меланхоликъ Руссо боготворитъ графиню d'Houdetot; даже для Свифта его первая и искреннѣйшая привязанность такъ и остается путеводной *звѣздой* (Стеллой) въ его неудачной жизни.

Въ людяхъ такого рода скрыты въ необработанномъ видѣ элементы общественнаго дѣятеля, но арена ихъ дѣйствій слишкомъ узка или же условія времени, степень развитія общества и т. д. становятся поперекъ ихъ дороги. Оттого то они и встрѣчаются всего чаще именно въ такія эпохи, когда ничто не благопріятствуетъ общественной самодѣятельности, когда и личность подавлена, а между тѣмъ паденіе общества дошло до крайней степени и близость борьбы уже чувствуется. Это-то сознаніе своего безсилія завязать ее единоличнымъ своимъ отпоромъ наполняетъ отчаяніемъ душу такого человѣка—и если въ довершеніе всего случай раскроетъ ему лживость даже самыхъ близкихъ ему людей, онъ можетъ поддаться этому отчаянію и броситъ людей на произволъ ихъ судьбы; но онъ и ушелъ то инымъ человѣкомъ, чѣмъ Тимонъ; вырвавшись изъ свѣтской суеты, очутившись въ своей желанной *пустынѣ*, онъ еще можетъ ожить въ здоровой атмосферѣ народной жизни, очнуться въ трезвой, трудовой деревенской дѣйствительности; тотъ же случай еще можетъ послать ему вѣрную дружескую руку, и къ нему можетъ снова вернуться и стремленіе къ труду, и вѣра въ человѣка, если не во всѣхъ людей.

Мизантропія этого рода, дѣятельная, протестующая и многорѣчивая, стоитъ такимъ образомъ на грани, отдѣляющей ее отъ политической и общественной дѣятельности, съ ея тревогами, раздраженіемъ, горячей полемикой, крушеніемъ партій и минутами унынія. Если основа и въ ней болѣзненна,— то это не больное воображеніе Донъ-Кихота, въ которомъ современная намъ медицина видитъ удивительно вѣрное изображеніе извѣстнаго психическаго состоянія, рисую-

Digitized by Google

щаго ему отжившіе и несбыточные образы [12]). У Донъ-Кихота идеалы позади его, въ давно схороненномъ прошломъ; ему мерещатся несуществующія страшныя злодѣянія и несправедливость, и на борьбу съ ними онъ отдаетъ всѣ свои силы,— здѣсь же всѣ идеалы впереди, въ свѣтломъ будущемъ, до котораго должно достигнуть человѣчество. Онъ борется противъ осязательнаго, всѣхъ поработившаго зла. У одного всѣ помыслы витаютъ въ фантастической сферѣ, у другого они связаны съ трезвой дѣйствительностью, и въ то время какъ одинъ стоитъ за движеніе впередъ, другому всего дороже удержать подольше достославную дѣдовскую старину. Такимъ образомъ отличительное названіе *мизантропа*, въ первоначальномъ смыслѣ этого слова, особенно рѣзко обнаруживаетъ тутъ свою несостоятельность. Подобную личность нельзя характеризовать обветшавшимъ свойствомъ *ненависти* къ людямъ: презрѣніе ея къ существующему порядку вещей, къ современному уровню нравственности велико, но для этихъ же людей и для будущихъ поколѣній она желала бы исправленія и возрожденія; этого не желаешь тому, кого ненавидишь; раздраженіе, повидимому непримиримое, внушено скорѣе **какимъ-то** страннымъ чувствомъ любви къ людямъ, въ которомъ, конечно, данное лицо ни за что не захотѣло бы сознаться. „Вы называете меня мизантропомъ, говоритъ Байронъ въ Донъ-Жуанѣ,—почему-же? Потому ли, что вы меня ненавидите, а не я васъ [13])?“ Дѣйствительно, **если**бъ обличительныя рѣчи такого человѣка возъимѣли хотя **нѣкоторый** успѣхъ, желчный характеръ ихъ сталъ бы ослабѣвать. **Для** ненавистника же людей всѣ они кажутся навѣки потерянными; для него—это громадное скопище животныхъ со всѣми стадными свойствами, съ низкими инстинктами, грязное, до мозгу костей порочное, лишенное всякой возможности исправленія.

---

[12]) См. наприм. любопытный этюдъ одного испанскаго медика, „Etude médico-psychologiqe sur l'histoire de Don Quichotte, par le dr. Morejon, trad. par le dr. J. M. Guardia. Paris, 1859.

[13]) Don Juan, пѣснь девятая, 21.

Digitized by Google

Эта безсознательная вѣра въ людей, скрывающаяся за рѣзкимъ негодованіемъ, обязываетъ насъ разъ навсегда обособить эту категорію отважныхъ личностей изъ всего обширнаго круга враговъ человѣчества. Только потому, что непонятное равнодушіе къ филологической точности въ данномъ случаѣ не дало творческой силѣ новыхъ языковъ создать соотвѣтствующій типическій терминъ,—только потому и смѣшиваются люди этого рода съ субъектами вполнѣ болѣзненными. Жизнь часто выставляла (въ особенности въ старину) людей, одушевленныхъ крайнимъ правдолюбіемъ и особенно высоко цѣнимыхъ за прямоту своей рѣчи, въ виду отсутствія всякой общественной гласности. Державинъ говорилъ о себѣ, что онъ „горячъ и въ правдѣ чортъ“, — и если въ отношеніи къ нему эту характеристику слѣдуетъ принять съ извѣстными ограниченіями, то она все таки остается чрезвычайно меткою въ примѣненіи ко всей особи правдолюбовъ. Сказать истину въ лицо, не стѣсняясь формой, громко назвать безчестное дѣло безчестнымъ, вспыхивать бурнымъ гнѣвомъ при видѣ малѣйшей несправедливости, и потому постоянно быть точно на волканѣ, — развѣ все это не такіе признаки, которыхъ мы въ правѣ, по общепринятому понятію, искать у мизантропа? Но этихъ людей никто не называлъ больными, и всякій готовъ былъ удивляться прямодушію ихъ и смѣлости. Но что же послѣ этого Альцестъ или Чацкій? Развѣ боязнь испортить свою будущность, свою карьеру, свои отношенія къ людямъ остановила ихъ когда нибудь въ ихъ обличительномъ негодованіи, — конечно, такъ-же мало, какъ Якова Долгорукаго могла остановить боязнь петровскаго гнѣва, или герцога Монтозье опасеніе впасть въ опалу у Людовика XIV. И отъ тѣхъ и отъ другихъ люди сторонятся, они стоятъ особнякомъ въ обществѣ и въ большей или меньшей степени несутъ всѣ послѣдствія этого одиночества. Болѣе твердые и здоровые выдерживаютъ до конца на своемъ постѣ, находя опору лишь въ сознаніи своей собственной силы; натуры хрупкія и слишкомъ впечатлительныя не выносятъ, надламываются, и въ отчаяніи ищутъ иногда спасенія въ полномъ отчуж-

Digitized by Google

деніи отъ общества. Приложите тогда къ нимъ ходячее прозвище мизантропа, и переходъ отъ одного типа къ другому станетъ вполнѣ ясенъ.

Различіе указанныхъ нами видоизмѣненій отражается и на неодинаковой ихъ пригодности къ литературному воспроизведенію. Ненависть къ людямъ, достигшая уже до степени неукротимо-бѣшеной злобы, почти недоступна ему; читатель или зритель еще можетъ слѣдить съ интересомъ за ходомъ развитія этой страсти, какъ онъ слѣдитъ за перипетіями ревности въ *Отелло* или за возрастающимъ безуміемъ Лира; но зрѣлище бѣснованій глубоко больного мизантропа, въ теченіе нѣсколькихъ актовъ предающагося своей поглощающей идеѣ, невыносимо. Слишкомъ исключителенъ, рѣдокъ этотъ видъ недовольства людьми, и притомъ слишкомъ патологиченъ; какъ немыслимо основать сюжетъ романа или драмы на такомъ положеніи героя, которое можно представить себѣ лишь съ извѣстнымъ усиліемъ воображенія, такъ нельзя перенести госпиталь или maison de santé на сцену, въ надеждѣ произвести какое бы то ни было глубоко художественное впечатлѣніе. Лишь одинъ Шекспиръ былъ въ состояніи отважиться на нѣчто подобное въ *Тимонѣ*,— но еще вопросъ, много-ли прибавила эта пьеса къ его поэтической славѣ. Напротивъ того, характеръ мизантропа, нестолько ненавидящаго человѣчество, сколько болѣющаго объ немъ, такъ доступенъ общему пониманію, такъ реаленъ и способенъ найти себѣ отголосокъ въ сердцѣ мыслящаго зрителя, что поэтъ получаетъ полное право и возможность воспроизвести этотъ характеръ. Онъ покажетъ намъ этого человѣка одинокимъ среди людnаго общества, на контрастѣ его убѣжденій съ господствующими вокругъ него оснуетъ драму, проведетъ его черезъ всѣ фазисы борьбы до изнеможенія и отчаянія,—и его произведеніе станетъ понятно всегда и вездѣ, гдѣ идетъ эта вѣковѣчная борьба личности съ массою. Но подобный характеръ выйдетъ только тогда вполнѣ реальнымъ, когда перенесенъ будетъ на сцену не пріукрашеннымъ въ добродѣтельномъ вкусѣ, когда явится передъ нами не красноглаголивымъ глашатаемъ полезныхъ истинъ, и съ дру-

Digitized by Google

гой стороны не сплошнымъ брюзгою отъ начала и до конца, но выступитъ со всѣми своими слабостями, непослѣдовательностью, даже комическими сторонами, которыя за нимъ несомнѣнно водятся. Послѣдовательная, прямолинейная мизантропія у подобнаго человѣка невозможна; у него всегда остается отголосокъ довѣрчивости или привязанности, которая его порою бѣситъ, но тѣмъ не менѣе не разстается съ нимъ; pour être dévôt je n'en suis pas moins homme, говорилъ о себѣ Тартюффъ, и почти тоже самое говоритъ о себѣ съ досадою Альцестъ [14]). Въ этомъ то внутреннемъ разладѣ и необходимо показать намъ героя пьесы; онъ приблизитъ его къ нашему общему уровню, сниметъ его съ ходуль ложноклассической проповѣди всевозможныхъ добродѣтелей. Но и этого еще мало; постоянная горячность, возбуждающаяся мгновенно и дѣлающая всю нервную систему до нельзя щекотливою, не можетъ не вовлекать человѣка въ промахи, дѣлая его порою даже почти смѣшнымъ. Онъ можетъ обратиться иногда съ своими рѣчами къ слушателямъ неспособнымъ понять его, можетъ нарушить тѣ или другія приличія, въ запальчивости договориться до такихъ рѣзкостей или защищать такія парадоксальныя мнѣнія, подъ которыми въ спокойномъ состояніи не могъ бы подписаться, — наконецъ онъ иногда способенъ будетъ возмутиться такъ же искренно и горячо при видѣ какого нибудь незначительнаго поступка, какъ и подъ впечатлѣніемъ крупной несправедливости. Это, конечно, уже комическія черты, не главныя въ данномъ характерѣ, но неотъемлемыя отъ него; гнѣвъ и страстное возбужденіе не даютъ человѣку возможности рисоваться.

Выполненія этихъ сложныхъ требованій мы въ правѣ ждать отъ писателя, желающаго возсоздать характеръ мизантропа. Его произведеніе должно съумѣть невредимо пройти на рубежѣ трагическаго и комическаго стиля, не склоняясь ни на чью сторону и образуя то, что до сихъ поръ еще кое-гдѣ слыветъ подъ старымъ прозвищемъ *высо-*

---

[14]) C'est à tort que sages on nous nommes, — dans tous les coeurs il est toujours de l'homme; актъ V, сц. VIII, стихъ 320—21.

Digitized by Google

кой комедіи. Онъ долженъ представить намъ не однородный, но чрезвычайно сложный организмъ, чье изображеніе требуетъ отъ него тонкаго знанія человѣческаго сердца. Скажемъ даже прямо, основываясь на точныхъ фактахъ, что только тотъ писатель можетъ совладать съ этой задачей, который самъ испыталъ когда нибудь подобныя ощущенія, кто много и горько думалъ о людяхъ, и въ комъ есть свой сильный задатокъ мизантропіи. Ревность, любовь, зависть, притворство можно скорѣе возсоздать усиліями воображенія, не испытавъ самому всѣхъ ихъ тревогъ,—но мизантропію, какъ учитъ насъ опытъ, можно понять и изучить лишь тому, кто способенъ выстрадать ее. Оттого то мы въ правѣ искать въ соотвѣтствующихъ пьесахъ Шекспира, Мольера, Грибоѣдова, отголоска личной жизни ихъ авторовъ, ихъ собственныхъ признаній, — такъ въ другой области творчества духъ непримиримой борьбы съ божествомъ и съ людьми у Манфреда или Прометея живо воплотился въ образахъ лишь благодаря внутренней связи своей съ рѣзкими диссонансами въ личной судьбѣ Байрона и Шелли. Столь же необходимо и давленіе среды на наблюдателя. Подъемъ народныхъ силъ, живое движеніе въ обществѣ или наукѣ, способное навремя оживить въ лучшихъ людяхъ надежды, хоть можетъ быть и не прямо оптимистскія, конечно, подѣйствуютъ неблагопріятно на развитіе этихъ личныхъ предрасположеній,—но если все, совершающееся вокругъ, свинцовымъ гнетомъ наляжетъ на творчество и свободу поэта, онъ тѣмъ живѣе сознаетъ въ себѣ запасъ мизантропіи и тѣмъ болѣе чутко разгадаетъ ее въ другихъ. Это вліяніе внѣшнихъ условій является третьимъ важнымъ стимуломъ къ воспроизведенію даннаго типа. Чѣмъ тяжеле эпоха, тѣмъ плодотворнѣе отражается она въ современномъ пессимизмѣ. Леопарди писалъ именно въ пору самаго тяжкаго застоя въ новѣйшей итальянской исторіи, Байронъ былъ зрителемъ нестерпимаго консервативнаго маразма въ Англіи, Мольеръ вращался въ обществѣ, предававшемся гніенію и сознательно топившемъ послѣдніе остатки стыдливости въ оргіяхъ сластолюбія и лакейства;—такое зрѣлище въ боль-

Digitized by Google

шей или меньшей степени способно возбуждать негодованіе всѣхъ честныхъ людей, у кого еще не заглохъ здравый смыслъ, — и потому поэтъ, отдаваясь своему собственному влеченію и воспроизводя личное настроеніе, можетъ разсчитывать на сочувствіе и ободреніе такихъ-же, какъ онъ, недовольныхъ и возмущенныхъ зрителей, которыхъ онъ не знаетъ, быть можетъ, вовсе, но чье присутствіе чуетъ въ народной массѣ.

Соединялъ-ли въ себѣ авторъ *Мизантропа* всѣ выставленныя нами условія вѣрнаго воспроизведенія избраннаго имъ характера,—вотъ что намъ необходимо выяснить прежде всего.

Современная ему пора была именно изъ числа такихъ удушливыхъ эпохъ, которыя даютъ пессимизму обильную пищу, особенно возбуждая его, какъ противовѣсъ общему самоуслажденію и увѣренности, что наступилъ наконецъ на землѣ золотой вѣкъ. Черезъ нѣсколько десятилѣтій эта борьба съ старымъ порядкомъ, научиться принимать самыя разнообразныя формы, нападая на врага съ разныхъ сторонъ и, начавъ съ политическихъ пѣсенокъ Вольтера, придетъ къ всеобщему ополченію энциклопедизма. Но пока для отдѣльныхъ личностей единственнымъ прибѣжищемъ является рѣзкое слово, презрительное или насмѣшливое отношеніе къ людямъ и нравамъ; они не скрываютъ своихъ убѣжденій и смѣло идутъ своей дорогой посреди общества, которое мало по малу вынуждено признать ихъ права и примириться съ существованіемъ среди него такихъ обличителей-правдолюбовъ. — Особенно часто мы видимъ подобныхъ *Катоновъ*, какъ ихъ любили называть въ то время, въ рядахъ потомковъ гугенотовъ, которыхъ истари и суровая добродѣтель, и воинственныя традиціи, и роль преслѣдуемыхъ страдальцевъ за убѣжденія предрасполагали къ тому. Таковъ былъ герцогъ Монтозье,—какъ увидимъ въ свое время, одинъ изъ предполагаемыхъ оригиналовъ Альцеста. Мать его маркиза Шатобріанъ, ревностная протестантка, женщина съ твердой волей и высоко нравственными принципами, вліяетъ на него съ дѣтства. Онъ смолоду смотритъ дичкомъ, крутъ, своеобразенъ, съ

Digitized by Google

необыкновенно суровыми, мужественными вкусами. Имѣя передъ собою живой образецъ въ лицѣ горделиво угасавшаго тогда бойца за свободу совѣсти, Агриппы д'Обинье, онъ старался, по мнѣнію его біографа, [15]) и самъ стать такимъ-же стойкимъ и безбоязненнымъ. Онъ съ неудовольствіемъ является въ первый разъ ко двору; его выходки складываютъ ему дурную репутацію, — „онъ мудръ до нелѣпости“ (il est fou à force d'être sage). говоритъ объ немъ м-мъ де Рамбулье. Его тонъ рѣзокъ; притворство, жеманство салонное его бѣситъ; онъ вспыльчивъ, и, по словамъ Тальмана де-Рео [16]), въ гнѣвѣ перечисляетъ одному изъ своихъ собесѣдниковъ всѣ его прошлыя низости и проступки. Единственнымъ прибѣжищемъ и отдохновеніемъ для него служатъ занятія литературой и въ особенности поэзіей, но и тутъ въ значительной степени его привлекаютъ произведенія сатирическія, особенно соотвѣтствующія его настроенію; любовная лирика возможна для него только тогда, когда онъ искренно охваченъ страстью къ существу избранному; вообще же онъ любитъ читать древнихъ сатириковъ и даже самъ переводитъ произведенія нѣкоторыхъ изъ нихъ [17]).

Неукротимо горячій въ молодые годы, онъ подъ старость сдѣлался нѣсколько умѣреннѣе и уступчивѣе [18]), даже принялъ предложенное ему королемъ мѣсто воспитателя дофина, но и въ эту пору онъ еще вѣренъ многимъ изъ своихъ прежнихъ воззрѣній. Онъ ведетъ своего воспитанника въ убогую деревенскую лачугу и показываетъ ему, какъ живутъ люди, чей неутомимый трудъ даетъ прави-

---

15) Un misanthrope à la cour de Louis XIV. Montausier, sa vie et son temps, par Am. Roux, P. 1860. Его же Réflexions sur le Misanthrope, Bordeaux, 1867.

16) Въ его Historiettes: *il crie, il est rude,* il rompt en visière, et s'il gronde quelqu'un, il lui remet devant les yeux toutes ses iniquités passées.

17) Такъ въ библіотекѣ Арсенала (manuscrits de Conrart, t. IX, 5675) хранится сдѣланный имъ рукописный переводъ сатиръ Персія.

18) Рукописн. Mémoires pour servir à l'histoire du duc de Montausier, Bibliothèque Nation., f. frauç., 14345.

Digitized by Google

телямъ и дворянству возможность роскошничать и лѣниться [c'est sous ce chaume et dans cette misérable retraite que logent le père, la mère et les enfants, qui travaillent sans cesse pour payer l'or dont vos palais sont ornés et qui meurent de faim pour subvenir aux frais de votre table]. Онъ отваживается укорять Людовика XIV за его страсть къ игрѣ, [19]) сказавъ ему однажды, въ отвѣтъ на его опасенія разориться: „государь, вы не разоритесь никогда, но вы обремените вашихъ подданныхъ, и они одни понесутъ всю тяжесть вашихъ излишествъ".—Къ такой-же категоріи суровыхъ правдолюбовъ видимо относился и дядя г-жи Севинье, Hugues de Rabutin, великій пріоръ мальтійскаго ордена. Весьма неглупый и мужественный, по словамъ современниковъ, онъ былъ крутъ и рѣзокъ въ своихъ рѣчахъ, и г-жа Севинье недаромъ называла его „мой дядя-пиратъ", [20]) что почти равнялось прозвищу мизантропа, которое всѣ придавали тогда Монтозье, не умѣя иначе опредѣлить особенности его направленія.

Но нетолько у подобныхъ людей, за которыми преданіе прямо признаетъ рѣзко опредѣленную роль въ обществѣ, находимъ мы признаки недовольства, пессимизма; онъ скрывался и у тѣхъ, кому не удавалось даже выдвинуться въ свѣтѣ и которые хранили его про себя, составивъ себѣ для личнаго обихода мизантропическую жизненную программу. Намъ довелось напасть на слѣдъ любопытнаго автобіографическаго признанія одного изъ такихъ заурядныхъ свѣтскихъ мизантроповъ того времени, какого-то monsieur de Mériguat, набросавшаго свой собственный портретъ [portrait de mr de Mer., fait par lui-même] [21]) за семь лѣтъ до появленія мольеровской пьесы (въ 1659 г.). Съ откровенностью всѣхъ подобныхъ исповѣдей, любящихъ взводить на самаго автора часто даже небывалыя слабости и проступки,

[19]) Новыя показанія на этотъ счетъ Сенъ-Симона (въ Papiers inédits du duc de St. Simon, изд. Фожеромъ, 1880) изображаютъ эту страсть у Людовика въ самыхъ ужасающихъ чертахъ.

[20]) Aubenas, Histoire de M-me Sevigné, de sa famiille, etc., 1842, p. 27

[21]) Рукопись Библіот. Арсенала (бумаги Конрара, томъ IX, 5675).

Digitized by Google

по возможности потемнѣе и порельефнѣе, этотъ герой своего времени признается, что за нимъ водится очень мало знаній, что онъ страшно влюбчивъ, могъ бы быть набожнымъ, но любитъ вставлять въ свой разговоръ вольнодумныя выраженія (такъ какъ это въ модѣ), что преданъ онъ одному лишь королю и никому больше и т. д. Но рядомъ съ этимъ чувствуется настроеніе человѣка, котораго дѣйствительно тяготитъ общепринятая житейская мораль. „Когда это нужно для приличія, я бываю любезенъ, говоритъ онъ, но это стоитъ мнѣ большихъ усилій, и поэтому я стараюсь поддерживать себѣ репутацію необыкновенно щепетильной искренности. Я, конечно, нахожу возраженія на все, что мнѣ ни скажутъ,—до такой степени, что на все на свѣтѣ смотрю скорѣе съ дурной стороны, чѣмъ съ хорошей. Я рѣдко встрѣчаю въ людяхъ особыя достоинства, и если иногда и говорю объ этомъ, то только концами губъ, потому что внутренняго, сердечнаго одобренія я все таки не въ состояніи дать. Я люблю *одиночество*, только потому, что въ свѣтѣ не нахожу многаго, что могло бы сдѣлать для меня сношенія съ нимъ пріятными,—или, скажу прямо, потому что въ уединеніи я нахожу менѣе огорченій, чѣмъ гдѣ либо“. [22]) Даже такому обыденному, чисто житейскому философу-наблюдателю кажется почетною роль недовольнаго мизантропа, даже онъ говоритъ объ удаленіи изъ общества, какъ о единственной гарантіи душевнаго спокойствія, хотя влеченіе къ одиночеству онъ и объясняетъ въ себѣ лишь чисто эгоистическими побужденіями.

Если такой, еще смутный, не вполнѣ мотивированный видъ мизантропіи могъ легко прививаться къ представителямъ свѣтскаго круга, то тѣмъ съ большею силой и созна-

---

[22]) Je fais profession de la plus scrupuleuse sincérité du mondę. J'aime naturellement à trouver à redire à tout, de sorte que je regarde toutes les choses du monde plustôt par le méchant coté que par le bon etc..... je n'aime la solitude que parce que je n'ay pas la pluspart des choses qui me seraient nécessaires pour trouver le commerce du monde agréable, ou pour dire plus véritablement parceque j'y ay moins de chagrin qu'ailleurs. (стр. 187—198).

Digitized by Google

тельностью это негодующее чувство должно было, съ теченіемъ времени, овладѣть всѣми дѣйствительно мыслящими и независимыми людьми въ быстро разроставшемся образованномъ кругу. Чѣмъ приниженнѣе становится общій уровень, тѣмъ тверже и смѣлѣе поднимаютъ свой голосъ отдѣльныя личности. Въ обществѣ для нихъ еще менѣе мѣста, чѣмъ для Монтозье или Меригà; оттого многіе изъ нихъ принуждены жить долгіе годы въ изгнаніи или въ опалѣ, какъ Сентъ-Эвремонъ, Ларошфуко; это изгнаніе замѣняетъ для нихъ то одиночество, о которомъ мечтаютъ всѣ мизантропы. По словамъ опытнаго придворнаго, выведеннаго С. Эвремономъ въ одной изъ его мелкихъ сатирическихъ вещицъ, [23]) для человѣка, вращающагося въ избранномъ обществѣ, выборъ несложенъ: онъ долженъ или „рѣшиться терпѣть пороки, распространенные вездѣ въ свѣтѣ или *искать спасенія въ одиночествѣ*, и унести съ собою въ убѣжище ту добродѣтель, за которую его ненавидѣли при дворѣ“. Изъ своего далека они мстятъ людямъ или такъ, какъ Ларошфуко, показавъ имъ тотъ кодексъ нравственности, который ими управляетъ, или, какъ С. Эвремонъ, направляя градъ насмѣшекъ на современное состояніе двора, общества и литературы, изощряясь наприм. въ изображеніи идеальныхъ свойствъ *женщины, какихъ не бываетъ* (Portrait d'une femme qui ne se trouve point). Оставшіеся среди людского общества ведутъ такія же рѣчи открыто; ихъ горячность входитъ въ пословицу; ихъ сторонятся, боятся, и поневолѣ уважаютъ. Образцомъ для нихъ является Катонъ, въ которомъ всѣ они видятъ высоко-идеальнаго, неподкупнаго защитника правды; въ этомъ поклоненіи ему и въ сожалѣніи, что судьба послала его слишкомъ поздно для спасенія Рима, чувствуется даже что-то въ родѣ республиканскихъ симпатій, идущихъ въ разрѣзъ съ торжествомъ монархизма. Во французской литературной практикѣ семнадцатаго вѣка Катонъ является постоянно синонимомъ правдолюбиваго судьи нравовъ (censeur). У Мольера не разъ встрѣ-

[23]) Oeuvres de mr de Saint Evremond, avec la vie de l'auteur, 1753, III, 209—17.

Digitized by Google

чаемъ мы такое сравненіе, [24]) а Буало, начавъ свою одиннадцатую сатиру, направленную противъ mr de Harlay, перваго президента парижскаго парламента, словами: En vain ce faux-Caton etc., измѣнилъ этотъ стихъ, поставивъ „en vain *ce misanthrope*, [25]) желая нѣсколько ослабить прямой намекъ на личность, но очевидно находя, что эта замѣна ничего не мѣняетъ въ самой сущности.

Дѣйствительно, настоящими Катонами [26]) въ миніатюрѣ смотрѣли эти люди, когда ораторствовали въ салонахъ или воевали на письмѣ противъ паденія нравовъ и поруганія здраваго смысла. Всѣ честныя и морализирующія дѣйствующія лица въ комедіяхъ Мольера, предшествовавшихъ *Мизантропу*, всѣ эти Аристы и Клеанты, взяты прямо съ натуры. Такъ говорилъ съ одной стороны Монтозье, ворча и кипятясь противъ всего и всѣхъ, такъ горячился Буало и противъ общественныхъ пороковъ и противъ безсильной и педантической литературы, неспособной отвѣчать запросамъ времени; подъемъ ихъ рѣчей необыкновенный; они влагаютъ всю душу въ нихъ и сознаютъ важность своей борьбы; они способны завести при малѣйшемъ поводѣ лютый споръ (стоитъ вспомнить споръ Буало съ Бурдалу изъ-за Паскаля, когда сатирикъ не побоялся высказать открыто свое сочувствіе преслѣдуемымъ янсенистамъ) [27]), и тогда никакія соображенія лица, времени, приличій, не въ состояніи болѣе остановить ихъ. Они, быть можетъ, не отдавая себѣ отчета въ томъ, служатъ ту-же службу обществу, какъ современные проповѣдники, и правовѣрные и янсенистскіе, одинаково

---

[24]) Наприм. въ Тартюффѣ, актъ I, сц. 5, ст. 349. Точно также въ Lettre sur la comédie de l'Imposteur, отчасти принадлежащей Мольеру, стр. 556.

[25]) См. рукописныя замѣтки Бросетта о его разговорахъ съ Буало, въ Національ. Библіот. (franç., 15275, p. 17).

[26]) Замѣтимъ, что это сравненіе, вмѣстѣ съ другими ложноклассическими пріемами, перешло у насъ и къ Фонвизину. См. напр. Всеобщую придворную грамматику, гл. I: — «тѣ, которыя презрительнѣйшимъ притворствомъ обманываютъ публику: внѣ дворца кажутся Катонами, вопіютъ противъ льстецовъ и т. д. Сочин. Ф. Виз., изд. Ефремова, 239).

[27]) Feugère. Bourdaloue, sa prédication et son temps. — Письмо г-жи Севинье отъ 15 янв. 1690.

Digitized by Google

возстающіе противъ нравовъ вѣка и оставившіе намъ крайне мрачныя картины современной имъ безнравственности; [28]) они ведутъ такія же рѣчи, какія вела сатира или комедія ихъ времени, и вмѣстѣ съ тѣмъ ихъ безотрадный взглядъ на жизнь, и презрѣніе къ вожакамъ свѣтскаго общества, низость которыхъ они вполнѣ разгадали, находитъ себѣ отзвукъ въ тѣхъ безчисленныхъ непечатныхъ пѣсенкахъ, сатирическихъ куплетахъ и эпиграммахъ, которыми здравый смыслъ народа казнилъ лживый блескъ двора, протестовалъ противъ гнета, и которыя, послѣ смерти Людовика, слились въ такой страшный, трагическій хоръ проклятій и ему и всему его вѣку. [29]) Такимъ образомъ мизантропы - ораторы были въ обществѣ лишь выразителями того, что думала народная масса, и когда въ свою очередь ихъ собственныя черты слились въ Альцестѣ въ одинъ художественный образъ, онъ воплотилъ въ себѣ помыслы и желанія не одного только автора, но и многихъ его единомышленниковъ.

Но сверхъ зоркой наблюдательности, которая не могла не показать Мольеру въ современномъ обществѣ готовые образцы для изученія намѣченнаго имъ типа, [30]) онъ соединялъ въ себѣ самомъ и другое важное условіе, которое мы уже признали необходимымъ для данной работы. Новѣйшія біографическія изысканія достаточно подтвердили сдѣланную еще Буало характеристику его, какъ „созерцательнаго мыслителя“ (contemplateur),— склоннаго къ обобщенію и осмысливанію всей массы наблюдаемыхъ имъ жизненныхъ явленій,—но при этомъ необходимо помнить, что эта способность

[28]) Наприм. въ проповѣди Бурдалу sur l'impureté, которую Фэжеръ имѣлъ право сблизить съ картиной нравовъ въ Донъ Жуанѣ Мольера.

[29]) См. собраніе ихъ въ первомъ томѣ Chansonnier historique publ. par Raunié. 1879.

[30]) Наблюдательность эта была неисчерпаема. Нѣсколько свидѣтельствъ говорятъ о привычкѣ Мольера, находясь въ обществѣ, внимательно слѣдить за отраженіемъ характеровъ говорящихъ лицъ, и, когда что нибудь особенно поражало его, тутъ же записывать это тайкомъ на игральныхъ картахъ, которыя онъ для этого носилъ при себѣ. Du Tilliet, Le parnasse français, 1732, стр. 315.—Эта привычка его была даже осмѣяна на сценѣ,— именно въ враждебной ему пьесѣ Zelinde, де Визé, сцена VI.

Digitized by Google

его въ сильной степени окрашивалась издавна меланхолическимъ оттѣнкомъ. Его помыслы по большей части рисовали ему жизнь и людей съ мрачной стороны; порывы необузданной веселости постоянно смѣнялись у него глубокой тоской,— признакъ общій всѣмъ великимъ юмористамъ, — и эта тоска не утихала съ успѣхами его свѣтской и литературной карьеры, а напротивъ все возрастала. Въ обществѣ, гдѣ отъ него ждали остроумія и веселости, онъ часто бывалъ нестерпимѣйшимъ гостемъ по своему безмолвію и скучающему виду. Обязанностью его друзей, въ особенности весельчака Шапелля, было какъ нибудь разгонять его мрачное настроеніе; „вы во мнѣ найдете человѣка, который всегда будетъ стараться разсѣять ваше горе или по крайней мѣрѣ раздѣлить его съ вами“, пишетъ ему однажды Шапелль, [31]) а между тѣмъ въ эту минуту поводомъ къ *горю* были только внутреннія несогласія въ средѣ его труппы.... Когда же съ годами возросла и его болѣзненность, меланхолическія мысли стали чаще посѣщать его. Но этотъ пессимизмъ, въ значительной степени подготовленный особенностями его нравственнаго склада, развивался подъ вліяніемъ фактовъ и наблюденій общественной и личной жизни. Стоитъ обобщить всѣ взгляды на современный общественный строй, разсѣянные въ различныхъ его комедіяхъ,—для того чтобъ получилась мрачнѣйшая картина нравовъ, доказывающая, какъ глубока и трезва была его наблюдательность. Это обобщеніе не въ модѣ у большинства мольеристовъ, предпочитающихъ останавливаться на мелкихъ и частныхъ вопросахъ, но оно представляетъ собою чрезвычайно благодарный трудъ для всякаго, кто хочетъ понять *настоящаго* Мольера. Въ самомъ дѣлѣ, что за общество глядитъ на насъ въ мольеровыхъ пьесахъ! Семья подъ дикимъ произволомъ родителей (въ *Скупомъ*, Тартюффѣ, Мнимомъ Больномъ), бракъ основанъ на неравенствѣ и деспотизмѣ (теоріи—Арнольфа въ Школѣ женщинъ), простое и

---

[31]) Recueil de pièces galantes en prose et en vers de mad. la comtesse de la Suze etc., 1748.

Digitized by Google

честное крестьянство отдано на произволъ насквозь испорченной аристократіи (въ Донъ-Жуанѣ), среднее сословіе, трудящееся и достигающее нѣкотораго благосостоянія, портится и искажается отъ неразумной погони за дворянской модой (Мѣщанинъ въ дворянствѣ, Жоржъ Данденъ), служители церкви обратились въ алчныхъ лихоимцевъ и сластолюбивыхъ притворщиковъ, судъ держится взятками и безстыднымъ пристрастіемъ (Мизантропъ, характеристика суда въ Продѣлкахъ Скапена, актъ III, явленіе 8-е), личность человѣка совершенно попрана административнымъ и судебнымъ произволомъ (успѣшный доносъ Тартюффа, преслѣдованіе Альцеста по жалобѣ Оронта), а въ это время наука впала въ педантизмъ или шарлатанство (Précieuses, Ученыя женщины), литература стала забавой, и наиболѣе образованные слои общества, вмѣсто того чтобъ чѣмъ нибудь содѣйствовать поднятію умственнаго уровня массы, предаются салонной болтовнѣ объ изящныхъ предметахъ или кропанію безсмысленно-утонченныхъ стиховъ. Постояннаго созерцанія подобныхъ нравовъ, конечно, вполнѣ достаточно, чтобъ навести человѣка на печальныя мысли, придать его отзывамъ и характеристикамъ характеръ нетерпимости, и борьбѣ его — энергію и рѣшительность. „Значеніе общественной дѣятельности сатирика, какъ вѣрно замѣтилъ одинъ изъ лучшихъ знатоковъ Мольера, Л. Моланъ,[32]) опредѣляется степенью крѣпости и компактности того общества, противъ чьей безнравственности онъ возстаетъ“. Среда же, окружавшая Мольера, была такъ еще крѣпка и солидарна во всѣхъ своихъ порокахъ и предразсудкахъ, что и жить въ ней и бороться съ нею должно было стать тяжелою долей для мыслящаго человѣка.

Въ первое время его дѣятельности одни лишь наблюденія надъ этой средой могли давать матеріалъ для его обличительнаго раздраженія, и въ пьесахъ той поры его протестъ, заявляемый добродѣтельными личностями его комедій, еще держится на уровнѣ пожеланій перемѣны, довольно общихъ. Съ теченіемъ времени не свидѣтелемъ только, а страда-

[32]) Oeuvres de Molière, ed. Moland, t. II, p. XXXV.

Digitized by Google

тельнымъ лицомъ, преслѣдуемымъ людской злобой, пришлось ему быть. Месть задѣтыхъ имъ враговъ становилась поперекъ его дороги вездѣ; писательская, театральная каррьера постоянно отравлялась всевозможными подкопами; десятки пасквилей печатались не только заграницей, но и въ самомъ Парижѣ и изъ-подъ полы распространялись вездѣ; подавались доносы королю на него, обвинявшіе его въ самыхъ низкихъ преступленіяхъ; наконецъ непримиримая вражда, закипѣвшая изъ-за *Тартюффа*, вражда, которую мы подробнѣе старались характеризовать въ другомъ мѣстѣ, отравившая ему безпрестанными преслѣдованіями всѣ два года, протекшіе съ перваго представленія этой (еще неполной) пьесы до появленія *Мизантропа*, показала ему, въ какомъ вертепѣ онъ находится. Основа для мизантропіи была съ этой поры прочно заложена. Онъ могъ еще вести свой прежній образъ жизни, среди общества, но съ особой отрадой сталъ онъ искать одиночества, гдѣ бы ни шумъ, ни людскія лица не напоминали ему столичную жизнь и жалкую дѣйствительность. Онъ сталъ чаще уединяться гдѣ нибудь за городомъ, быть можетъ уже тогда въ любимомъ своемъ Отэйлѣ,—въ то время еще простой деревушкѣ; эти странствія были какъ бы его *пустыней*, этимъ неизбѣжнымъ прибѣжищемъ каждаго мизантропа; блуждая подъ деревьями ближайшаго къ Парижу лѣса, то одинъ, какъ онъ дѣлалъ это потомъ въ Отэйлѣ, то съ кѣмъ нибудь изъ самыхъ близкихъ друзей, онъ старался думать и говорить о предметахъ, которые успокоивали его умъ; тутъ онъ велъ философскіе споры, вспоминалъ любимые стихи; въ такомъ одиночествѣ онъ впослѣдствіи переводилъ высоко цѣнимаго имъ Лукреція, у котораго находилъ отзвукъ своей грусти. Во время одной изъ такихъ уединенныхъ прогулокъ произошла та встрѣча съ честнымъ нищимъ, возвратившимъ данную ему по ошибкѣ золотую монету,—которая вызвала въ Мольерѣ извѣстное, опять чисто-мизантропическое восклицаніе: où la vertu va-t'-elle se nicher! [33]) Бывали случаи, когда въ тотъ же

[33]) Она подала поводъ къ извѣстной сценѣ съ нищимъ въ Донъ-Жуанѣ, какъ это доказалъ еще Taschereau.

Digitized by Google

самый Отэйль онъ отправлялся не затѣмъ; тогда его сопровождала веселая толпа пріятелей и тутъ начинался пиръ на распашку, однажды достигшій даже истинно гомерическихъ размѣровъ, [34]) пиръ во вкусѣ стариннаго французскаго актерства. Но съ каждымъ годомъ онъ все болѣе чуждался шумной компаніи, его столъ былъ крайне умѣренъ, привычки скромныя, и не веселья, а забвенія и спокойствія искалъ онъ. Здѣсь-то приходилось друзьямъ успокоивать его, стараться его разсѣять; здѣсь они принимали отъ него весь печальный запасъ его жалобъ.

Но его мизантропія не была безъисходной ненавистью, которая клокочетъ въ душѣ пораженнаго ею человѣка, изнуряя его и не принося пользы никому. Послѣ пароксизмовъ унынія наставало напряженіе силъ, и все, противъ чего возмущался онъ внутри себя, находило себѣ доступъ въ его произведенія, гласно бичевалось на сценѣ, и чѣмъ больше назрѣвало недовольство, тѣмъ отважнѣе становился протестъ. Пусть это былъ протестъ не во имя опредѣленной программы, пусть его основой прежде всего служитъ призывъ общества къ честности и справедливости,—но развѣ не бываетъ въ исторіи всякаго общества (и скажемъ прямо, въ особенности русскаго) такихъ временъ, когда даже этотъ призывъ становится настоятельнѣйшимъ и когда люди готовы Богъ вѣсть что отдать за воцареніе въ ихъ жизни хоть нѣкоторой честности, гуманности и стыда! Такою то порой былъ *золотой* вѣкъ великаго Людовика; на людей, еще сохранившихъ нравственное чутье, отрадно дѣйствовало слово человѣка, осмѣливающагося называть вещи по ихъ именамъ. Если Буало ставилъ это себѣ въ заслугу, [35]) то за Мольеромъ ее нужно признать въ величайшей степени. Послѣ Тартюффа и Донъ-Жуана,

---

[34]) Разгоряченные виномъ собесѣдники, не зная въ чемъ найти исходъ своему возбужденію, рѣшили бѣжать всѣмъ поголовно къ Сенѣ топиться. Одинъ лишь Мольеръ сохранилъ хладнокровіе и доказалъ подгулявшимъ гостямъ, что, утопившись въ нетрезвомъ видѣ, они никого не удивятъ, а что слѣдуетъ напротивъ подождать слѣдующаго дня.

[35]) J'appelle un chat un chat, et Rollet un fripon, etc.

Digitized by Google

гдѣ правда была брошена въ лицо обществу смѣлѣе чѣмъ когда либо, онъ захотѣлъ довершить впечатлѣніе сатирической своей картины, нѣсколькими штрихами, показывающими въ немъ великаго мастера. До сихъ поръ онъ вмѣстѣ съ другими сатириками бичевалъ пороки, рисовалъ возмутительные нравы, — задача ясная, неизмѣнная во всякой обличительной литературѣ; теперь внутренняя потребность подсказала ему мысль перейти отъ частнаго къ общему, отъ сатиры къ трагизму, и показать, *каково* же жить въ изображенномъ имъ обществѣ умному и честному человѣку.

„Мольеръ, говаривалъ потомъ своему собесѣднику Броссету Буало, въ такой степени обладалъ искусствомъ характеризовать людей, что если ему удавалось узнать одну лишь черту какого нибудь человѣка, не зная лично его самого, онъ уже былъ вполнѣ увѣренъ, что можетъ изобразить совершенно цѣльный и правдивый характеръ этого лица, заставить его дѣлать и говорить многое, истекающее прямо изъ этой извѣстной ему черты и изъ всего характера“. [36]) Ничто, конечно, не было въ эту пору ему ближе и понятнѣе, чѣмъ отзвуки его собственнаго негодующаго настроенія въ другихъ людяхъ; анализируя свои ощущенія, онъ могъ провѣрять ихъ по тѣмъ чертамъ, которыя подмѣчалъ у встрѣчаемыхъ имъ въ обществѣ людей съ знакомымъ ему мизантропическимъ настроеніемъ. Люди въ родѣ Монтозье или Буало могли въ эту пору являться для него желаннымъ предметомъ изученія. Отъ этого двойного анализа и отгадки должны были постепенно отвлекаться основныя, существенныя черты самого типа, который постепенно складывался въ его умѣ и несомнѣнно долго былъ выношенъ. Думаемъ, что для убѣжденія въ этомъ достаточно внимательнаго чтенія наиболѣе сильныхъ рѣчей Альцеста; это чтеніе, показывающее на каждомъ шагу столько искренности и глубины раздумья въ авторѣ, говоритъ намъ прямо, что мы имѣемъ дѣло не съ такимъ произведеніемъ, которое мож-

---

[36]) Рукопис. Націон. Библ., franç., 15275, стр. 39.

Digitized by Google

но импровизовать съ беззаботной легкостью, какъ какія нибудь Продѣлки Скапена или Impromptu de Versailles, но что его нужно было не только продумать, но и выстрадать. Поэтому въ нашихъ глазахъ является не нелѣпою, а просто смѣшною легенда, пущенная въ ходъ (какъ это сдѣлано было и относительно Тартюффа) современными Мольеру итальянофилами объ исторіи происхожденія его Мизантропа [37]). Разсказъ этотъ имѣетъ всю обстановку реальнаго факта. Мольеръ будто бы незадолго до перваго представленія Мизантропа встрѣтился однажды въ саду Пале-Рояля съ итальянскимъ комикомъ Анжело, исполнявшимъ роли *dottore*; заведя разговоръ о театральныхъ новостяхъ, Анжело подалъ Мольеру мысль вывести въ одной изъ слѣдующихъ своихъ комедій характеръ нелюдима, который въ итальянскомъ театрѣ (и именно въ Неаполѣ) былъ съ успѣхомъ выведенъ на сценѣ; при этомъ онъ далъ нѣсколько указаній, какъ именно этотъ характеръ былъ понятъ въ Италіи (между прочимъ въ итальянской пьесѣ былъ уже будто бы выведенъ праздный аристократъ, который, какъ и *Le grand flandrin de vicomte* въ Мизантропѣ, плюетъ въ колодезь, любуясь на круги, происходящіе оттого). Прошло нѣсколько мѣсяцевъ послѣ этого разговора, и Анжело былъ не мало изумленъ, увидавъ однажды на аффишѣ мольеровскаго театра объявленіе о новой пьесѣ, которою и былъ именно Мизантропъ [38]). Таковъ этотъ разсказъ, неправдоподобный съ перваго слова до послѣдняго. Скажемъ прежде всего, что въ итальянскомъ театрѣ до-мольеровскаго періода характеръ мизантропа

---

[37]) Примѣръ этому узко-патріотическому искаженію фактовъ подавалъ въ особенности Риккобони. Но отголосокъ подобнаго же взгляда находимъ наприм. даже у Бейля, Dictionn. philosoph., Amsterdam, 1734, IV, который сочувственно повторяетъ чужое мнѣніе, что, не будь итальянскихъ комиковъ во Франціи, Мольеръ не достигнулъ бы знаменитости.

[38]) Этотъ разсказъ записанъ въ рукоп. сборникѣ Траллажа, хранящемся въ библіотекѣ Арсенала, и составленномъ вообще безъ особенной разборчивости. Наиболѣе цѣнныя данныя по исторіи французскаго театра извлечены изъ него г. П. Лакруа и изданы имъ отдѣльно въ 1880 г. (Notes et documents sur l'histoire des théâtres de Paris etc.; объ Анжело см. стр. 7—8).

Digitized by Google

былъ выведенъ лишь въ пьесѣ Боярдо, *Timone*, [39]) которая, какъ обозначилъ это самъ авторъ въ заглавіи, была одною изъ многочисленныхъ передѣлокъ Лукіанова діалога о Тимонѣ, не имѣющаго (какъ увидимъ ниже) ничего общаго съ сюжетомъ мольеровой пьесы. Легкая импровизованная итальянская комедія воспользовалась этимъ типомъ лишь *послѣ* Мольера и притомъ крайне неудачно. [40]) Стало быть, ни на какіе образцы ссылаться нельзя было. Даже допустивъ, что въ упомянутомъ разговорѣ дѣйствительно сдѣланъ былъ Мольеру довольно общій намекъ на пригодность подобнаго сюжета для драматической обработки, все же нельзя было бы понять, какимъ образомъ въ краткій промежутокъ времени могла сложиться глубоко обдуманная и цѣльная пьеса. Но, когда припомнимъ настроеніе Мольера въ данную пору и тѣ мизантропическія мысли, которыя его постоянно томили, ясно станетъ, что для него не нужно было указаній итальянскаго фарсёра, чтобъ побудить его къ искренной художественной исповѣди,—и что, если разговоръ съ Анжело дѣйствительно происходилъ, онъ могъ имѣть значеніе лишь послѣдняго повода къ *окончанію* давно задуманной работы.

Послѣдній издатель Мизантропа [41]) находитъ возможнымъ указать приблизительно время, когда начаты были Мольеромъ работы надъ этой пьесой,—именно 1664 годъ, и основывается при этомъ на показаніи Бросетта, которое принимаетъ въ буквальномъ смыслѣ [42]). Но это показаніе настолько недостовѣрно и доступно иному объясненію, что не можетъ въ нашихъ глазахъ служить прочнымъ основа-

---

[39]) Timone, comedia del magnifico conte Matheo Maria Boiardo (traducta de uno dialogo di Luciano). Bologna, 1503; это одна изъ самыхъ раннихъ итальянскихъ пьесъ въ стихахъ.

[40]) Arlequin misanthrope, напечат. въ VI томѣ Théâtre italien de Gherardi ou recueil général de toutes les comédies etc.

[41]) Oeuvres de Molière (Grands Ecrivains de la France), 5-e volume, publié par P. Mesnard, 1880, p. 357.

[42]) Бросеттъ запомнилъ очевидно только, что дѣло шло вообще о какой-то *большой комедіи*, читанной Мольеромъ у графа де-Бруссена (de Brous-

Digitized by Google

ніемъ для хронологіи пьесы. Но если невозможно и здѣсь съ увѣренностью указать *ни дня*, *ни часа*, когда работа была начата (да и гдѣ-же это возможно, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда авторская аккуратность сама постарается отмѣтить это для потомства?), то приблизительно точнаго отвѣта на поставленный такимъ образомъ вопросъ можно искать въ соображеніяхъ, такъ сказать, психологическихъ, не теряя изъ виду ни на минуту тѣсную связь настоящей пьесы съ личною жизнью Мольера.

Пока мизантропію поддерживало въ Мольерѣ постоянное зрѣлище людской неправоты и пока она не выходила изъ предѣловъ сильнаго, но все еще довольно общаго недовольства, и такихъ же наблюденій надъ различными характерами мизантроповъ въ обществѣ, въ ней не было матеріала для художественнаго воспроизведенія; она еще не могла дать основу для драмы. Необходимо было рѣзкое трагическое столкновеніе, которое раскрыло бы сатирику-мизантропу всю мѣру его одиночества и несчастій. Этотъ конфликтъ могла дать или открытая борьба съ обществомъ, чья месть за умственное превосходство и независимость породила бы крайнюю степень отчаянія и полный разрывъ съ жизнью — или-же должны были разрушиться послѣднія надежды и привязанности, еще примирявшія съ жизнью, которая съ этой минуты стала бы нестерпимою. Судьба позаботилась ввести это недоставшее звено въ готовый запасъ мизантропическихъ мыслей, — и съ той минуты организмъ будущей пьесы былъ уже полонъ.

Женитьба Мольера составила несомнѣнный переломъ въ развитіи его мизантропіи. Сколько бы унынія мы порою ни распознали въ его характерѣ въ теченіе предшествовавшаго періода, оно только съ этой минуты пріобрѣтаетъ сложные мотивы и сильную напряженность; вмѣстѣ съ тѣмъ возра-

sins),—но въ названіи ея былъ не очень увѣренъ. Недавно Луазелёръ съ большой убѣдительностью доказывалъ (въ газетѣ *Temps*, 12 августа 1880, Molière en province), что рѣчь здѣсь шла о первомъ актѣ Тартюффа; дѣйствительно, какимъ бы плодовитымъ мы ни считали Мольера, неправдоподобно, чтобъ онъ въ состояніи былъ вести одновременно двѣ большія комедіи.

Digitized by Google

стаетъ и автобіографическое значеніе его произведеній. [43]) Уже въ двѣ пьесы, стоящія на самой грани этой поры перелома, въ Школу мужей и Школу женщинъ, Мольеръ вводитъ весьма прозрачныя личныя признанія, освѣщающія его сборы къ новой жизни и надежды на счастье. Обѣщанія, которыя онъ даетъ самъ себѣ въ первой изъ этихъ пьесъ, основать семейную жизнь на довѣріи и равноправности, и надежда, что и любимая женщина усвоитъ себѣ съ такою же честностью эти жизненныя правила, отражаютъ уже взволнованное душевное состояніе, сомнѣнія, съ трудомъ успокоиваемыя идеалистическими разсужденіями съ самимъ собою. Но вѣра въ счастье еще сильна, — и Мольеру доставляетъ особое удовольствіе, что его кто-то изъ друзей (быть можетъ, Миньяръ) срисовалъ съ натуры въ одной изъ сценъ Школы мужей вмѣстѣ съ Армандой, съ которой онъ игралъ въ первый разъ вмѣстѣ; въ описи его имущества сохранилось даже два подобныхъ рисунка, которые напоминали ему и въ поздніе годы краткое время его счастья. [44]) Но прошло не болѣе десяти мѣсяцевъ съ этого времени, и уже въ Школѣ женщинъ это настроеніе уступаетъ мѣсто оскорбительному разочарованію и грустному смѣху обманувшагося человѣка. Въ наивной дѣвочкѣ, изъ которой онъ надѣялся своими совѣтами и руководствомъ сдѣлать скромную и вѣрную подругу, проснулись инстинкты свѣтской львицы. Въ *Impromptu de Versailles*, написанномъ уже въ 1663 году, и выводящемъ на сцену всю труппу Мольера, въ томъ числѣ и его молодую жену, чувствуется уже какое-то сдержанное отношеніе къ молодой красавицѣ-женѣ, которую старый и любящій мужъ готовъ лелѣять и беречь, но въ которой онъ уже не видитъ своей тихой подруги. Но время идетъ, свѣтскіе успѣхи Арманды ростутъ, со времени перваго представленія *Princesse d' Elide* она уже окружена роемъ аристократическихъ поклонниковъ; въ домѣ Мольера водворяется шумный и пустой образъ жизни,

---

[43]) Объ этомъ автобіографическомъ ихъ значеніи мы говорили подробнѣе въ иномъ мѣстѣ (Мольеръ, сатирикъ и человѣкъ, Вѣстн. Европы, 1878, V).

[44]) Eudore Soulié, Recherches sur Molière et sur su famille, 1863, p. 90.

Digitized by Google

принуждающій его часто запираться отъ гостей или искать спасенія въ Отэйльскомъ уединеніи. Нападки на нравы двора и на аристократовъ становятся все озлобленнѣе; отъ потѣшныхъ Marquis ridicules его первыхъ комедій, отъ смѣшныхъ барчуковъ въ les Fâcheuxs онъ быстрыми переходами приводитъ насъ къ характеру Донъ-Жуана, въ которомъ съ какимъ-то особеннымъ наслажденіемъ совмѣщаетъ всевозможныя отталкивающія свойства; но этой мести для него недостаточно. Донъ-Жуанъ слишкомъ крупная, эффектная личность,—и не отъ подобныхъ неотразимыхъ искусителей приходится страдать поэту. Его противники мелки и ничтожны, и всю ихъ привлекательность составляютъ въ глазахъ такихъ женщинъ, какъ Арманда, молодость, неистощимость свѣтской болтовни, внѣшнее изящество. Это — микроскопическіе герои, пустые франты, надъ которыми онъ потѣшался еще со временъ Школы мужей, это Донъ-Жуанъ, размѣнявшійся на мелочь. Съ такими-то людьми приходится считаться человѣку, который сознаетъ за собой перевѣсъ ума, образованности, искренняго чувства и честности!

Еслибъ даже лучшія сцены *Мизантропа* насъ и не убѣждали въ томъ,—мы легко можемъ представить себѣ, опираясь на показанія различныхъ близкихъ къ Мольеру людей, какъ часто должны были происходить между Мольеромъ и его молодой женой тяжелыя объясненія, какъ часто долженъ былъ онъ съ горечью спрашивать ее, какъ Альцестъ Селимену, чѣмъ прельстилъ ее тотъ или другой изъ его соперниковъ, не своимъ ли фатоватымъ видомъ, не длинными-ли ногтями не широкими-ли своими панталонами и т. д.; всякое новое проявленіе легкомыслія, нарушеніе обѣщаній и увѣреній должно было все болѣе отвращать его отъ существа, въ такой степени обманувшаго его ожиданія, разбившаго его жизнь. Но послѣ пароксизма отчаянія его снова влекло къ этой женщинѣ; онъ снова вѣрилъ въ возможность исправленія ея и взаимнаго счастія; въ наиболѣе тяжелыя минуты хандры его всего болѣе мучила и бѣсила именно эта мысль о неспособности своей высвободиться изъ этого рабства, о силѣ любви, которую никакіе доводы разсудка не въ

Digitized by Google

состояніи искоренить. Слишкомъ извѣстный, благодаря эксплоатаціи его всѣми біографами, разговоръ его въ Отэйлѣ съ Шапеллемъ, пересказанный этимъ послѣднимъ, живо передаетъ это тревожное состояніе духа, томимаго сознаніемъ рокового характера любви, какъ бы ни рѣшался онъ забыть Арманду, ея лицо, ея улыбка, вся внѣшность (дѣйствительно обаятельная, по словамъ очевидцевъ, хотя черты лица не отличались особой правильностью) [45]) проносятся передъ его взоромъ, отнимаютъ у него покой и разбиваютъ всѣ намѣренія разрыва.

Мы не станемъ примыкать ни къ огромному числу безусловныхъ противниковъ Арманды, не жалѣющихъ укоризненныхъ словъ для ея осужденія, ни къ нарождающемуся въ послѣднее время кружку ея защитниковъ, но признаемъ здѣсь одно изъ роковыхъ недоразумѣній, предопредѣленныхъ несходствомъ натуръ. Внутренняя ломка, происходившая въ Мольерѣ до женидьбы, показываетъ, что онъ смутно предчувствовалъ все, что его могло ожидать въ такомъ бракѣ, и только страстная идеализація одержала верхъ надъ внушеніями разсудка и опыта, — тогда какъ Арманда, молодая, изящная, выросшая въ безцеремонной, въ нравственномъ отношеніи, актерской тогдашней средѣ, наглядѣвшаяся съ дѣтства на всевозможные примѣры сердечной развязности, охваченная потомъ изящно-распутной придворной атмосферой, гдѣ все говорило о полномъ привольѣ любовныхъ отношеній, не годилась еще въ ту пору для настоящей семейной жизни и не могла стать на точку зрѣнія своего пожилого, утомленнаго жизнью мужа. Намъ не приходится поэтому раздавать здѣсь лавровъ ни той, ни другой сторонѣ; передъ нами тѣмъ не менѣе остается грустный фактъ глубокаго несчастія двухъ лицъ, и если мы видимъ, что одно изъ нихъ могло все таки по временамъ

[45]) Въ настоящее время мы имѣемъ возможность судить о немъ благодаря массѣ превосходныхъ портретовъ, изображающихъ Арманду почти во всѣхъ ея важнѣйшихъ роляхъ, и изданныхъ Арсеномъ Гуссэ въ его роскошной, хотя довольно поверхностной книгѣ „La femme et la fille de Molière“, P., Dentu, 1880.

Digitized by Google

скользить по жизни, щебетать и веселиться, что эта женщина лишена была возможности понять и оцѣнить все великое значеніе своего жизненнаго спутника, и искренно пожалѣла его только въ ту минуту, когда его не стало, — тогда какъ разбитое счастье мужа постепенно подтачивало его силы, то невольно вся мѣра сочувствія, позволительная у біографа, сосредоточится на страдальческой судьбѣ поэта.

Человѣку, одаренному задатками мизантропіи, всегда свойственно быстро переходить отъ частнаго къ общему, и изъза одиночнаго разочарованія покрывать презрѣніемъ все человѣчество, широко обобщая свои счеты съ отдѣльными личностями [46]). Но если эти частныя разочарованія скопились во множествѣ, этотъ обычный процессъ мышленія теряетъ свой характеръ болѣзненно капризнаго умозаключенія; выводъ основанъ на массѣ данныхъ, настроеніе вполнѣ сознательное. Оно не восторжествовало окончательно, потому что всегда что нибудь еще привязываетъ такого человѣка къ жизни, какая нибудь иллюзія остается дорогою для него, вѣра въ женщину, въ друга, въ завѣтную идею. При такомъ натянутомъ настроеніи случайнаго открытія достаточно, чтобы разомъ все сокрушилось и чтобъ весь горизонтъ заволокло. Тогда нѣтъ спасенія для осиротѣвшаго страдальца; если натура его слаба и легко гнется подъ каждымъ непосильнымъ бременемъ, онъ предастся мрачной меланхоліи; если сила протеста въ немъ не угасла, онъ соберетъ все свое мужество и разорветъ со всѣмъ людскимъ обществомъ, и эта участь, — участь Альцеста, самая завидная; она по крайней мѣрѣ обезпечиваетъ за человѣкомъ самоопредѣленіе и независимость воли. Но если то самое чувство, которое привело къ катастрофѣ, пережило ее и налегло позорнымъ гнетомъ на человѣка, тогда вся дальнѣйшая жизнь пройдетъ въ вѣчныхъ синкопахъ, когда вспышки довѣрія и привязанности будутъ снова раз-

[46]) Поль Станферъ (Shakspeare et l'antiquité, II, 292) видитъ этотъ процессъ въ мизантропіи Гамлета, который отъ глубокаго отвращенія, внушаемаго ему образомъ дѣйствій матери, быстро переходитъ къ несправедливому осужденію *всѣхъ* женщинъ.

Digitized by Google

биваться о новыя разочарованія, и человѣкъ дойдетъ до могилы, влача за собой безпрерывныя страданія, какъ колодникъ тащитъ за собой прикованную къ нему тачку [47]).

Мольеръ испыталъ на себѣ всю безнадежность этой послѣдней участи. Нестерпимость отношеній его къ женѣ вызывала у него не только попытки разрыва, но и фактическое его осуществленіе; отдѣльная жизнь супруговъ, чисто дѣловыя отношенія между ними, встрѣчи только на сценѣ,— все какъ будто говорило о томъ, что разрывъ совершился окончательно; и дѣйствительно, въ подобные періоды, иногда довольно продолжительные, *объимъ сторонамъ оно такъ и казалось*. Этотъ Альцестъ навѣки отказывался отъ своей Селимены, возмущенный ея вѣроломствомъ и фальшивостью. Но много разъ и послѣ этого произойдутъ между ними временныя сближенія, новыя размолвки, — пока наконецъ передъ самою смертью поэта не начнетъ какъ будто устанавливаться что-то въ родѣ полнаго примиренія.

И такъ, въ жизни поэта не было такого рѣзкаго, *безповоротнаго* перелома, какъ въ жизни его героя. Поэтъ не принялъ разъ навсегда такого энергическаго рѣшенія, которое съ такимъ потрясающимъ эффектомъ замыкаетъ собой судьбу Альцеста; но для созданія той задушевной пьесы, гдѣ онъ выведетъ свое собственное трагическое положеніе, вовсе и не было необходимости въ такомъ буквально-точномъ соотношеніи между вымысломъ и жизнью; вѣдь не одинъ, а *нѣсколько* разъ возобновлялся у него эпизодъ разрыва Альцеста, и каждый разъ онъ казался окончательнымъ и безповоротнымъ. Инстинктъ художника долженъ былъ подсказать ему необходимость избрать основныя черты этого конфликта и разъ навсегда закрѣпить ихъ въ реальныхъ образахъ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ оставляетъ намъ намекъ на возможность и дальнѣйшихъ колебаній, когда ему приходится изо-

[47]) Новѣйшій изслѣдователь семейной драмы Мольера, Арсенъ Гуссэ, посвятившій ей въ своемъ новомъ трудѣ (La femme et la fille de Molière) цѣлую главу подъ названіемъ *слезы Мольера* (les larmes de Molière), находитъ утѣшеніе въ самомъ фактѣ несчастій поэта. Не будь разлада, говоритъ онъ, не создались бы многія изъ лучшихъ его произведеній (стр. 75).

Digitized by Google

бражать въ первыхъ же актахъ мучительную непослѣдовательность мизантропа въ отношеніи Селимены, частыя размолвки съ нею. Такимъ образомъ мы приходимъ къ убѣжденію, что замыселъ Мизантропа долженъ былъ возникнуть во время одного изъ такихъ переломовъ, что въ данную минуту онъ былъ въ существенныхъ чертахъ близокъ къ дѣйствительности, и своимъ характеромъ исповѣди далъ цѣлебное удовлетвореніе встревоженному духу.

Въ сложной и до сихъ поръ еще довольно туманной, благодаря массѣ пасквилей и клеветъ, исторіи супружескихъ отношеній Мольера и Арманды мало хронологическихъ данныхъ, которыя позволяли бы указать начало и продолжительность повременныхъ размолвокъ между ними; данныя, выставляемыя авторами различныхъ пасквилей на эту тему, весьма подозрительны и часто оказываются при провѣркѣ ихъ ложными. Самыя надежныя указанія могутъ дать лишь тѣ его пьесы, гдѣ съ особенной, несомнѣнной искренностью выставлено сходное положеніе героя; такъ на основаніи автобіографическаго значенія *Жоржа Дандена* уже находятъ возможнымъ принять временемъ такой крупной размолвки весну и лѣто 1668 года [48]).

Съ такимъ же основаніемъ мы примемъ за несомнѣнный фактъ, что появленію Мизантропа (4 іюня 1666) предшествовалъ одинъ изъ самыхъ острыхъ кризисовъ въ семейной жизни поэта. И этотъ кризисъ, и процессъ созданія *Мизантропа,* и длинный рядъ представленій этой пьесы, гдѣ играя постоянно съ женой (Селименой), Мольеръ долженъ былъ каждый разъ растравлять свои раны и переноситься изъ области вымысла въ дѣйствительность, — всѣ эти причины потрясли здоровье поэта, начинавшее тогда уже слабѣть [49]); уто-

---

[48]) Loiseleur, Les points obscurs de la vie de Molière, 1877, p. 315.

[49]) Обыкновенно принимали, что Мольеръ страдалъ аневризмомъ сердца, болѣзнью, въ такой степени подходящей къ его мизантропіи и раздражительности. Новѣйшая медицина находитъ у него, напротивъ, на основаніи различныхъ признаковъ, хроническую чахотку.—Molière poète et comédien, étude au point de vue médical, par le dr Brown, traduite par Lennox. Bruxelles, 1870, p. 66.—На нашъ взглядъ, необходимо принять также существованіе сильнаго нервнаго разстройства; авторъ враждебной Мольеру комедіи

Digitized by Google

мительная дѣятельность актера и писателя безъ того уже постоянно разстроивала его. Въ слѣдующемъ году (1667) онъ принужденъ даже на время оставить сцену, проводя весну среди отэйльскихъ рощъ. Такимъ образомъ исторія Мизантропа дѣйствительно является чуть ли не самой жгучей страницей въ судьбѣ человѣка, потрясеннаго и нравственно и физически. Запомнимъ это высокое автобіографическое значеніе нашей комедіи, засвидѣтельствованное несомнѣнными фактами,—оно должно послужить для насъ надежнымъ оплотомъ противъ цѣлаго ряда противорѣчивыхъ толкованій ея.

Отдаваясь невольному влеченію своей натуры, влагая всего себя въ это субъективнѣйшее изъ всѣхъ своихъ произведеній, и давая въ немъ свободный истокъ всему запасу своей протестующей мизантропіи, Мольеръ не считалъ себя связаннымъ обычными литературными традиціями. И по формѣ, и по содержанію, его пьеса была достойной выразительницей этого протеста; къ подобному тону и подобнымъ мыслямъ, смѣло раздающимся со сцены, масса тогда еще не привыкла. Не того ждала она отъ Мольера, когда за четыре дня до перваго представленія одинъ изъ его любимыхъ актеровъ, Лагранжъ, сдѣлалъ ей въ концѣ спектакля обычное предварительное извѣщеніе о предстоящей новой комедіи. Даже помня послѣднія его произведенія, Тартюффа, Донъ-Жуана, она могла ждать въ крайнемъ случаѣ сатирическихъ нападковъ на бытъ того или другого сословія,—но въ комедіи, этой присяжной носительницѣ веселья, увидать трагическую судьбу непризнаннаго умнаго и честнаго человѣка, слышать отъ него укоры и проклятія всему общественному строю, и уносить съ собой послѣ развязки пьесы не удовлетворенное, а напротивъ еще болѣе встревоженное настрое-

---

„Elomire hypocondre“, Le Boulanger de Chalussay, съ большою подробностью передаетъ одинъ случай галлюцинаціи, поразившій Мольера; возвращаясь домой, онъ увидѣлъ страшный призракъ, преграждающій ему дорогу, и упалъ замертво. Замѣтимъ, что по новѣйшей догадкѣ Лакруа, ле-Буланже былъ докторъ. См. Elomire hypocondre, перепеч. 1878 г., 1 актъ, 3 явл., стр. 27.

Digitized by Google

ніе, было выше уровня пониманія заурядной французской публики XVII столѣтія. Она чувствовала смутно, что передъ нею произведеніе образцовое, но не могла себѣ отдать отчета въ намѣреніяхъ автора, ошибочно отыскивая ихъ не тамъ, гдѣ слѣдовало. Ей порою казалось, что ее призвали просто посмѣяться надъ мизантропомъ, ей по старой памяти чуть не понравился тотъ сонетъ, надъ которымъ потомъ, къ удивленію, Альцестъ изливалъ все свое остроуміе; [50]) въ горячихъ объясненіяхъ между Альцестомъ и Селименой она готова была видѣть новый варіантъ тѣхъ любовныхъ ссоръ, которыя составляли издавна чрезвычайно употребительную тему въ старой французской комедіи, и въ частности у Мольера (начиная съ Dépit amoureux),—и среди всѣхъ этихъ разнообразныхъ данныхъ новой пьесы совершенно необычно звучали пламенныя рѣчи ея героя противъ общественныхъ несовершенствъ, въ которыхъ чувствовалось одушевленіе и искренность, возбуждающія невольное уваженіе. Добродушно-наивный отчетъ современнаго газетчика-стихотворца Робине, [51]) присутствовавшаго на одномъ изъ первыхъ представленій пьесы, чрезвычайно правдиво передаетъ отношеніе къ ней даже тѣхъ людей, которые болѣе другихъ симпатизировали автору и расположены были удивляться каждому новому его произведенію. Робине принужденъ признать, что „Мольеръ никогда еще не писалъ ничего столь возвышеннаго“; тѣмъ не менѣе онъ видимо испытываетъ затрудненіе, когда ему приходится формулировать свои впечатлѣнія. Воздавъ справедливость энергическому слогу, искусному смѣшенію въ пьесѣ серьознаго начала съ шутливымъ, онъ спѣшитъ съ особеннымъ тщаніемъ выставить прикладное, нравственное значеніе пьесы; онъ принимается хвалить мудрость Альцеста, находитъ, что никакая христіанская мораль не можетъ быть достойнѣе его образа мыслей; онъ защищаетъ его отъ возможныхъ обвиненій въ желаніи нападать

[50]) Объ этомъ прямо свидѣтельствуетъ очевидецъ перваго представленія Де-Визе въ своей любопытной Lettre écrite sur la comédie du Misanthrope.

[51]) Lettre en vers à Madame, 12 juin 1666.

Digitized by Google

безразлично на все человѣчество, и находя, что всякій, увидавъ тутъ изображеніе своихъ собственныхъ слабостей, захочетъ повести отнынѣ иную жизнь, сводитъ все значеніе пьесы къ *проповѣди* нравственныхъ правилъ со сцены:

Et le Misanthrope est si sage
En frondant les mœurs de notre age
Que l'on dirait, Benoist Lecteur,
Qu'on entend un Prédicateur....

Вся трагическая сторона сюжета прошла такимъ образомъ не замѣченною для людей подобнаго разбора,—а Робине, замѣтимъ мимоходомъ, былъ нетолько расположенъ вообще въ пользу Мольера, но кромѣ того повидимому за нѣсколько времени передъ тѣмъ уже зналъ о готовящейся пьесѣ, былъ посвященъ въ тайну ея содержанія. Такъ по крайней мѣрѣ нужно понять начальныя слова его отзыва: le Misanthrope *enfin* se joue. Лишь немногія, избранныя личности во всей современной Мольеру театральной французской публикѣ были въ состояніи вполнѣ оцѣнить по достоинству его пьесу; въ нихъ самихъ были въ большей или меньшей степени задатки такой же мизантропіи; рѣчи Альцеста находили глубокій отзвукъ въ ихъ сердцахъ; Буало въ кружкѣ современныхъ литераторовъ, Монтозье въ ряду аристократовъ, въ ту пору еще враждовавшіе другъ съ другомъ, и лишь впослѣдствіи тѣсно сблизившіеся, были по складу своихъ воззрѣній если не единственными, то одними изъ немногихъ истинныхъ цѣнителей пьесы. Даже авторъ „письма о комедіи *Мизантропъ*“ (о которомъ намъ придется еще говорить подробно), Донно де Визе, подвергшій раньше всѣхъ эту комедію обстоятельному эстетическому разбору,—и тотъ не понялъ многихъ существенныхъ ея сторонъ, не смотря на то, что въ ту пору уже стоялъ близко къ Мольеру, и даже съумѣлъ такъ устроить, что его письмо издатель предпослалъ комедіи въ качествѣ предисловія.

Мы не находимъ въ современныхъ свидѣтельствахъ о ходѣ представленій Мизантропа также никакихъ слѣдовъ обыч-

Digitized by Google

наго покровительственнаго вмѣшательства въ ея судьбу короля. Дѣйствительной тому помѣхой былъ, правда, придворный трауръ по королевѣ-матери, но онъ уже длился настолько долго, что Мольеръ могъ впередъ знать, что это препятствіе не дастъ ему возможности исполнить свою пьесу передъ Людовикомъ. Но онъ не принялъ этого во вниманіе, онъ не посмотрѣлъ и на то, что самое время года (начало лѣта) было особенно неблагопріятно для подобнаго серьознаго произведенія (хотя и носящаго названіе *комедіи*) [52]), и ограничился обыденной полу-придворной, полу-городской публикой [53]). Всѣ эти данныя убѣждаютъ насъ еще разъ въ справедливости взгляда на высокое субъективное значеніе данной пьесы для ея автора. Въ его душѣ совершался мучительный переломъ; тоскуя и повѣряя горе свое лишь немногимъ, онъ испытывалъ болѣе чѣмъ когда либо желаніе найти утѣшеніе въ своемъ творчествѣ, облегчить душу, воссоздавъ разъ навсегда въ поэтическихъ образахъ всю исторію своей собственной судьбы. Для этого ему не нужна, даже тягостна обычная парадная обстановка королевскихъ спектаклей; Людовикъ, который еще могъ понять смыслъ обличеній въ Тартюффѣ или Донъ-Жуанѣ, конечно, не въ состоя-

---

[52]) Лѣтомъ ставились тогда, по словамъ Шаппюзо, лишь веселыя пьесы (les comédies règnent l'Esté, la *gaye* saison voulant des divertissements *de même nature*). См. Le théâtre français par Samuel Chappuzeau, réimpr. par Georges Monval, 1877, p. 69. Замѣтимъ кстати, что, по истинно неисповѣдимымъ судьбамъ, подлинная рукопись этого сочиненія, столь цѣннаго для изученія французскаго театра 17-го столѣтія, находится въ Москвѣ, въ рукописномъ отдѣленіи Румянцовскаго музея (по катал. иностр. ркп. № 208). Это очень изящный экземпляръ, переплетенный въ красный сафьянъ съ золотымъ обрѣзомъ; сверху золотомъ вытисненъ гербъ французскихъ королей и надпись *pour la troupe du Roy*, свидѣтельствующая, что передъ нами тотъ самый экземпляръ, который былъ поднесенъ авторомъ королевской труппѣ. На переплетѣ внутри сдѣлана кѣмъ-то, можетъ быть, архиваріусомъ труппы, помѣтка: „эта книга была кончена въ тотъ годъ, когда умеръ Мольеръ“.—Варіанты этой рукописи напечатаны нами въ журналѣ le Molièriste 1881 года.

[53]) Въ небольшой и живо написанной брошюрѣ (La première représentation du Misanthrope, 1877) Анри Лавуа набросалъ живую картину перваго представленія, смѣшивая быль съ правдоподобными догадками.

Digitized by Google

ніи былъ бы сочувствовать терзаніямъ и честному протесту Альцеста. Отдаться своему художественному разсчету съ жизнью можно было лучше всего на свободѣ, въ атмосферѣ болѣе непринужденной. Да и тѣ элементы, которые ему были необходимы въ виду соціальнаго значенія его пьесы, были на лицо: придворная и вообще знатная сфера, воспитавшая Оронтовъ, Акастовъ и Клитандровъ комедіи, служащая главной цѣлью обличеній Альцеста, была все таки представлена тутъ въ значительномъ числѣ; въ ея рядахъ могли находиться даже именно тѣ люди, которыхъ Мольеръ считалъ своими соперниками. Чувство мести могло быть достаточно удовлетворено. Съ другой стороны тутъ находилась и та нараставшая еще тогда мѣщанская, болѣе простая публика, на чьей сторонѣ сочувствіе поэта; въ противовѣсъ нелѣпой чопорности и низости маркизовъ-поклонниковъ Селимены, онъ устами Альцеста взываетъ къ честной и правдивой простотѣ нравовъ, удержавшейся лишь въ среднемъ сословіи и въ народѣ, и своимъ рѣшительнымъ осужденіемъ придворнаго быта даетъ рѣзкій и памятный урокъ болѣе демократической части своихъ слушателей не гнаться за мишурнымъ блескомъ. Въ виду этой толпы, встревоженной необычнымъ складомъ пьесы, но не подозрѣвавшей ея личной основы, онъ съ страстностью, и порою съ горькимъ смѣхомъ, на-всегда оставшимся потомъ въ памяти нѣкоторыхъ изъ зрителей, [54]) отдавался и своему общему протесту и своимъ личнымъ счетамъ съ тою Селименой, съ которою судьба связала самого его на вѣки. Пустая, поверхностная, она врядъ ли понимала вполнѣ, что дѣлала, когда, блистая молодостью и красотой, всегда разряженная съ тѣмъ неразборчивымъ излишествомъ, которое такъ сердило Мольера, она десятки разъ

---

54) Наприм. у Буало, который передавалъ объ этомъ Броссетту (ркпс. Націон. Библ., franç., 15275, p. 62); впрочемъ Буало, какъ видно, не вполнѣ понималъ весь затаенный смыслъ этого смѣха и считалъ его чуть ли не художническимъ только, чисто актерскимъ пріемомъ,—потому что тутъ же сталъ объяснять своему собесѣднику „que le théâtre demandait de ces *grands traits outrés* aussi bien dans la voix, dans la déclamation, que dans les gestes".

Digitized by Google

выходила на сцену, чтобы принять всю бурю упрековъ Альцеста; ее могла вознаграждать возможность увлекательно вести всѣ сцены кокетства и салоннаго злословія. Но, довѣрчивый въ глубинѣ души, поэтъ ждалъ отъ этихъ частыхъ напоминаній нравственнаго вліянія на эту женщину; онъ съ такимъ же умысломъ вводилъ ее въ подобную обличительную обстановку, какъ въ другія времена, въ приливѣ нѣжности, давалъ ей въ своихъ пьесахъ роли, полныя свѣта и граціи.

Такимъ образомъ созданіе *Мизантропа* было для Мольера вмѣстѣ и исполненіемъ гражданскаго долга, призывомъ общества къ отрезвленію,— и цѣлебнымъ облегченіемъ души, необходимою исповѣдью. Сознавая, что обѣ эти цѣли удовлетворены, онъ могъ съ бо̀льшимъ хладнокровіемъ сносить недостаточную понятливость публики, останавливавшейся лишь на одной сторонѣ задачи новой комедіи; ему приходилось убѣдиться, что въ цѣломъ своемъ внутреннемъ составѣ подобная пьеса все таки превышала умственный уровень современнаго общества, опережала свой вѣкъ. Масса какъ будто расположена была буквально понимать первоначальное заглавіе ея: l'Atrabilaire (или le misanthrope) amoureux, [55]) любовалась болѣе всего искуснымъ изображеніемъ характера раздражительнаго человѣка, смягчаемаго одною любовью, и какъ будто отпугивалась смѣлымъ протестомъ Альцеста. Послѣ двадцати слишкомъ представленій, во время которыхъ доходъ театра уменьшился съ 1447 и 1617 ливровъ до 213, [56]) пришлось на время пріостановить представленія *Мизантропа*; онъ уступилъ мѣсто еще болѣе свѣжей новости—*Декарю по неволѣ*; и только потомъ, соединяя въ теченіе нѣкотораго времени обѣ пьесы въ одномъ и томъ-же спектаклѣ, Мольеръ снова нашелъ возможнымъ предоставить *Мизантропа* его собственной судьбѣ. Всѣ эти факты, хотя и не

---

[55]) Въ реэстрѣ привиллегій книгопродавцамъ (Registre des privilèges accordés aux libraires) пьеса значится подъ двумя заглавіями.—Шарль Ливé (въ Moliériste, 1880, 1 octobre) доказываетъ, что она и дана была на сценѣ съ двойнымъ заглавіемъ.

[56]) См. въ изданіи Registre de la Grange, Эдуарда Тьерри, 1666 годъ.

Digitized by Google

подтверждаютъ традиціоннаго разсказа о рѣшительномъ неуспѣхѣ настоящей пьесы, обнаружившемся будто бы съ самаго же начала, тѣмъ не менѣе прямо свидѣтельствуютъ, на нашъ взглядъ, о томъ, что недоразумѣніе между сатирикомъ и публикой было несомнѣнное, и что разладъ между ними долженъ былъ бы неминуемо развиться, еслибъ не предпринятое во время отвлеченіе къ предметамъ болѣе легкимъ, веселымъ и доступнымъ.

И въ этомъ фактѣ нѣтъ ничего удивительнаго; иною и не могла быть судьба произведенія, затрогивающаго слишкомъ глубокія язвы общественности; такая пьеса сразу совершаетъ свое тріумфальное шествіе только въ томъ случаѣ, если вся масса уже достаточно подготовлена къ ея воспріятію, и, соприкасаясь съ нею, испытываетъ какъ бы сотрясеніе электрическаго удара, — таковъ успѣхъ *Свадьбы Фигаро*,—иначе ее ждетъ или правительственное преслѣдованіе, какое выпало на долю *Горя отъ ума*, или, что еще безотраднѣе, холодность со стороны того самого общества, за которое она выступаетъ въ борьбу, — и это судьба *Мизантропа*.... Лишь полъ-вѣка спустя [57]), мы встрѣчаемся съ вѣрнымъ взглядомъ на великую службу, сослуженную этой комедіей. Вольтеръ, обращаясь къ болѣе развитой и чуткой публикѣ своего времени, уже въ состояніи былъ провозгласить, что „если Корнель заложилъ въ французской жизни основаніе школы величія душевнаго, то Мольеръ основалъ у насъ школу жизни гражданственной“ (une école de vie civile), и, говоря это, онъ, конечно, прежде всего долженъ былъ имѣть въ виду протестъ, предъявленный старому обществу Альцестомъ. И съ той поры въ изученіи и оцѣнкѣ *Мизантропа* соображенія соціальнаго свойства начинаютъ пріобрѣтать столько же значенія, сколько и чисто эстетическія требованія. Каждое поколѣніе, увлекаемое господствующими въ его дни политическими идеями и критическими доктри-

[57]) Тогда многіе находили, что Мольеровская пьеса должна была бы явиться лишь въ восьмнадцатомъ столѣтіи, что она опередила многими годами свой вѣкъ. Это утверждалъ наприм. Даламберъ въ своемъ отвѣтѣ Руссо (Lettre sur l'article *Genève* de l'Encyclopédie etc., Amsterdam, 1759).

Digitized by Google

нами, пытается понять по своему эту „гражданственность“ Альцеста, и вокругъ этого характера постепенно разго рается оживленнѣйшая борьба, полная интересныхъ моментовъ. Потомство старается разгадать, *что* именно хотѣлъ сказать Мольеръ своимъ Альцестомъ, и на вопросъ этотъ отвѣчаетъ десятками разнообразныхъ теорій. Такова судьба лишь немногихъ произведеній и только однихъ избранныхъ характеровъ, — и этотъ обширный *эпилогъ* Мизантропа является краснорѣчивымъ признаніемъ общечеловѣческаго значенія этой комедіи.

Такимъ образомъ задача нашихъ дальнѣйшихъ разысканій уже опредѣлилась. Исторія даннаго типа, не особенно богатая въ до-мольеровскій періодъ,— опредѣленіе источниковъ и заимствованій, которыя можно распознать въ пьесѣ,—изученіе самостоятельной творческой работы Мольера, — и наконецъ обзоръ главныхъ теченій въ послѣсловіи потомства къ его пьесѣ,—вотъ что намѣрены мы представить въ дальнѣйшихъ главахъ настоящаго этюда.

Digitized by Google

II.

Неизбѣжная спутница человѣчества съ древнѣйшей поры его общественнаго устройства, мизантропія рано привлекла вниманіе наблюдателей нравовъ. Они не могли пройти мимо этого своеобразнаго, хоть и явно болѣзненнаго явленія, слишкомъ выдававшагося изъ сравнительно ровнаго склада всей остальной жизни; неудивительно, что молва о странностяхъ и чудачествахъ одиночныхъ личностей такого рода быстро расходилась, долго, упорно держалась и подавала поводъ къ самымъ разнообразнымъ комментаріямъ. Одною изъ такихъ личностей, пріобрѣтшихъ необыкновенную извѣстность и долго жившихъ въ памяти потомства, былъ аѳинянинъ Тимонъ, современникъ пелопоннезской войны; печальную повѣсть его жизни разносила сначала повсюду молва, а съ той поры, какъ Плутархъ ввелъ ее, въ качествѣ эпизодической вставки, въ жизнеописаніе Антонія, она стала всеобщимъ достояніемъ, наряду съ прочими біографическими очерками этого популярнаго автора. Плутархово изображеніе даннаго характера и является поэтому первымъ вліятельнымъ источникомъ въ исторіи дальнѣйшихъ его обработокъ. Тимонъ тутъ — разбитый жизненными неудачами человѣкъ, переходящій быстро изъ одной крайности въ другую, изъ человѣколюбиваго, довѣрчиваго, становящійся непримиримымъ ненавистникомъ людей; его инстинкты, смягченные прежде довольствомъ и нѣкоторымъ образованіемъ, выказываются въ своей первобытной грубости; онъ предается сильнѣйшему гнѣву, дичаетъ въ своемъ одиночествѣ, ожесточается противъ всѣхъ Аѳинянъ, и готовъ подстерегать каж-

Digitized by Google

даго изъ нихъ, чтобъ отмстить ему и насладиться его терзаніями; тѣ злыя его шутки, о которыхъ передаетъ Плутархъ, смотрятъ выдумками настоящаго маніака, который, замкнувшись въ себѣ, отдается одной лишь болѣзненно преувеличенной мысли о преслѣдованіи его людьми, и про себя обсуждаетъ средства мщенія.

Такъ смотрѣли на эту личность еще до Плутарха,—и, что весьма любопытно отмѣтить, тогда уже видѣли въ подобномъ характерѣ пригодный матеріалъ для обработки въ драматическомъ произведеніи. Сохранилось не провѣренное до сихъ поръ преданіе, будто плодовитый комикъ Платонъ написалъ пьесу, главный герой которой имѣлъ всѣ тимоновскія особенности. Но, если отъ этой пьесы (равно какъ и отъ пьесъ Антифана и Менандра) не осталось никакихъ слѣдовъ, за то до насъ дошло нѣсколько любопытныхъ остатковъ пьесы другого, гораздо болѣе даровитаго комическаго писателя, Фриниха, представляющей собою вѣроятно *первое* по времени драматическое воспроизведеніе характера мизантропа.

Пьеса эта, названная, по прозвищу героя, *Монотропомъ* (нелюдимомъ), играна была при архонтѣ Хабріѣ, въ олимп. 91,2 (417 г. до Р. Хр.). Строго говоря, мы лишены были бы возможности судить о проведенной здѣсь Фринихомъ характеристикѣ ненавистника людей,—но одинъ изъ уцѣлѣвшихъ отрывковъ пьесы, благодаря своей наивной откровенности, даетъ намъ достаточное понятіе о томъ. Актеръ, игравшій главное дѣйствующее лицо, очевидно открывалъ пьесу обращеніемъ къ зрителямъ, которымъ сразу объяснялъ, что онъ за человѣкъ и какія слабости за нимъ водятся. Имя ему Монотропъ, живетъ онъ жизнью Тимона; онъ не вѣдаетъ женщинъ, неприступенъ, гнѣвенъ, никогда не смѣется, молчаливъ, упрямъ и т. д. [58])

[58]) Ὄνομα δε μοῦστι Μονότροπος....
.....ζῶ δὲ Τίμωνος βίον
ἀγαμον, ἄσυλον, ὀξύθυμον, ἀπρόσοδον
ἀγέλαστον, ἀδιάλεκτον, ἰδιογνώμονα.

Poetarum comic. graecor. fragmenta post A. Meineke recog. Bothe, 1855, p. 212.—Bekker, Anec., 204-344.

Digitized by Google

Изъ другихъ отрывковъ видно, что и тутъ побудительной причиной вознегодовать на людей было убѣжденіе въ ненадежности и предательствѣ друзей. Кромѣ того встрѣчаемое у Поллукса объясненіе самого понятія о монотропѣ, который отождествляется съ мизогиномъ (ненавистникомъ женщинъ), заставляетъ предположить, что къ особенностямъ характеристики перваго же мизантропа, выведеннаго въ сценическомъ произведеніи, принадлежало одно изъ наиболѣе болѣзненныхъ проявленій нелюдимости,—боязнь женщинъ. Въ то время какъ позднѣйшія (начиная съ Мольера) попытки воспроизведенія даннаго характера ставятъ себѣ не рѣдко долгомъ смягчать слишкомъ рѣзкія черты мизантропіи проблесками любви къ избранной женской личности, и въ этой непослѣдовательности своего героя видятъ болѣе правдивую, человѣчную черту, — древность любила изображать и Тимона и всѣхъ ему подобныхъ больныхъ людей — больными насквозь, безъ просвѣта. Отрицательное, комическое впечатлѣніе должны были производить эти свирѣпые меланхолики, упрямые, бѣшеные, угрюмые, среди всего склада жизни, стремившагося къ гармоніи и мудрой умѣренности,—и потому они и должны были оставаться въ ту пору чисто *комическими* личностями; изображая такой характеръ, актеръ долженъ былъ скрывать лицо свое подъ одною изъ употребительныхъ *гнѣвныхъ* масокъ, на которой рельефными чертами обозначались личныя складки, свойственныя страсти гнѣва,—и съ такимъ то поверхностнымъ поясненіемъ его особенностей мизантропъ совершилъ свое вступленіе на европейскую сцену.

И традиціонная личность Тимона, и это пониманіе его характера на много вѣковъ укоренилось въ литературной практикѣ. Нужно-ли было кстати сличить какого нибудь чудака и брюзгу съ подходящимъ оригиналомъ, всегда приходила на память исторія Тимона, и именно въ Плутарховомъ ея изложеніи; имя этого аѳинянина стало почти нарицательнымъ. Переработки его жизнеописанія чрезвычайно рѣдко осмѣливались отступать отъ своего образца; наиболѣе существеннымъ нововведеніемъ можно бы считать замыселъ

Digitized by Google

писателя весьма второстепеннаго, константинопольскаго софиста 2-го вѣка, Либанія, ввести любовную интригу въ обычную рамку разсказа; [59]) мы могли бы счесть видоизмѣненнаго такимъ образомъ, какъ бы гуманизированнаго, Тимона прямымъ предкомъ влюбленнаго Альцеста, еслибъ не полная увѣренность, что Мольеръ вовсе не могъ быть знакомъ съ произведеніемъ такой микроскопической личности, какъ Либаній, на котораго обратила вниманіе лишь новѣйшая пытливая наука, извлекшая его изъ забвенія,—и кромѣ того еслибъ не очевидный фактъ совершеннаго одиночества этой своеобразной попытки, не вызвавшей въ свое время никакихъ подражаній. За этимъ же исключеніемъ всѣ старыя обработки данной темы вполнѣ однородны въ этомъ отношеніи, и она становится какъ бы общеизвѣстной, ходячей. На исторію Тимона ссылаются издавна французскіе писатели,—наприм. Рабле, который въ первой редакціи вступленія къ четвертой части Пантагрюэля, [60]) пересказавъ подробно анекдотъ о томъ, какъ Тимонъ приглашалъ своихъ согражданъ поспѣшить повѣситься у него на смоковницѣ, повторяетъ то-же приглашеніе своимъ врагамъ; [61]) тѣмъ же

---

[59]) Замѣтимъ прежде всего, что это—скорѣе упражненіе въ риторскомъ искусствѣ, далеко не подтверждающее преувеличенную репутацію автора, въ которомъ современники видѣли прямого преемника Демосѳена, и, въ довершеніе всего, слишкомъ уже носящее отпечатокъ византійскихъ нравовъ. Разочаровавшись въ женщинахъ, Тимонъ любитъ Алкивіада, который, не хуже Селимены, мучитъ его своимъ кокетствомъ. — См. Libanii opera изд. Морелли, 1606: Τίμων ἐρῶν Ἀλκιβιάδου ἑαυτὸν προσαγγέλλει.— О Либаніевомъ Тимонѣ въ сравненіи съ другими древними обработками этого сюжета см. *программу* Биндера „Ueber Timon den Misanthropen", Ulm, 1856.

[60]) Oeuvres de Rabelais, publ. par Sardou, 1875, II, 296-97, ancien prologue du quart livre.

[61]) Замѣтимъ кстати, какъ давно эта часть разсказа проникла въ русскую литературу. Ѳеофанъ Прокоповичъ, составившій, по порученію Петра, особый обличительный трактатъ *о лицемѣрахъ* (первый, стало быть, русскій этюдъ о Тартюффствѣ), первый же, сколько мы знаемъ, заговорилъ у насъ нетолько о Тимонѣ, но *и о мизантропіи*. Ради этого приведемъ соотвѣтствующее мѣсто (изъ проповѣди въ вербную суботу 1718 года, „о власти и чести царской"): — Суть нѣцыи (и далъ бы Богъ дабы не были многіи) или тайнымъ бѣсомъ льстиміи, или *меланхоліею* помрачаеми, ко-

Digitized by Google

сказаніемъ пользуется и Эразмъ въ своей *Похвалѣ глупости*, произведеніи быстро ставшемъ популярнымъ и въ старой Франціи,—и въ своихъ Апофѳегмахъ. [50]) Изображаемый имъ въ первомъ изъ этихъ произведеній суровый и угрюмый *философъ* въ значительной степени уже воспринялъ черты передового движенія современной ему поры; не въ одной лишь нетерпимости и горячности высказывается его недовольство жизнью, но въ размышленіяхъ и сомнѣніяхъ, въ недовольствѣ прежде всего самимъ собою, — толпа, по замѣчанію Эразма, подчасъ сравниваетъ такого человѣка съ „суровымъ Катономъ“,—въ заключеніе же всей этой характеристики и тутъ будетъ непремѣнно вспомянутъ Тимонъ. „Тому, кто захотѣлъ бы одиночными своими силами пойти наперекоръ всеобщему увлеченію, говоритъ Эразмъ, остается на мой взглядъ лишь одно средство, — онъ долженъ послѣдовать примѣру мизантропа Тимона и отправиться куда нибудь въ полнѣйшее уединеніе, чтобъ наслаждаться тамъ своей достохвальной премудростью“. Намѣченный было въ совершенно новомъ духѣ характеръ философствующаго, утомленнаго своими грустными мыслями мизантропа снова сливается тутъ съ стародавнимъ мизантропомъ-эгоистомъ, подавленнымъ личными несчастіями.

Благодаря расширявшейся въ новой Европѣ популярности Плутарха характеръ Тимона рано вошелъ и въ Англіи въ кругъ общеизвѣстныхъ, любимыхъ публикой героевъ древности. Съ 1575 года его судьба пересказана по Плутарху

торые таковаго нѣкоего въ мысли своей имѣютъ урода, что все имъ грѣшно и скверно мнится быти, что либо увидятъ чудно, весело, велико и славно, аще и праведно и правильно и небогопротивно; напримѣръ, лучше радуются вѣдостьми скорбными, нежели добрыми; самаго счастія не любятъ, и не вѣмъ какъ то о самихъ себѣ думаютъ, а о прочихъ такъ: аще кого видятъ здрава и въ добромъ поведеніи, то конечно не святъ; хотѣли бы всѣмъ человѣкомъ быть злообразнымъ, горбатымъ, темнымъ, неблагополучнымъ, и развѣ въ такомъ состояніи любили бы ихъ. Таковыхъ Еллини древніи нарицали *мисантропи*, сі есть человѣконенавидцы.“—Замѣтимъ, для поясненія нѣкоторыхъ намековъ, что Ѳеофанъ мѣтилъ тутъ на Стефана Яворскаго и его партію.—См. Чистовичъ, „Ѳеоф. Прокоповичъ и его время“, стр. 27.

[62]) Изд. 1641 года, въ Гагѣ, стр. 486.

Digitized by Google

Пэйнтеромъ въ его Palace of pleasure; въ концѣ столѣтія на него уже ссылаются при случаѣ лирическіе поэты и драматурги, а въ 1600 г. (за восемь лѣтъ до шекспировской пьесы) онъ уже выступаетъ героемъ самостоятельной драмы. [63]) Этотъ возрастающій интересъ къ изученію подобной личности побуждаетъ наконецъ и Шекспира воспользоваться ею въ извѣстной степени для драматической обработки. *Timon of Athens*, хотя (какъ признано новѣйшею критикой) лишь отчасти шекспировское произведеніе, [64]) достойно замыкаетъ собою весь рядъ разнообразныхъ передѣлокъ основного Плутархова разсказа, представляя въ нѣкоторыхъ частностяхъ художественно правдивыя черты. Съ тонкимъ чутьемъ, которое одобрила бы даже древне-классическая теорія драмы, представленъ здѣсь въ наглядной картинѣ контрастъ между счастливой жизнью Тимона въ богатствѣ и его страшнымъ разочарованіемъ и одиночествомъ. Переломъ происходитъ на нашихъ глазахъ; недовольство, изумленіе, гнѣвъ, постепенно разгораются въ ненависть, и изъ изящнаго, съ барски-красивой небрежностью сыпавшаго бывало во всѣ стороны благодѣянія, филантропа и мецената поэзіи и живописи, хлѣбосола и тонкаго остроумца постепенно развивающаяся въ немъ ипохондрія дѣлаетъ его мстительнымъ, циникомъ въ рѣчахъ и дѣйствіяхъ, мятежнымъ вольнодумцемъ даже по отношенію къ богамъ, которыхъ онъ осыпаетъ тяжкими упреками въ несправедливости. [65]) Но страстность и болѣз-

---

[63]) Драма эта была напечатана Дэйсомъ въ 1842 г., во 2 томѣ трудовъ Шекспиров. Общества; какъ полагалъ ея издатель, она предназначена была для исполненія въ какой нибудь школѣ.

[64]) Заявленная еще Деліусомъ (и теперь многими принятая) догадка считаетъ сотрудникомъ Шекспира нѣкоего Джорджа Уилькинса. Объ опредѣленіи размѣровъ шекспировскаго участія въ пьесѣ подробно говоритъ Fleay въ статьѣ „On the authorship of Shaksp. in Timon of Athens“, Transact. of the New Shaksp. Society, 1874.

[65]) Въ этихъ проявленіяхъ кощунства шекспировскій Тимонъ сходится не съ плутарховымъ, а скорѣе съ героемъ одного изъ діалоговъ Лукіана. Поэтому иные (наприм. Tschischwitz, въ статьѣ о Тимонѣ въ 4 томѣ Jahrbuch шексп. общ.) настаиваютъ на вліяніи Лукіана, которое, конечно, могло быть только косвеннымъ.

Digitized by Google

ненность этого возбужденія доведены до крайности. Между Тимономъ и Аѳинянами завязалась вражда отчаянная, неугасимая; никто уже не примиряетъ его съ человѣчествомъ; если Лиръ замѣчаетъ искреннюю преданность ему Кента, то на Тимона не производятъ большого впечатлѣнія любовь и самоотверженіе его прежняго дворецкаго, Флавія, который не забываетъ его и въ рубищахъ и въ нищетѣ. Злоба и жажда мщенія душатъ его, онъ все сильнѣе предается имъ, и послѣдніе два акта представляютъ уже анти-драматическое *crescendo* бѣснованія совсѣмъ больного человѣка. Оно не смягчено даже, какъ у Лира, случайными проблесками болѣе вдумчиваго, часто глубоко грустнаго отношенія къ людямъ, — словомъ, тѣхъ переходовъ отъ вспыльчивости къ унынію, которые такъ характеризуютъ подобный темпераментъ. Его гнѣвъ рвется неудержимо наружу и замираетъ лишь съ послѣднимъ его вздохомъ. [66])

Но у Шекспира характеръ мизантропа уже раздвоился,— и этотъ пріемъ, составляющій большой шагъ впередъ въ изученіи мизантропіи, конечно, прямо свидѣтельствуетъ о великой прозорливости автора (замѣтимъ, что и новѣйшіе комментаторы считаютъ всю роль второго нелюдима въ пьесѣ, Апеманта, несомнѣнно написанною самимъ Шекспиромъ). Апемантъ не испыталъ такой катастрофы, какъ Тимонъ; не знавъ вовсе богатства, не видавъ никогда счастья, онъ примиряется съ своей долей посредствомъ плохо слаженной, уснащенной грубоватымъ остроуміемъ, скептической философіи,—мало того, онъ ею щеголяетъ, драпируется; если вѣрить ему, онъ тѣшится созерцаніемъ людской нелѣпости, онъ изучаетъ Тимона и въ счастливые дни и потомъ въ пу-

---

[66]) Не странно-ли послѣ этого, что иные комментаторы, въ своей погонѣ за данными для характеристики нравственной личности самого Шекспира, пытались извлекать ихъ нетолько изъ мизантропическихъ рѣчей Гамлета, что въ значительной степени допустимо, но и изъ яростныхъ тирадъ Тимона! Доуденъ (Shakspeare's mind and art, p. 380) находитъ даже, что въ Тимонѣ шекспирово недовольство свѣтомъ достигаетъ своего высшаго, идеальнаго выраженія.

Digitized by Google

стынѣ, только какъ интересный субьектъ изъ стада заблуждающихся глупцовъ; отъ его скептицизма вѣетъ самодовольствомъ, и ни одной энергической ноты, двигающей впередъ, расшевеливающей спячку или глупость, отъ него не услышишь. Вездѣ снуетъ онъ, выставляя на показъ свое саркастически-ухмыляющееся лицо, вездѣ мозолитъ глаза своими діогеновскими замашками, и сходитъ со сцены, предаваясь самой недостойной потѣхѣ: онъ дразнитъ Тимона, выводитъ его изъ терпѣнія и удаляется, обмѣниваясь съ нимъ ругательствами. Такимъ образомъ и этотъ, уже видоизмѣненный характеръ мизантропа, еще болѣе близкій къ реальной жизни, чѣмъ Тимонъ, — и этотъ аффектированный скептикъ сбивается подконецъ на тотъ же тонъ безсердечія и лютой ненависти, который господствуетъ въ рѣчахъ его сверстника. Когда же, въ концѣ пьесы Алкивіадъ читаетъ эпитафію, сочиненную Тимономъ для самого себя, и красующуюся на его могильномъ камнѣ, когда онъ даже за гробомъ желаетъ, чтобъ зараза истребила людей, этихъ „злыхъ бездѣльниковъ“, когда онъ признается, что, пока живъ былъ, „ненавидѣлъ всѣхъ живущихъ на землѣ“, и зато позволяетъ людямъ проклинать его, – когда онъ тревожится даже при мысли, что прохожій можетъ остановиться около его могилы, [67]) и своимъ присутствіемъ потревожитъ мирный сонъ его тѣла, — то въ этой эпитафіи намъ слышится заключительный выводъ и всей этой двойной характеристики эгоистической мизантропіи.

Къ счастью, древность не всегда смотрѣла на Тимона подъ тѣмъ исключительнымъ угломъ зрѣнія, который былъ установленъ Плутархомъ. Она постепенно научалась разгадывать сходныя съ мизантропіею черты въ людяхъ, подвигаемыхъ къ борьбѣ съ обществомъ высшими стремленіями, проникнутыми уже альтруизмомъ. По мѣрѣ вымиранія одряхлѣвшихъ формъ древней цивилизаціи все чаще выступали

[67]) Here lies a wretched corse, of wretched soul bereft:
Seek not my name: A plague consume you wicked caitiffs left!
Here lie J Timon; who alive, all living men did hate;
Pass by and curse thy fill; but pass, and stay not here thy gait. (Timon of Athens, act V, sc. 5.

Digitized by Google

изъ безгласной массы личности, стремившіяся собственнымъ примѣромъ побудить всѣ не совсѣмъ еще заглохшіе элементы къ обновленію, отреченію отъ суевѣрій въ религіи, отъ рабства и подавленности въ соціальной жизни, отъ погони за роскошью и матеріальными благами, отучившей Эллиновъ отъ умственной работы.

Въ своемъ протестѣ они могли впадать въ крайность, пренебрегать всѣми пустыми общественными стѣсненіями, могли, презирая окружавшую ихъ среду, подчасъ искать одиночества или, подобно Діогену, предпочитать житье въ бочкѣ пребыванію въ роскошныхъ палатахъ. Но въ основѣ ихъ стремленій лежала не аффектація Апеманта, а живая борьба за права личности на самостоятельность и за общественное перерожденіе, и они не замыкались въ себѣ, но искали себѣ адептовъ и старались распространять свое оппозиціонное ученіе. Современники называли ихъ *циниками*; потомство, останавливаясь лишь на поверхностной сторонѣ ихъ дѣятельности, умаляло ихъ значеніе до простой роли грубыхъ матеріалистовъ, и даже теперь съ трудомъ отрѣшается отъ такого взгляда на нихъ. [68]) Но эти-же люди готовы были сносить гоненія, они же переходили потомъ въ христіанство, найдя въ немъ черты родственныя основѣ ихъ собственнаго ученія, и, подобно Перегрину, [69]) гибли на кострѣ.

Если и эти люди были по своему мизантропами, то уже въ совершенно иномъ, болѣе симпатичномъ духѣ, съ извѣстными проблесками сознательной программы дѣятельности. Горячась и протестуя, подвергая себя добровольному уничиженію, и неся свой крестъ, они пытались вдохнуть новую жизнь въ разлагавшійся античный міръ и погибли вмѣстѣ съ нимъ. Но понять ихъ цѣли и значеніе могли лишь немногіе, и не сочувствіемъ, а смѣхомъ отвѣчали имъ чаще

[68]) Новый взглядъ на значеніе школы циниковъ и на разладъ между ними и Лукіаномъ высказанъ былъ въ оригинальной работѣ Бернайса („Lucian und die Kyniker", v. Jacob Bernays, Berlin, 1879).

[69]) О немъ см. статью Гастона Буассье въ Revue des deux mondes, 1879, 1-er janvier.

Digitized by Google

всего ихъ современники, — и часто бойкимъ, остроумнымъ смѣхомъ, разжигаемымъ дѣйствительно странными крайностями ихъ пріемовъ и образа жизни. Этому впечатлѣнію отдался даже такой скептическій, безъ того уже во все извѣрившійся, привыкшій потѣшаться не хуже ихъ надъ религіей, умный человѣкъ, какъ Лукіанъ. Онъ выводитъ типъ циника, въ лицѣ Діогена, въ своемъ зломъ сатирическомъ діалогѣ о „философахъ, выставленныхъ на продажу“ (Βίων πρασις). Въ его рѣчахъ заключается извращенное исповѣданіе вѣры всего ученія: „презирай все, отбрось чувство мѣры, такъ поучаетъ Діогенъ, будь свирѣпъ и дикъ, избѣгай всякаго гостепріимства и дружбы; пусть рѣчь твоя станетъ варварскою, голосъ твой суровымъ, похожимъ на собачій лай. Будь прежде всего дерзокъ, безстыденъ со всѣми, съ царями равно какъ и съ частными людьми: это заставитъ всѣхъ обратить на тебя вниманіе и ты прослывешь человѣкомъ сердечнымъ. Ты долженъ покинуть домъ свой; ты будешь жить въ гробницѣ, въ покинутой башнѣ, въ бочкѣ“. Себя же Діогенъ называетъ освободителемъ человѣчества, врачемъ страстей; онъ хочетъ быть провозвѣстникомъ истины и прямодушія. Эта высокая цѣль, достигаемая при помощи лживыхъ, притворныхъ средствъ, прямо характеризуетъ взглядъ Лукіана на недобросовѣстность всѣхъ такихъ проповѣдниковъ соціальнаго перерожденія.

Но этимъ посмѣяніемъ не ограничился сатирикъ. Онъ еще разъ вывелъ типъ такого недовольнаго жизнью человѣка въ еще живѣе написанномъ діалогѣ, почти сбивающемся на пріемы комедіи, [70])—и для этого снова ему пригодилась личность Тимона. Опять появляется онъ передъ нами, съ своей разбитой жизнью и разочарованіями, — но онъ здѣсь мало похожъ на тотъ свой отпечатокъ, который подъ руководствомъ Плутарха сталъ обязательнымъ въ обширной группѣ литературныхъ произведеній. Это словно дру-

---

[70]) Τίμων ὁ μισανθρωπος. Этотъ діалогъ былъ рано (1654) переведенъ на французскій языкъ. — По поводу этихъ діалоговъ см. между прочимъ De la parodie dramatique chez les Grecs. Par P. Thomas. Mons, 1873.

Digitized by Google

гой человѣкъ, и черты его характера въ свою очередь надолго закрѣпились въ другой литературной группѣ. Намъ не изображаютъ вовсе жизнь его до разоренія; мы прямо застаемъ его въ одиночествѣ, въ пустынномъ полѣ, которое онъ обработываетъ за жалкую поденную плату въ четыре обола. Работая до изнеможенія, онъ возсылаетъ проклятія судьбѣ и громко издѣвается надъ богами, въ особенности же надъ Юпитеромъ, которому теперь уже никто не молится, котораго никто не боится, а напротивъ всякій свободно обворовываетъ его храмы. Это введеніе религіознаго вольнодумства, въ которомъ Лукіанъ сходился съ циниками, и появленіе на сцену самихъ божествъ, Юпитера, Меркурія, Плутоса, придаетъ наиболѣе характерный отпечатокъ этому діалогу. Юпитеръ, услышавъ проклятія и насмѣшки, желаетъ знать, кто этотъ грязный, дерзкій человѣкъ, — должно быть *философъ*, догадывается онъ. Но Меркурій напоминаетъ ему о недавнемъ богачѣ Тимонѣ. „Можно бы подумать, говоритъ онъ, что онъ былъ жертвой своей доброты, филантропіи, состраданія къ несчастнымъ, — на дѣлѣ же онъ долженъ винить свою недальновидность, дурной выборъ своихъ друзей. Они объѣдали и разоряли его, когда-же нечего было болѣе взять, покинули его“. Юпитеру жалко той участи, которой подпалъ такой нѣкогда набожный человѣкъ. „У меня еще ноздри полны жертвеннымъ дымомъ отъ его щедрыхъ даровъ“, говоритъ онъ. Желая помочь ему, онъ приказываетъ Плутосу [71]) и Гермесу тотчасъ же приблизиться къ нему, т. е. хочетъ возвратить ему утраченное имъ богатство. Но съ неудовольствіемъ встрѣчаетъ посланныхъ Тимонъ, окруженный, во время труда своего, аллегорическими существами, Бѣдностью, Терпѣніемъ, Трудолюбіемъ и т. д.; онъ свыкся съ нищетой, которая научила его съ пренебреженіемъ смотрѣть на ласки льстеца, на ярость толпы, на угрозы сикофанта и хитрые ковы тирана;

---

[71]) Въ этой частности своего діалога Лукіанъ близокъ къ мотиву аристофанова *Плутоса*. О связи между обоими произведеніями см. статью Ле-Бо въ Mémoires de l'Académie des inscript. et belles lettres, томъ XXX

Digitized by Google

Плутоса онъ не хочетъ знать, такъ какъ онъ именно былъ причиною его страданій. Но онъ все таки *поддается* убѣжденіямъ, раскапывая землю, находитъ лопатою золото,— и при видѣ его предается дикой радости; онъ можетъ теперь мстить людямъ, и за то одинъ будетъ наслаждаться богатствомъ; въ немъ чуть не проглядываетъ уже алчность скупца.

Тогда одинъ за другимъ являются къ нему его друзья и почитатели, — и Лукіанъ пользуется этимъ, чтобъ послѣдовательно заклеймить насмѣшкой всѣ темныя стороны современныхъ ему общественныхъ нравовъ. Паразиты, вліятельные политическіе дѣятели, ораторы подвергаются этому обличенію. Философъ Ѳразиклъ является съ проповѣдью противъ богатства и роскоши, и съ совѣтами раздать сокровища другимъ людямъ, — и въ томъ числѣ и ему. Тимонъ сурово относится къ нимъ, побиваетъ ихъ камнями, но не отдается бѣшенству, иногда изощряетъ надъ ними остроуміе, иронію, — иногда же готовъ въ особенности тѣшиться сознаніемъ, что теперь можетъ подвергать другихъ людей такимъ же униженіямъ, какимъ еще недавно самъ подвергался, будучи работникомъ. Словомъ, сильно измѣнился характеръ Тимона въ нѣсколько столѣтій; онъ воспринялъ многія черты новыхъ воззрѣній, научился резонировать, кощунствовать, полу-пренебрежительно относиться къ богамъ; онъ не прочь сначала философически принимать свою судьбу, и, по внушеніямъ Бѣдности, поэтизировать свою независимость. Но, какъ и въ предшествующемъ діалогѣ, такъ и тутъ, умышленно брошена тѣнь сомнѣнія на это идеалистическое рѣшеніе. Тимонъ даетъ себя убѣдить искусителямъ, допускаетъ возвратъ богатства и пользуется имъ сознательно для униженія людей. Въ его характеръ какъ будто вплелись черты циника, неустойчиваго, колеблющагося между эффектностью своего подвижничества и обыкновенными земными вожделѣніями.

Изъ двухъ древнѣйшихъ концепцій Тимона послѣдняя была, по многимъ бытовымъ чертамъ и большей осмысленности недовольства людьми, какъ будто ближе пониманію позднѣйшихъ поколѣній. По крайней мѣрѣ мы ви-

Digitized by Google

димъ это на дѣлѣ въ любопытномъ фактѣ особенной популярности Лукіановскаго Тимона въ старой итальянской и французской литературѣ, — популярности, которую можно бы поставить на ряду съ быстрымъ аклиматизированіемъ плутархова разсказа въ Англіи. Мы уже видѣли выше, какъ одною изъ первыхъ итальянскихъ пьесъ въ стихахъ былъ *Тимонъ* извѣстнаго Боярдо, автора *Влюбленнаго Орланда;* въ этомъ произведеніи, написанномъ въ честь Эрколе д'Эсте, герцога Феррарскаго, Боярдо перекладываетъ въ пяти актахъ и довольно звучными терцинами всю сущность діалога Лукіана. Въ прологѣ даже выходитъ на сцену самъ Лукіанъ, рекомендующій себя зрителямъ, какъ урожденнаго Грека, ставшаго теперь, изъ любезности къ нимъ, Итальянцемъ. Многое внесено изъ діалога безъ измѣненія; аллегорическія существа, то безсловесныя, то наоборотъ насмѣшливо обличительныя, богатство, бѣдность, знаніе и т. д., играютъ здѣсь еще болѣе выдающуюся роль. Но Боярдо старается смягчить слишкомъ рѣзкое впечатлѣніе, производимое прототипомъ его героя; въ то время, какъ у Лукіанова Тимона ненависть еще болѣе разгарается съ той минуты, когда въ рукахъ его очутилось золото и онъ можетъ чувствительнѣе прежняго мстить людямъ, итальянскій поэтъ старается показать, какъ прежніе земные инстинкты, пробужденные въ Тимонѣ его находкой, приносятъ ему лишь вредъ, портятъ ему характеръ, пробуждаютъ въ немъ алчность; за первымъ кладомъ Боярдо заставляетъ его найти въ забытой гробницѣ второй; онъ уже пытается присвоить и его себѣ, хотя догадывается, кому онъ долженъ бы принадлежать. Наконецъ онъ вовремя приходитъ въ себя, стыдится своего паденія и съ искренной грустью жалѣетъ объ утраченной имъ, со времени его обогащенія, свободѣ и независимости духа. Съ той поры не знаетъ онъ болѣе никакого спокойствія:

....perduto ho di liberta il sentire,
Per mia disaventura io m'inciangiai
Nella Ricchezza, o ben fui male accorto,
Che più riposo alcun non ebbi mai.

Digitized by Google

Одумавшись, онъ бросаетъ всѣ свои сокровища, рѣшается отнынѣ довольствоваться самой бѣдной долей, оставаясь уже совершенно вдали отъ людского общества. Этотъ мотивъ въ пьесѣ совершенно новый (для развитія его авторъ прибавилъ къ ней пятый актъ), нисколько впрочемъ не ослабляющій цѣльности впечатлѣнія. Тимонъ у Боярдо не раскаявшійся человѣконенавистникъ; онъ остается вѣренъ своей основной идеѣ,—онъ только вынесъ еще разъ тяжелый урокъ, увидавъ, какъ много въ немъ самомъ еще осталось житейскихъ, человѣческихъ поползновеній, несмотря на крѣпкую броню, которою онъ, казалось, защитилъ себя отъ нихъ.

Гораздо поверхностнѣе посмотрѣли на это два французскихъ передѣлывателя той же самой фабулы,—одинъ, современникъ Мольера, написавшій впрочемъ свою пьесу позже Мизантропа, именно Маркурò де Брекуръ [72]), другой — писатель начала прошлаго вѣка Делиль [73]). У перваго изъ нихъ воспоминанія о діалогѣ Лукіана видимо смѣшиваются съ слабыми отголосками мольеровской пьесы; такъ въ лицѣ Партеники, *вдовушки*, нѣкогда любимой Тимономъ, какъ будто припомнились автору черты Селимены, — но затѣмъ онъ надѣляетъ ее алчностью и заставляетъ ее покинуть своего любовника, какъ только у него истощилось все состояніе. Не слитокъ золота, а цѣлая золотая гора появляется передъ нимъ по повелѣнію Юпитера, и вслѣдъ затѣмъ къ нему стекаются лживые друзья, и вмѣстѣ съ нимъ и Партеника. Взбѣшенный общимъ предательствомъ, онъ разражается чисто Альцестовскимъ протестомъ:

Ah! qui peut vivre encor parmi tant d'artifices!
Quoi! tous les coeurs humains sont rempliz de ce vice,
Chacun trompe ici l'autre,—abandonnons ces lieux.

[72]) Les flatteurs trompéz ou l'ennuy des faux amis, comédie par mr B***. A Caen, chez Jacques Godes, 1699. (Библіот. Арсенала, 11124). Она играна была въ 1684. Первое изданіе подъ заглавіемъ Timon, было въ Руанѣ (Jean Hurel), *безъ году*.

[73]) Timon le misanthrope, comédie en 3 actes par D. (Delisle de la Devretière). 1722.—Любопытно замѣтить, что эта пьеса считалась въ старину отличной комедіей, украшеніемъ репертуара. См. Lettre à mr de Crébillon sur les spectacles de Paris, 1761, p. 25.

Digitized by Google

Когда же за злобу и богохульство Юпитеръ рѣшаетъ его гибель, Тимонъ, словно Донъ-Жуанъ съ статуей командора, проваливается вмѣстѣ съ золотой горой, и Меркурій кончаетъ пьесу тривіальнѣйшимъ обращеніемъ къ публикѣ: „вотъ— урокъ тому, *кто не умѣетъ пользоваться своими сокровищами*; извлеките-же поученіе изъ него, — а теперь послѣдуйте моему примѣру: я ухожу". Что же касается пьесы Делиля, то (кромѣ того, что она и въ хронологическомъ отношеніи уже относится къ другой порѣ) она до такой степени переходитъ въ арлекинаду съ переодѣваньемъ (Тимонъ выпрашиваетъ у боговъ, какъ милости, человѣческаго образа для его осла, принимающаго имя *Арлекина*, а Меркурій превращается въ Аспазію), смѣшиваетъ греческую жизнь съ чертами итальянской импровизованной комедіи, и щеголяетъ самымъ дешевымъ остроуміемъ, — что можно только удивляться, какъ она могла долгое время считаться чуть не украшеніемъ репертуара. Въ ней лукіаново изложеніе судьбы Тимона окончательно размѣнялось на мелочь.

Независимо отъ обособленныхъ уже нами теперь двухъ теченій въ литературномъ воспроизведеніи характера мизантропа, можно встрѣтить въ пору, предшествующую мольеровской пьесѣ, нѣсколько разрозненныхъ попытокъ подойти довольно близко къ пониманію этого характера. Въ числѣ пьесъ любимаго въ свое время комика, Тристана Л'Эрмита, находимъ комедію «La folie du sage» [74]), гдѣ въ характерѣ Ариста, придворнаго, сохраняющаго въ своей знатной сферѣ независимость и честность убѣжденій, есть нѣсколько любопытныхъ мизантропическихъ чертъ. Здѣсь именно мы находимъ попытку изобразить разочарованіе нетолько въ людяхъ, но и въ знаніи, въ наукѣ, которая для философски образованнаго Ариста была прибѣжищемъ среди порочной жизни, его окружавшей. Дочь его отравилась, отвергнувъ сластолюбивыя требованія короля; и отцовское горе, и разочарованіе въ человѣкѣ, котораго онъ уважалъ, выводятъ его

---

[74]) Théâtre complet de François Tristan L'Hermite. La folie du sage, tragicomédie en 5 actes. 1635, Toussainct Quinet.

Digitized by Google

изъ себя, онъ проклинаетъ все, и людей, и въ особенности свои знанія, любимыхъ своихъ писателей и наставниковъ, бросаетъ философскія книги, которыя „лживо научали его цѣнить добродѣтель, увѣряя, что съ нею честный человѣкъ никогда не погибнетъ“ [75]). Счастливая развязка является кстати, чтобъ излечить его отъ страшнаго отчаянія и кощунства, переходившаго уже въ настоящее сумасшествіе.—Другая пьеса, неизвѣстнаго автора, появившаяся нѣсколькими годами позже комедіи Тристана, — именно „Le sage jaloux“, еще разъ изучаетъ противорѣчія въ характерѣ человѣка умнаго, который въ состояніи совершенно подпасть ревности. Страсть такъ и рвется у него наружу; съ трудомъ сдерживается онъ, борется съ собой, — и у него вырывается тутъ горячая похвала отважной рѣчи и страстному крику: „вѣдь все кругомъ меня, въ природѣ (восклицаетъ онъ) говоритъ, издаетъ всевозможные звуки, — и звѣри, и птицы, вѣтеръ, и листья,—зачѣмъ-же ты, честь моя, хочешь заставить меня молчать?....“ [76]) Сцены мукъ ревности далеко оставляютъ позади себя, по рѣзкости и жесткости, изображеніе страданій Альцеста. Герой пьесы, Lucidor (замѣтимъ кстати, опять придворный) въ состояніи подробно обсуждать, какъ ему убить невѣрную Діану, утопить ее, или же избрать другой видъ мести!

Но несравненно ближе этихъ слабыхъ пьесъ подходитъ къ комедіи Мольера одно изъ самыхъ раннихъ, молодыхъ произведеній Корнеля, именно комедія *La Veuve*, относимая новѣйшимъ ея издателемъ къ 1633 году [77]). На сценѣ олицетворенъ не только страстный протестъ противъ общаго

---

[75]) Et bien, sages docteurs, et bien sçavants esprits,
Celèbres artisans du piège ou je suis pris,
. . . . . .
Vous avez assuré qu'en suivant la vertu
Jamais l'homme de bien ne se treuve abatu.

[76]) Le sage jaloux, tragicomédie. Paris, Pierre Lamys, 1648 (Библіот. Арсенала, 1090 *B*).

[77]) Oeuvres de Corneille (Grands Ecrivains de la France), publ. par Marty-Laveaux, 1862, I, p. 373.

Digitized by Google

двоедушія, но и привязанность къ принятой морали, защита здравой системы умолчанія и безучастности; такой пріемъ, особенно усиливающій впечатлѣніе благодаря этой антитезѣ, впервые употребленъ былъ во французской комедіи Корнелемъ.

Мы уже видимъ тутъ блѣдный, отдаленный первообразъ Альцеста и Филэнта,—къ тому же и лица эти носятъ здѣсь чрезвычайно сходныя съ тѣмъ имена Альсидора и Филиста. Въ пьесѣ, однако, исключительно любовная завязка; даже умѣренный и часто плаксивый Филистъ является влюбленнымъ. Лишь въ одной сценѣ (актъ III, явл. 3) между двумя друзьями завязывается оживленный разговоръ на болѣе общую тему о несовершенствѣ людскомъ, о заразительной маніи людей притворяться и скрывать истинные свои помыслы подъ любезными фразами; въ этомъ разговорѣ характеры обоихъ собесѣдниковъ всего лучше опредѣляются. Корнель сдѣлалъ своего Альсидора, какъ онъ ни блѣденъ самъ по себѣ, уже не мизантропомъ въ старомъ смыслѣ слова, а сильно впечатлительнымъ, прямодушнымъ человѣкомъ, падкимъ на обличительныя рѣчи [78]). Въ этомъ отношеніи Альсидоръ непосредственно предшествуетъ одному

---

[78]) Вотъ діалогъ обоихъ друзей:

Alcidor.

Je rêvais que le monde en l'âme ne vaut rien,
Du moins pour la plupart; que le siècle où nous sommes
A bien dissimuler met la vertu des hommes,
Qu'à peine quatre mots se peuvent échapper
Sans quelque double sens afin de nous tromper,
Et que souvent de bouche un dessein se propose,
Cependant que l'esprit songe à toute autre chose.

Philiste.

Et cela t'affligeait? Laissons courir le temps
Et malgré ses abus vivons toujours contents.
Le monde est un chaos, et son désordre excède
Tout ce qu'on y voudrait apporter de remède.
N'ayons l'oeil, cher ami, que sur nos actions.
Aussi bien, s'offenser de ses corruptions
A des gens comme nous ce n'est qu'une folie.

Digitized by Google

изъ героевъ еще болѣе близкаго по времени къ мольеровской пьесѣ произведенія, именно знаменитаго романа г-жи Скюдери Le Grand Cyrus, Мегабату, въ лицѣ котораго изображенъ извѣстный уже намъ Монтозье, правда, нѣсколько идеализованный. Онъ выставленъ рыцаремъ прямодушія; онъ ненавидитъ ложъ и никому никогда не льстилъ. Еслибъ онъ даже влюбился и находилъ въ любимой женщинѣ недостатки, онъ ни за что не скрылъ бы ихъ. Онъ очень горячъ и рѣзокъ, свои мнѣнія защищаетъ онъ обыкновенно съ большою запальчивостью, вмѣстѣ съ тѣмъ умѣетъ быть безпристрастнымъ, порою суровымъ въ своихъ приговорахъ [79]).

Такимъ образомъ послѣднее слово въ литературномъ изученіи характера мизантропа, сказанное за тринадцать лѣтъ до появленія мольеровской комедіи, уже близко подвело насъ къ господствующей въ ней, чисто современной точкѣ зрѣнія. Больной, раздраженный, или скептически-насмѣшливый Тимонъ старыхъ временъ остался далеко позади, — и мы угадываемъ уже приближеніе вполнѣ реальной, живой личности, близкой намъ по духу.

Принимаясь за воспроизведеніе подобной личности послѣ столькихъ предшественниковъ, Мольеръ, какъ бы своеобразно ни взглянулъ на нее, сколько бы ни вдохнулъ въ характеръ героя личныхъ своихъ свойствъ и завѣтныхъ мыслей, не могъ, разумѣется, обойтись безъ извѣстнаго соприкосновенія съ нѣкоторыми изъ старыхъ произведеній на ту же тему. Пересматривая инвентарь его имущества, напечатанный Эдоромъ Сулье, мы находимъ въ спискѣ его книгъ (конечно, не полномъ) наряду съ Монтенемъ, сборниками французскихъ и испанскихъ комедій, и т. д., три тома Плутарха, и кромѣ того сочиненія Лукіана (neuf autres volumes in-quarto de Lucien, voyages et autres) [80]). Тимонъ, какъ его изобразили оба эти автора, могъ послужить вообще первообразомъ для Альцеста по пламенности рѣчи, страсти къ преувеличеніямъ и излишествамъ въ обличе-

[79]) Grand Cyrus, vol. VII, p. 307.

[80]) Eudore Soulié. Recherches sur Molière et sur sa famille, pp. 269 et 284.

Digitized by Google

ніяхъ и проклятіяхъ. Такія выходки, какъ заявленіе Альцеста, что онъ не можетъ долѣе оставаться среди людей, которые живутъ между собой, какъ волки, что онъ долженъ вырваться изъ этого дремучаго лѣса, изъ этой разбойничьей норы (Tirons nous de ce bois et de ce coupe-gorge. Puisque entre humains ainsi vous vivez en vrais loups, traitres! Vous ne m'aurez de ma vie avec vous, — актъ V, сц. 1),— могли бы быть вполнѣ умѣстными въ устахъ стараго аѳинскаго мизантропа. Но рѣчи Тимона еще разъ пригодятся Мольеру,—хотя на этотъ разъ онѣ взяты изъ иного, также знакомаго уже намъ источника; онъ введетъ въ одно изъ наиболѣе рѣзкихъ заявленій Альцеста (актъ I, сц. 1) переводъ фразы, которую Эразмъ заставляетъ въ своихъ *Апофѳегмахъ* произнести Тимона (въ отвѣтъ на вопросъ, почему онъ преслѣдуетъ всѣхъ людей своею ненавистью, Тимонъ сказалъ, что злыхъ онъ ненавидитъ, какъ они этого заслуживаютъ, другихъ же — зато, что они не умѣютъ ненавидѣть негодяевъ).

Перечисленныя нами пьесы стараго французскаго театра также могли быть хорошо знакомы Мольеру, такъ какъ до развитія его самостоятельной авторской дѣятельности, во время долгихъ кочеваній его труппы въ провинціи, онъ принужденъ бывалъ изъ нихъ составлять свой репертуаръ, — и не подлежитъ сомнѣнію, что приведенный нами діалогъ изъ корнелевой *Вдовы* запалъ ему настолько въ память, что отразился на общемъ содержаніи споровъ между Альцестомъ и Филэнтомъ. Отмѣтимъ въ особенности, что и Филэнтъ и его прототипъ одинаково замѣчаютъ слабости людскія, но не хотятъ портить себѣ жизнь, да и не видятъ средствъ къ исправленію людей; [81]) рядомъ съ этимъ и оба протестующіе героя въ очень сходныхъ выраженіяхъ нападаютъ на общую страсть людей маскировать непріязнь подъ обманчивыми фразами.

Казалось бы, послѣ сдѣланнаго нами анализа, нечего и

---

[81]) Срав. наприм. C'est une folie à nulle autre seconde de vouloir se mêler de corriger le monde. — У Корнеля: son désordre excède tout ce qu'on y voudrait apporter de remède... s'offenser... ce n'est qu'une folie.

Digitized by Google

говорить здѣсь о возможности вліянія Шекспирова *Тимона*. Но это мнѣніе заявлялось иногда,—по крайней мѣрѣ намъ встрѣтилось въ прологѣ къ одной изъ итальянскихъ пьесъ прошлаго столѣтія [82]) самое опредѣленное указаніе, что „Франція заимствовала характеръ мизантропа изъ британской среды и измѣнила, ослабила его“; между тѣмъ всѣ старанія охотниковъ до загадочныхъ сближеній съумѣли открыть лишь слабое сходство между *двумя* фразами Тимона и Альцеста и притомъ такое, которое побудило ихъ же самихъ прибавить, что оно объясняется скорѣе „заимствованіемъ, сдѣланнымъ обоими авторами изъ одного источника, — именно изъ свойственнаго имъ обоимъ знанія человѣческаго сердца“ [83]). Точно также сравненіе между пьесой Мольера и трагикомедіей Боярдо, какъ уже было замѣчено нами выше, приводитъ къ убѣжденію въ полной ихъ разнохарактерности. Такимъ образомъ двѣ догадки, искавшія корня *Мизантропа* то въ Италіи, то въ Англіи, падаютъ сами собой.

Если въ заключеніе упомянуть о возможности вліянія указаннаго выше мѣста изъ *Grand Cyrus* на *общую* характеристику Альцеста, — то затѣмъ мы поневолѣ принуждены будемъ перейти къ области мелкихъ заимствованій или пересказовъ, гдѣ рѣчь идетъ уже не о существенныхъ сторонахъ сюжета, а о какомъ нибудь меткомъ, подходящемъ выраженіи, любимомъ стихѣ, слоговомъ украшеніи и т. д. При обширной начитанности и памяти Мольера, раскрываемой съ каждымъ годомъ его комментаторами, неудивительно, что и въ этой, наиболѣе оригинальной, его пьесѣ, число подобныхъ заимствованій довольно значительно. Когда между двумя фатами, Акастомъ и Клитандромъ, завязывается (актъ

---

[82]) Il misantropo a caso maritato o sia l'orgoglio punito, commedia divisa in cinque atti. In Bologna, 1748; въ прологѣ, гдѣ авторъ называетъ свою пьесу совершенно новою и впервые *живо* изобразившею характеръ мизантропа, встрѣчаемъ слѣдующее выраженіе:... la Francia seppe osar la prima effeminar lo spirto de Misantropi, *che dal suol Brittanno le piacque trapiantar nelle sue scene.*

[83]) Shakspeare et Molière, статья J. Guillemot въ журналѣ *Le Moliériste,* 1879—80, стр. 208.

Digitized by Google

III, сц. 1) споръ о томъ, кто изъ нихъ болѣе нравится Селименѣ, — Мольеру, въ шаловливую минуту, припомнился стихъ изъ *Родогуны* Жильбера, гдѣ Дарій говоритъ Артаксеркcу: je suis le misérable, et toi le fortuné; заставляя произнести это Акаста, поэтъ прибавляетъ новую черту къ характеристикѣ его. Акастъ, человѣкъ свѣтскій и съ закулисной опытностью, умѣетъ кстати привести подходящую цитату [84]). Отголоскомъ изученія поэмы Лукреція *De rerum natura*, которую Мольеръ, по сохранившемуся преданію, перевелъ прозой и стихами [85]), явилась прелестная эпизодическая картинка, которою Эліанта характеризуетъ привычку влюбленныхъ восхвалять до небесъ совершенства любимой женщины, изощряясь придумывать даже для ея недостатковъ самые изящные синонимы, удивляясь въ расцолнѣвшей красавицѣ величественной ея осанкѣ, сравнивая блѣдную съ чудеснымъ жасминомъ, и называя даже замарашку—une beauté négligée (актъ II, сц. 5, стихи 265—284). Ироническое замѣчаніе римскаго поэта получило въ новой обдѣлкѣ (къ тому же вложенное въ уста симпатичной Эліанты) особый отпечатокъ граціозной насмѣшливости.—Въ сонетъ Оронта вошла *одна* строчка изъ старой испанской пѣсенки [86]), ранѣе Мольера уже эксплоатировавшейся другими французскими поэтами, наприм. Ронсаромъ [87]) (Belle Philis, on désespère, alors qu'on espère toujours). Когда, раздраженный нелѣпостью сонета,

[84]) Это только что указано Эдуардомъ Тьерри въ богатомъ комментаріѣ къ изданнымъ имъ документамъ изъ архива *Théâtre français*, касающимся постановки Мнимаго Больнаго (Documents sur le Malade Imaginaire, 1880, p. 7).

[85]) Судьба этого перевода загадочна. Повидимому, онъ былъ проданъ вдовой Мольера одному книгопродавцу, и, быть можетъ, когда нибудь увидитъ свѣтъ, если случай наведетъ на него опытнаго библіофила.

[86]) Это раскрыто было въ статьѣ *Puymaigre*, въ журналѣ *le Correspondant*, 1869.

[87]) По поводу заимствованій Мольера у старыхъ французскихъ поэтовъ укажемъ кстати на добросовѣстную работу, сдѣланную скромнымъ труженикомъ. Это именно *программа* евангелической гимназіи въ силезскомъ городкѣ Лаубанѣ (Ce que Molière doit aux anciens poètes français, Lauban, 1880), за сообщеніе которой выражаемъ признательность автору, г. Вильке.

Digitized by Google

Альцестъ набрасываетъ тонкую пародію плохого стихотворца, и Оронтъ готовъ въ каждой чертѣ узнавать себя,— je ne dis pas cela, повторяетъ нѣсколько разъ съ различными комическими интонаціями Альцестъ,—и этотъ весьма недурной сценическій эффектъ заимствованъ изъ Roman comique, Скаррона. [88]) Затѣмъ мы находимъ нѣсколько мелкихъ заимствованій у Сенеки, Бальзака, и даже у апостола Павла (изъ посланія къ Римлянамъ)

Но, коль скоро рѣчь ужь идетъ о передѣлкѣ или транскрипціи извѣстнаго числа стиховъ, нельзя умолчать о тѣхъ займахъ, которые Мольеръ, по свойственной ему привычкѣ, дѣлаетъ и у самого себя. Какъ въ Тартюффѣ, такъ и въ Мизантропѣ мы встрѣчаемъ повторенія различныхъ мѣстъ изъ раннихъ его комедій,—и въ этомъ не было бы ничего умаляющаго значеніе пьесы, или заслуживающаго особаго упоминанія,—еслибъ самымъ обширнымъ изъ этихъ заимствованій не пользовались, время отъ времени, различные представители той критической школы, которая старалась умалить значеніе Мизантропа, низвести его на степень увеселительной пьесы, и отвергала его автобіографическій характеръ. Мы говоримъ именно о несомнѣнной связи между Мизантропомъ и довольно ранней (1661 года), неудачной, и потому вообще малоизвѣстной пьесой Мольера *Don Garcie de Navarre*. Связь эта особенно ясно выказалась въ довольно точномъ повтореніи сущности трехъ сценъ (и нѣкоторыхъ стиховъ) изъ *Don Garcie* во второмъ и третьемъ явленіи 4-го акта Мизантропа. Ранняя пьеса эта была на бѣду навѣяна Мольеру посредственною итальянскою драмой Чиконьини [89]), также основанной на изображеніи мукъ ревности и бурныхъ упрековъ, которыми герой осыпаетъ любимую имъ женщину. Выводъ изъ этого можно было предсказать. Если

---

[88]) Roman comique, изд. В. Фурнеля, 1857, томъ I, часть 2, глава X.

[89]) Le gelosie fortunate del prencipe Rodrigo, opera di Giac. Andrea Cicognini. Это тотъ самый Чиконьини, чья драма «Il tradimento per l'honore была одною изъ первыхъ свѣтскихъ пьесъ русскаго театра при Петрѣ (въ переводѣ она носитъ названіе „Честный измѣнникъ, или Фридерико фонъ-Поплей и Алоизія, супруга его“).

Digitized by Google

Мольеръ могъ повторяться въ подобныхъ сценахъ, и притомъ брать себѣ чужой образецъ, то, стало быть, всѣ догадки объ отраженіи его семейной драмы въ Мизантропѣ должны подвергнуться сильному сомнѣнію. Но несостоятельность такого отважнаго построенія обнаруживается при близкомъ сравненіи трехъ пьесъ. Слабо очерченная у Чиконьини ревность получила въ донѣ Гарсіи часто краснорѣчиваго и пламеннаго выразителя. Но и онъ тѣмъ не менѣе представляетъ собой самую ординарную личность, заурядnаго героя любой старой трагикомедіи; принцъ наваррскій, онъ окруженъ *испанскими* знатными лицами, чья національность по типичности своей не уступаетъ испанскимъ бытовымъ краскамъ гдѣ нибудь въ комической оперѣ. Ревность его слѣпа и несправедлива; онъ напрасно оскорбляетъ любимую имъ донну Эльвиру, онъ кается въ легкомыслiи и съ живой радостью выслушиваетъ изъ устъ Эльвиры прощеніе. Ни одной черты не обронено здѣсь для характеристики соціальныхъ требованій героя, въ его гнѣвѣ не видно и слѣда глубокаго недовольства людьми. Едва ли вообще можно считать его прототипомъ Альцеста,—во всякомъ случаѣ онъ относится къ нему такъ, какъ безтѣлесный образъ, тѣнь, относится къ живому, страстному человѣку, у котораго кровь бьетъ ключемъ. Мы уже отмѣтили привычку Мольера вводить иногда повторенія своихъ старыхъ стиховъ,—что-же удивительнаго, если онъ и тутъ вспомнилъ нѣсколько удачныхъ выраженій, которыя при случаѣ могли вѣрно передать душевное состояніе Альцеста? Но эти выраженія, даже цѣлыя эти двѣ сцены совсѣмъ потонули въ волнахъ того энергически-протестующаго, мужественнаго краснорѣчія, которымъ въ рѣчахъ Альцеста отразилось глубоко переродившееся настроеніе самого Мольера.

Теперь надѣемся, уже ясно обнаружилась вся мѣра заимствованій, соприкосновеній и подражаній, которыя позволительно констатировать въ Мизантропѣ, — и кто же не скажетъ, что эти чуждые элементы вошли въ него все таки въ чрезвычайно скромномъ размѣрѣ, и что присутствіе ихъ въ пьесѣ нисколько не нарушаетъ правильности взгляда,

Digitized by Google

признающаго, что она отлита была вся изъ одного куска. Но наряду съ источниками книжными, необходимо принять здѣсь въ разсчетъ и источники бытовые, жизненные, — всѣ тѣ личности, чѣмъ либо выдвигавшіяся и показавшіяся сатирику пригодными для внесенія въ его произведеніе, — или же подслушанные и подмѣченные случаи и сцены изъ обыденной жизни. Здѣсь, точно также какъ и въ Тартюффѣ, мы встрѣчаемся съ нѣсколькими, болѣе или менѣе застарѣлыми, пустившими корни, указаніями на тѣ лица, которыя служили будто бы оригиналами для мольеровскихъ копій,— и вмѣстѣ съ тѣмъ снова выдвигается вопросъ о портретности дѣйствующихъ лицъ въ комедіи. Къ счастью, галерея мнимыхъ оригиналовъ въ данномъ случаѣ небогата,—но миновать ее нельзя.

Изучая по отношенію къ Тартюффу всѣ подобныя легендарныя указанія, мы пришли уже къ убѣжденію, что главное лицо пьесы являлось тамъ въ полномъ смыслѣ слова собирательнымъ, что авторъ, руководствуясь вѣрнымъ взглядомъ на типическое значеніе, этого лица, какъ бы отвлекалъ отъ каждой встрѣченной имъ подходящей личности наиболѣе рѣзкія особенности, сливая ихъ въ такой цѣльный образъ, который впослѣдствіи могъ чрезвычайно подходить ко многимъ людямъ и тѣмъ подкрѣплять позднѣйшія указанія на его портретность. Къ этому же убѣжденію приводитъ насъ и изученіе бытовыхъ источниковъ Альцеста. Зная, что въ современномъ обществѣ такія личности появлялись уже изрѣдка, легко допустить у Мольера желаніе провѣрить и дополнить анализъ своихъ собственныхъ ощущеній на чертахъ характера лицъ, болѣе или менѣе однородныхъ съ нимъ. Такихъ людей мы насчитаемъ лишь двухъ,—именно герцога Монтозье, и друга Мольера, Буало. Масса разсказовъ, ходившихъ тогда въ обществѣ о странностяхъ Монтозье,—быть можетъ, и указанный выше отрывокъ изъ *Grand Cyrus,* обратившій вниманіе Мольера на этого чудака-аристократа,—быть можетъ, рѣдкія встрѣчи съ нимъ и наблюденія за нимъ втихомолку (близко познакомились они лишь послѣ представленія пьесы),—всѣ эти

Digitized by Google

поводы могли остановить подольше вниманіе комика на этомъ лицѣ. Вспыльчивость герцога, переходившая иногда въ смѣшную крайность, пригодилась въ пьесѣ, чтобъ оттѣнить серьозность убѣжденій Альцеста; рѣзкое, желчное обнаруженіе въ житейскомъ разговорѣ, прямо въ лицо человѣку, его недостатковъ, точно также могло быть изучено на обычномъ тонѣ рѣчей Монтозье (за самимъ Мольеромъ никто, даже изъ враждебныхъ ему писателей, не признаетъ этого свойства)[90]). Но затѣмъ сходство обоихъ характеровъ въ значительной степени ослабляется. Въ Монтозье были и темныя стороны, не безъизвѣстныя въ свѣтскомъ кружкѣ,—и такія именно стороны, которыя плохо гармонировали съ его коренными убѣжденіями. Онъ имѣлъ, напримѣръ, по словамъ своего біографа, связь съ горничной своей жены, когда же она перестала ему нравиться, выдалъ ее замужъ за довольно виднаго чиновника въ провинціи, „такъ что она и потомъ оставалась въ его распоряженіи". Злые языки прибавляли впослѣдствіи, что жена его доставляла любовницъ королю, и облегчила ему сближеніе съ Лавальеръ. Въ то же время Монтозье былъ чрезвычайно религіозенъ, и набожность свою доводилъ до мелочности,—опять черта, совершенно чуждая Альцесту. Оттого-то Монтозье пользовался такою почетной репутаціей въ высшихъ кругахъ образованнаго духовенства,—такъ что Флешье въ надгробной рѣчи въ память его[91]) могъ находить въ его характерѣ прямой отголосокъ доблестей, свойственныхъ лучшимъ евангельскимъ личностямъ (il ne voulut apprendre d'autre langage que celui de l'évangile, *oui*, *oui*, *non*, *non* etc.).

Но и въ иномъ отношеніи онъ также не сходится съ героемъ Мизантропа. Альцестъ заклятый врагъ манерности въ по-

---

[90]) Можно прибавить также и сходство Альцеста съ Монтозье въ смѣшеніи противорѣчій, отличающемъ ихъ обоихъ. Сомэзъ въ своемъ Grand dictionnaire des précieuses, выводя Монтозье подъ именемъ *Ménalidus*, свидѣтельствуетъ, что въ немъ соединялись черты, казалось бы, несовмѣстимыя: онъ былъ нѣженъ съ дамами и храбръ, гордъ и учтивъ и т. д.

[91]) Oraison funèbre de Mr de Montausier, première partie, 1690. Oeuvres complétes, 1782.

Digitized by Google

эзіи, цѣнитъ искренность и простоту въ деревенской пѣсенкѣ, онъ сторонникъ того направленія, которое вводили тогда въ литературу Мольеръ, Буало и другіе новые писатели, столь же оппозиціонно настроенные противъ старой школы. Но Монтозьѐ былъ все таки человѣкъ стараго закала; ему, правда, не нравилась излишняя тонность, господствовавшая въ знаменитомъ отелѣ Рамбулье, съ которымъ ему пришлось сблизиться вслѣдствіе своей женитьбы, но онъ воспитался въ поклоненіи Бенсераду, Шаплену, даже Котену, словомъ, всѣмъ отжившимъ, поблекшимъ корифеямъ придворной галантной поэзіи. Отъ нихъ онъ научился презирать *новичковъ;* тому, кто не находилъ достоинствъ въ *Pucelle* Шаплена (именно нѣкоему Ла-Менардьеру) онъ грозилъ палочными ударами,—чуть не разсорился съ королемъ изъ за пенсіи, назначенной Буало, — наконецъ, страшно негодовалъ на Мольера, когда сказали, что онъ вывелъ его въ Альцестѣ. Самъ Монтозье могъ иногда писать томныя и плохія стихотворенія (на это, можетъ быть, и намекаютъ слова Альцеста, отвѣчающаго Оронту, что „къ сожалѣнію, онъ самъ въ состояніи писать столь же плохіе стихи, но только не станетъ ихъ показывать другимъ", — j'en pourrais, par malheur, faire d'aussi méchants, mais je me garderais de les montrer aux gens). Нѣсколько лѣтъ онъ томился любовью къ томной дѣвицѣ, Julie d'Angennes, которая плѣнила его брата, а потомъ и его самого, — и по смерти брата поднесъ ей извѣстную стихотворную *Гирлянду Юліи,* отмѣнно переписанную и разукрашенную.... Куда же дѣвалась, при ближайшемъ изученіи, его первоначально тѣсная близость съ Альцестомъ! Но Монтозье и самъ позаботился подтвердить мнѣніе безпристрастной критики, что одинъ онъ не могъ быть прототипомъ мольеровскаго героя. Сначала взбѣшенный сплетнею о пасквилѣ на него, будто бы введенномъ въ пьесу Мольеромъ, онъ, казалось, готовъ былъ и тутъ расправиться, въ духѣ добраго стараго времени, бастоннадой [92])—

---

[92]) Роль палочной расправы въ тогдашнихъ литературныхъ нравахъ характеризована въ любопытной брошюркѣ Виктора Фурнеля «Du rôle des

Digitized by Google

но сначала захотѣлъ самъ посмотрѣть пьесу, нашелъ ее очень умною, и, съ большой добросовѣстностью, не могъ не найти, что „авторъ заслуживаетъ упрека лишь въ томъ, что *недостаточно подражалъ оригиналу*; я бы очень желалъ, сказалъ онъ, быть такимъ, какъ его мизантропъ, — онъ честный человѣкъ“. Въ этихъ словахъ ясно указано все то существенное измѣненіе, которое данный характеръ потерпѣлъ въ рукахъ Мольера. Монтозье могъ дѣйствительно не узнавать себя, — несравненно осмысленнѣе, серьознѣе и симпатичнѣе стало его обычное нетерпѣливое брюжжанье.

Если для той изъ цѣлей автора, которая имѣла прямое отношеніе къ борьбѣ противъ манернаго стихотворства, настроеніе Монтозье совершенно не давало матеріала,—то, наоборотъ, тутъ именно могла вполнѣ пригодиться горячность, съ которой обыкновенно Буало гремѣлъ противъ плохихъ стихотворцевъ, горячность, вошедшая тогда почти въ поговорку. Буало оставилъ прямое показаніе, что слышалъ это отъ самого Мольера. Въ сценѣ съ Оронтомъ Альцестъ долго сдерживается свѣтскимъ тактомъ, и только подъ конецъ доходитъ до взрыва, совершенно въ духѣ Буало,—но полнѣйшее сходство съ традиціоннымъ складомъ

---

coups de bâton dans les relations sociales. P. 1858. — Отмѣтимъ также и весьма характерное въ этомъ отношеніи стихотвореніе нѣкоего аббата Перрена въ собраніи рукописей Конрара, томъ XI, стр. 29 (Библіот. Арсенала): *La bastonnade*, satyre contre Boileau, virelay dédié au duc de Montausier. Оно относится къ порѣ враждебныхъ отношеній Монтозье къ Буало и Мольеру. Намекъ на послѣдняго очень любопытенъ: авторъ ставитъ Буало въ вину, что

Il censure, blâme, syndique
Et confond, par politique,
Pour plaire au Heros mimique,
L'aigle avec le houbereau,
Le cygne avec le corbeau.

При этомъ выноска на поляхъ поясняетъ, что подчеркнутыя слова означаютъ *le héros des farceurs* (опять Мольеръ прямо не названъ), qui, par interest, tache de détruire les bons autheurs dans l'esprit de sa majesté.— Орелъ и воронъ—символы хорошихъ и дурныхъ писателей.

Digitized by Google

литературныхъ сужденій этого поэта проявляется въ разсказѣ Филэнта о томъ, какъ происходило вынужденное примиреніе между Альцестомъ и обиженнымъ авторомъ сонета (актъ IV, сц. 1).

И такъ, мы уже имѣемъ два лица, нѣкоторыя черты которыхъ должны были показаться пригодными для Мольера, и увидѣли, что, несмотря на то, оба эти источника немного дали ему *существеннаго*. Но за ними выступаетъ еще одно лицо, или, лучше сказать, китайская тѣнь, даже безъ имени, вызванная брошенною неожиданно въ разгаръ полемики теоріею, которая доказываетъ, что Альцестъ — янсенистъ, и что внѣшніе его пріемы, а можетъ быть и всѣ подробности его судьбы, срисованы съ *кого нибудь* изъ выдававшихся тогда янсенистовъ. Творецъ этой теоріи, желающій во что бы то ни стало видѣть въ комедіи Мольера какую-то великую „загадку“, неразрѣшимую „тайну“ — нѣкто Gerard du Boulan (псевдонимъ, подъ которымъ, какъ говорятъ, скрывается кто-то изъ извѣстныхъ французскихъ *экономистовъ*!) [93]). Съ большой отвагой, достойной лучшихъ намѣреній, онъ доказываетъ, съ фактами въ рукахъ, всю основательность недовольства людей въ родѣ Альцеста современнымъ положеніемъ французскаго народа,—какъ будто кто нибудь отрицалъ это; съ привычкою экономиста вращаться въ области цифръ и цѣнностей, онъ сообщаетъ намъ, напримѣръ, данныя относительно налога на соль, изображаетъ страданія массы отъ *габеллы*, рисуетъ караваны барокъ съ солью, плывущіе по главнымъ французскимъ рѣкамъ (удивленный читатель продолжаетъ искать и тутъ *энигмы* Альцеста); когда накопилось достаточно подобныхъ данныхъ и въ экономической и въ нравственной области, и когда общая картина вышла, какъ и слѣдовало ожидать, вполнѣ мрачною, авторъ рѣзкимъ переходомъ приводитъ насъ къ своему конечному выводу: если Альцестъ, видя все это разложеніе и паденіе, возмущался и протестовалъ, если несмотря на притягательную силу придворнаго блеска и почестей, онъ воз-

[93]) L'énigme d'Alceste, par Gérard du Boulan, Paris, Quantin, 1879.

Digitized by Google

держивался отъ принятія какой бы то ни было должности и держался въ сторонѣ,—*ясно, что Альцестъ янсенистъ.*

Но если это логически ясно для самого изслѣдователя, то у него очевидно особая логика. Слѣдовало бы сначала доказать, что вся сила оппозиціи сосредоточивалась тогда исключительно въ кружкахъ янсенистовъ, и что, не принадлежа къ нимъ, нельзя было возмущаться и протестовать. Но вѣдь негодовать на извращеніе справедливости въ процессѣ, какъ это дѣлаетъ Альцестъ, могъ всякій честный человѣкъ, поставленный въ такое же положеніе. Находить поборы непомѣрными, чувствовать всю тяжесть деспотически-безтолковаго финансоваго хозяйства, такъ подробно изображаемаго г. дю-Буланомъ, все это могъ точно также живо ощущать всякій обыкновенный смертный, такъ какъ для этого не нужно нетолько религіознаго (!), но и элементарнаго экономическаго развитія,—что, конечно, допуститъ и самъ изслѣдователь, спеціалистъ по народному хозяйству. *Презрѣніе* ко всѣмъ людямъ и стремленіе къ *общественному* перерожденію точно также не составляло отличительной черты янсенизма, презиравшаго только враждебную ему церковную партію, виновницу затменія умовъ,—для всѣхъ же людей желавшаго проявленій божественной милости, благости (grâce). Но, еслибъ предположеніе и могло быть вѣрно, то поразительно было бы, почему вся роль Альцеста лишена малѣйшаго оттѣнка набожности, хотя бы самой общей, неопредѣленной. Авторъ признается самъ, что одна очень образованная женщина сдѣлала ему это возраженіе; „отчего же этотъ янсенистъ никогда не говоритъ о Богѣ“, спросила она. Онъ, конечно, въ разъясненіи своемъ спѣшитъ сослаться на то, что истинно набожные люди не всегда говорятъ о божествѣ, но проявляютъ вѣру свою въ чистой, нравственной жизни. На это уже шевелится у читателя естественное возраженіе, что такимъ же образомъ можно зачислить въ ликъ угодниковъ всѣхъ, кто ведетъ подобную жизнь, хотя бы повинуясь самымъ разнообразнымъ, чисто мірскимъ побужденіямъ. Но тѣмъ временемъ нашъ авторъ успѣлъ уже получить подкрѣпленія, и торжественно выступаетъ съ новымъ аргументомъ: а *ну-*

Digitized by Google

стыня, говоритъ онъ, — та пустыня, куда стремится спастись Альцестъ,—что она такое, какъ не прямое указаніе на Port Royal des champs, прибѣжище и центръ всѣхъ янсенистовъ, высоко цѣнимая обитель ихъ почтенныхъ отшельниковъ. Разорвавъ навсегда съ обществомъ, Альцестъ можетъ мечтать, что найдетъ за стѣнами этого монастыря желанное душевное спокойствіе. Такимъ образомъ мы прямо уже подошли къ монастырской оградѣ и, оглядываясь оттуда на все земное поприще героя, мы почти готовы уже видѣть въ немъ что-то въ родѣ монастырскаго подвижничества за вѣру. Но что-же однако дѣлать, если обозрѣніе различныхъ характеровъ мизантропа, выставленныхъ и классическими и новѣйшими литературами, показало намъ, что то-же естественное стремленіе уйти куда-нибудь подальше отъ людей увлекало не разъ мизантроповъ въ глушь, или прямо въ пустыню, т. е. въ безлюдное уединенье! Нельзя же заурядъ заподозрить въ янсенизмѣ и Тимона, каковъ онъ былъ въ дѣйствительности и какимъ его изображали Плутархъ, Лукіанъ, Шекспиръ!

Если подобная старательно возведенная теорія падаетъ при ближайшемъ изученіи, то что-же сказать о другой, которая, хотя и ограничиваясь скорѣе общими указаніями, тоже имѣетъ соотношеніе съ янсенистскимъ движеніемъ, задаваясь притомъ прямо противоположной цѣлью. Сейчасъ Альцестъ былъ янсенистомъ, и все сочувствіе Мольера было на его сторонѣ, тутъ-же является янсенисткой Селимена, и комику приписывается желаніе осмѣять закулисную сторону мнимо набожныхъ нравовъ [94]). Героиней является извѣстная м-мъ де-Лонгвилль, которая дѣйствительно послѣ бурнаго прошлаго, посвященнаго любви, проводила послѣднюю часть жизни въ тѣсной связи съ поръ-роялькими старцами, предаваясь молитвѣ. Желая отвѣчать на нападки

[94]) См. любопытное въ своемъ родѣ письмо неизвѣстнаго автора къ одному изъ раннихъ комментаторовъ Мольера, г. Брэ, въ Journal encyclopédique ou universel, dédié à son alt. le duc de Bouillon. 1776. III, partie I, à Bouillon. Letre à mr. Bret, auteur des commentaires sur Molière, 517.

Digitized by Google

враговъ, будто бы подучаемыхъ янсенистами, Мольеръ выбралъ одинъ изъ скандальныхъ эпизодовъ молодости г-жи де-Лонгвилль, и, въ лицѣ уважаемой янсенистами свѣтской дамы, отмстилъ имъ всѣмъ. Въ подтвержденіе этому приводятся и мѣста изъ мемуаровъ madame de-Motteville, и зачѣмъ то даже изъ Histoire amour. des Gaules, Бюсси Рабютена, пересказывающія исторію писемъ свѣтской красавицы къ ея поклонникамъ, внезапно ставшихъ гласными вслѣдствіе мести одного изъ нихъ. Эти цитаты взаимно побиваютъ другъ друга уже тѣмъ, что одно и тоже происшествіе разсказывается тутъ въ различной обстановкѣ; дѣйствующимъ лицомъ являются то графъ Колиньи, то Бофоръ, то Марсильякъ. Но, что всего поразительнѣе, дѣло вездѣ идетъ лишь объ томъ, что разсорившіеся любовники, чтобъ отмстить другъ другу, показали кое-кому компрометтирующія письма, — милая черта, которая, надо думать, стара, какъ міръ; она вѣроятно не разъ примѣняется и въ наше время усовершенствованнаго шантажа,—но, конечно, процвѣтала и въ эпоху великаго Людовика, въ такой степени пропитанную духомъ самаго разнообразнаго *ухаживанья* (galanterie). Мольеръ могъ слышать о многихъ подобныхъ случаяхъ изъ свѣтской жизни (не написали бы свои насыщенныя фактами и сплетнями книжки ни Бюсси, ни Тальманъ, еслибъ вокругъ нихъ не размножались въ такой степени самыя сложныя любовныя интриги!), но, конечно не воспользовался ни однимъ изъ нихъ въ частности. Самое же письмо Селимены, о которомъ идетъ рѣчь, заключаетъ въ себѣ насмѣшливые портреты всѣхъ ея поклонниковъ, и такимъ образомъ даетъ Мольеру возможность однимъ ударомъ удалить отъ кокетки всѣхъ оскорбившихся тѣмъ альцестовыхъ соперниковъ, — о такомъ же характерѣ мнимо-подлиннаго письма названная теорія не упоминаетъ вовсе. Да и вообще это указаніе, выхваченное на удачу изъ старыхъ дѣдовскихъ сплетенъ (оно сдѣлано болѣе чѣмъ черезъ сто лѣтъ послѣ представленія Мизантропа), не заслуживало бы упоминанія, еслибъ не сопровождалось своеобразнымъ объясненіемъ холоднаго пріема, сдѣланнаго пу-

Digitized by Google

бликою этой комедіи; публика будто бы сразу догадалась, на кого мѣтилъ Мольеръ, обидѣлась за г-жу де-Лонгвилль, которой привыкла прощать ея прошлое ради настоящей примѣрной ея жизни, и отвернулась отъ поэта, выказавшаго столько мстительности и злобы....

Въ заключеніе пройдемъ бѣглымъ обзоромъ всѣ остальныя указанія оригиналовъ дѣйствующихъ лицъ комедіи; нѣкоторыя мелкія частности и тутъ могутъ оказаться сколько нибудь цѣнными. Филэнта отождествляли часто съ старинным другомъ Мольера, Шапеллемъ; главнымъ образомъ это мнѣніе опирается только на примѣненіи къ нимъ обоимъ одного выраженія Альцеста, вспоминающаго, что онъ вмѣстѣ съ Филэнтомъ росъ подъ одною и той же заботливой охраной (sous mêmes soins nourris),—что и относили къ пребыванію Мольера вмѣстѣ съ Шапеллемъ въ Collège de Clermont и къ совмѣстному слушанію уроковъ Гассенди. Но мы обратимъ вниманіе на то, что въ число издавна любимыхъ Мольеромъ художественныхъ пріемовъ входило развитіе главной мысли произведенія въ двойственномъ олицетвореніи, при чемъ героями часто являются два брата или близкихъ родственника, не схожіе натурой и расходящіеся во взглядахъ (напримѣръ, въ Школѣ мужей, Школѣ женщинъ). Приведеннаго аргумента, однако, мало для оправданія прямыхъ указаній на Шапелля; необходимо было бы найти сходныя черты между характеромъ его и тѣми свойствами, которыми Мольеръ надѣлилъ своего Филэнта. Это-же совершенно невозможно. Личность Шапелля достаточно ясно обрисовывается и изъ показаній лицъ, знавшихъ его, и изъ немногихъ собственныхъ его произведеній (въ родѣ извѣстнаго юмористическаго описанія его путешествія по Лангедоку и Провансу съ Башомономъ)[95]). Шапелль вездѣ является эпикурей-

[95]) Voyage de Chapelle et de Bachaumont, вновь перепеч. въ 1854, Oeuvres de Chap. et de B., publ. par T. de Latour.—Шапелль (читаемъ мы въ весьма цѣнномъ біографическомъ вступленіи къ изданію сочиненій Мольера въ Амстердамѣ, 1725, стр. 81) „постоянно попрекалъ Мольера его задумчивымъ настроеніемъ; ему хотѣлось, чтобъ онъ вращался въ такомъ же пріятномъ обществѣ, какъ и самъ Шапелль; онъ старался совсѣмъ

Digitized by Google

цемъ въ полномъ смыслѣ слова, весельчакомъ и острословомъ; по дружески относится онъ къ Мольеру, утѣшаетъ его (какъ мы уже видѣли) даже въ малѣйшихъ его горестяхъ, старается расшевелить, разсмѣшить его. Словомъ, это въ своемъ родѣ такой же типическій представитель старой галльской веселости, какимъ былъ наприм. другой товарищъ Мольеровой юности, Сирано де-Бержеракъ. Легко посудить, какъ далеко отъ этого вѣтренаго характера до умѣреннаго, вполнѣ уравновѣшеннаго житейскаго мудреца, Филэнта, которому излишняя веселость, поползновеніе жить на распашку, должно казаться столь же предосудительно-смѣшнымъ явленіемъ, какъ и излишняя горячность и правдивость Альцеста.— Затѣмъ слѣдовало бы упомянуть объ указаніяхъ прототиповъ Оронта, Акаста, Клитандра и т. д., но они лишь доказываютъ, что лица эти изображены были такъ живо, что каждый могъ, оглядѣвшись вокругъ себя въ обществѣ, подъискать поразительное сходство съ своимъ знакомымъ, плохимъ поэтомъ или свѣтскимъ фатомъ. Исключеніе нужно сдѣлать только для обрисованнаго вскользь, въ сценѣ салоннаго злословія у Селимены, чудака Тиманта, — этого смѣшного любителя таинственности, который ходитъ вездѣ заряженный великими секретами и даже слово *bonjour!* произноситъ вамъ на ухо. На его счетъ есть прямое указаніе Буало (въ его разговорахъ съ Броссеттомъ, уже неразъ служившихъ намъ полезнымъ подспорьемъ), гдѣ, со словъ самого Мольера, названъ оригиналомъ Тиманта одинъ старый придворный, *mr de Saint-Gilles.*

Наконецъ и для остальныхъ двухъ лицъ комедіи, — для Эліанты и Арсинои, найдены оригиналы, хотя на этотъ разъ въ совершенно иной средѣ. Для того чтобъ заручиться извѣстной точкой опоры, обратились къ одному изъ самыхъ раннихъ эпизодовъ жизни Мольера, отмѣченному въ его творчествѣ юношеской его комедіей *Le dépit amoureux.* Въ этой комедіи онъ съ обычной откровенностью разсказалъ

передѣлать его по своему, чтобъ онъ ни о чемъ не тужилъ и всегда готовъ былъ къ веселью".

Digitized by Google

подлинную исторію своихъ колебаній между двумя красавицами-актрисами своей труппы, въ которыхъ онъ поочередно влюблялся, отвлекаемый отъ тихой и любящей де-Бри искуснымъ кокетствомъ дю-Паркъ. Въ пору созданія Мизантропа, де-Бри, не переставшая и послѣ женитьбы Мольера питать къ нему искреннюю дружбу, оставалась еще въ его труппѣ, тогда какъ непостоянная дю-Паркъ, избалованная всеобщимъ поклоненіемъ, хотя настолько уже постарѣвшая, уже готовилась измѣнить своему прежнему товарищу и перейти во враждебную ему труппу Hôtel de Bourgogne. Мы не станемъ отрицать нѣкоторой правдоподобности перваго указанія. Въ характерѣ Эліанты и въ личныхъ свойствахъ де-Бри, которую преданіе называетъ обычной утѣшительницей Мольера во время его размолвокъ съ женой, много сходныхъ чертъ; Эліанта питаетъ къ Альцесту совершенно такую же симпатію, ненарушаемую явнымъ предпочтеніемъ Селимены, выказываетъ такую же готовность помочь ласковымъ словомъ и совѣтомъ, какую мы находимъ у подруги юныхъ лѣтъ Мольера. Прибавимъ, что по всѣмъ догадкамъ (точныхъ данныхъ относительно распредѣленія ролей при первомъ представленіи мы не имѣемъ [96]) и сама роль Эліанты, быть можетъ, не безъ умысла была ввѣрена де-Бри. Но пригодность ссылки на дю-Паркъ является весьма сомнительною. Правда, что старый взглядъ на Арсиною, какъ на разрушающуюся, чуть не дряхлую кокетку, не выдерживаетъ ближайшаго разслѣдованія [97]), и мы видимъ въ ней скорѣе свѣтскую львицу, которая вышла изъ поры первой молодости, не можетъ простить своимъ юнымъ соперницамъ, что они

---

[96]) Регистръ Лагранжа не входитъ въ такія подробности, современная газета распространяется лишь объ общемъ характерѣ пьесы, различные анекдоты, связанные съ первыми представленіями комедіи, страннымъ образомъ обходятъ этотъ вопросъ

[97]) Изрѣдка заявлявшееся и прежде сомнѣніе высказано было въ новѣйшее время съ особенною убѣдительностью Эдуардомъ Тьерри въ Revue de France, 1878, p. 402—407, гдѣ онъ сочувственно отнесся къ мысли новой дирекціи Théâtre français дать эту роль изящной и далеко не старой актрисѣ, г-жѣ Фаваръ.

Digitized by Google

затемняютъ ея путь, и мало по малу подготовляетъ себѣ отступленіе за твердый оплотъ благоразумія и благонравія. Но рѣшительно не подходитъ къ этой характеристикѣ блестящая личность дю-Паркъ, о которой съ восхищеніемъ говорятъ столько современниковъ; несмотря на свои тридцать-три года, она кружила всѣмъ голову; не говоря о свѣтскихъ поклонникахъ, четыре литературныя свѣтила, Корнель, Мольеръ, Лафонтенъ, Расинъ, поочередно были у ногъ ея, — и долго еще потомъ ходили легенды о чарахъ обольстительной *маркизы* [98]). Словомъ, она вовсе не сбиралась записываться въ полкъ чопорныхъ дамъ, — и если вообще сближеніе съ нею могло впослѣдствіи оказать какую нибудь пользу при созданіи Мизантропа, то, конечно, скорѣе всего оно могло дать автору нѣсколько лишнихъ чертъ для характеристики Селимены: страдая отъ кокетства жены своей, поэтъ могъ сближать его съ безсердечными уловками, отъ которыхъ ему приходилось страдать въ молодые годы.

Таковы итоги всѣхъ указаній первообраза мольеровыхъ героевъ,—какъ видимъ, итоги далеко не блестящіе. Еще разъ подтверждаются слова человѣка близко знавшаго его, наблюдавшаго процессъ его творчества,—Лагранжа: въ комедіяхъ своихъ онъ изображалъ весь свѣтъ, всѣхъ людей,—уже потому что выводилъ въ нихъ прежде всего самого себя, со всѣми своими интимными заботами. „Это, говоритъ Лагранжъ, ближайшіе къ нему люди *неразъ* замѣчали.“ Нужно ли прибавлять, что въ данномъ случаѣ передъ нами именно послѣдній случай! Себя самого, свои заботы (les affaires de sa famille et qui regardaient ce qui se passait dans son domestique) воссоздалъ онъ въ сценическомъ произведеніи, — и только потребность въ художественной полнотѣ заставила его дорисовать слишкомъ хорошо знакомые ему два главныхъ характера нѣсколькими заимствованными чертами, и сложить об-

---

[98]) Это была просто часть ея фамиліи—Marquise de Gorla.—Ея личность достаточно характеризована и въ посланіи къ ней старика Корнеля, и въ памфлетѣ *La fameuse Comédienne* и во мн. друг. современныхъ произведеніяхъ.

Digitized by Google

становку Альцеста изъ ряда мелкихъ наблюденій надъ реальными лицами и нравами.

Источники, открывавшіеся передъ Мольеромъ и въ литературной старинѣ и въ современной общественной новизнѣ, намъ теперь извѣстны, участіе этихъ чуждыхъ элементовъ введено въ опредѣленныя рамки. На очереди становится изученіе самостоятельной творческой работы. Вооружимся же вполнѣ надежнымъ документомъ, — самою пьесой, и попробуемъ отвѣчать, независимо отъ всякихъ навязанныхъ извнѣ теорій, на застарѣвшій вопросъ, — *что* же въ самомъ дѣлѣ хотѣлъ Мольеръ сказать своимъ *Мизантропомъ?*

Digitized by Google

III.

Par la sangbleu, messieurs, je ne croyais pas être
Si plaisant que je suis!

Misanthrope, acte II, scène VII.

Передъ нами избранное придворное общество, живущее интересами двора, милостями короля, поглощенное мелкими интригами, прикрытыми условнымъ этикетомъ и банальной любезностью. Въ его толкахъ, —какъ въ пересудахъ передней у знатнаго барина,—отражается приливъ и отливъ руководящихъ мнѣній въ самыхъ высшихъ сферахъ; холопство глубоко вкоренилось во всѣхъ умахъ; всѣ фальшивятъ и передъ высоко поставленными лицами, и между собой. Неразборчивость въ нравственномъ отношеніи всеобщая; въ этомъ кругу не стоитъ быть честнымъ человѣкомъ, потому что знатные или вліятельные негодяи встрѣчаютъ со всѣхъ сторонъ не только одинаковый почетъ съ порядочными людьми, но и явное предпочтеніе.

Изъ толпы этихъ раздушенныхъ, разодѣтыхъ, убранныхъ кружевами и разноцвѣтными лентами маркизовъ и графовъ выдвигается вполнѣ своеобразная личность. Этотъ человѣкъ не ниже ихъ по происхожденію, его знаетъ и король и весь дворъ,—но Арсиноя не даромъ находитъ, что его достоинства несправедливо забываются, что ей бы слѣдовало постараться напомнить о нихъ и привести въ движеніе „извѣстныя машины“ (III, 7). Но онъ не созданъ для этой жизни. Своимъ образованіемъ и умомъ онъ слишкомъ высоко сталъ

Digitized by Google

надъ своей средой. Вмѣстѣ съ другомъ своимъ Филэнтомъ онъ воспитанъ былъ заботливо, и у нихъ обоихъ остался потомъ и въ разговорахъ и въ сужденіяхъ отпечатокъ развитія, который поражаетъ въ сравненіи съ пошлой болтовней окружающихъ; въ ихъ воспитаніи очевидно играла извѣстную роль философія, такъ какъ они оба усвоили себѣ критическій взглядъ на смыслъ общественныхъ явленій, хотя у каждаго изъ нихъ есть своя житейская философія. Литературное образованіе Альцеста тонко и оригинально; онъ не можетъ выносить *фигуральнаго стиля*, которымъ пишутъ модные стихотворцы; среди общей манерности поэзіи, онъ громитъ безстрастныя, холодныя произведенія (un froid écrit assomme, I, 2), жаждетъ простоты и естественности (ce n'est point ainsi que parle la nature), смѣется надъ писательскимъ зудомъ, овладѣвшимъ массою бездарныхъ писателей, и все, чему принято въ данную минуту удивляться, онъ готовъ отдать за старинную народную пѣсенку, [99]) хотя сложили ее люди простые, грубоватые (nos pères, tout grossiers). Самъ онъ пробуетъ иногда свои силы въ этомъ симпатичномъ ему поэтическомъ занятіи, но недоволенъ тѣмъ, что и у него выходятъ (быть можетъ, подъ невольнымъ вліяніемъ господствующаго вкуса) такіе же плохіе стихи, какіе въ состояніи сложить какой-нибудь Оронтъ (j'en pourrais, *par malheur*, faire d'aussi méchants). Тѣмъ не менѣе онъ имѣетъ репутацію свѣдущаго литературнаго судьи, и Оронтъ является къ нему на судъ, желая любезностью расположить его въ свою пользу.

И такъ, въ Альцестѣ мы уже имѣемъ передъ собой человѣка тонко образованнаго и съ самостоятельнымъ направленіемъ. Уже въ литературныхъ его вкусахъ ярко выступило его сочувствіе народной старинѣ,—и ту-же черту замѣчаемъ мы и въ его взглядахъ на жизнь и въ его соціальныхъ теоріяхъ. На это прямо указываетъ Филэнтъ (I, 1, стихъ 154—55),

---

[99]) Не смотря на многія разысканія, до сихъ поръ не найдена ни въ какихъ сборникахъ народныхъ пѣсенныхъ произведеній эта пѣсня. Вопросъ, поставленный редакціей Мольериста еще въ 1879 году „A quelle époque remonte la chanson du roy Henry?“ остался до сихъ поръ безъ отвѣта.

Digitized by Google

противополагая тотъ нравственный строй, который дорогъ Альцесту, текущей дѣйствительности, какъ отраженія двухъ различныхъ вѣковъ (cette grande roideur des vertus *des vieux âges* heurte trop *notre siècle* et les communs usages). Но врядъ ли кто можетъ назвать за это Альцеста старовѣромъ. Онъ не можетъ видѣть признаковъ прогресса въ той новизнѣ, которая принесла съ собой общую деморализацію, придала наиболѣе образованному сословію духъ рабства и, принижая все передъ властью, вывѣтрила всѣ порядочныя стремленія въ людяхъ. Въ старинѣ, гдѣ такъ легко припомнить черты народнаго героизма, свѣтлыя страницы исторіи, гдѣ съ большею независимостью сказывался народный духъ, онъ скорѣе найдетъ симпатичныя ему стороны; впадая въ весьма простительную идеализацію, онъ готовъ считать эту суровую старину патріархальною, и всякій отголосокъ ея дорогимъ. Такъ и любимая пѣсенка его относится къ чрезвычайно популярной порѣ Генриха IV.

Да и какова-же, въ самомъ дѣлѣ, эта хваленая новизна? Какъ члену привиллегированнаго кружка, ему всего ближе приходится наблюдать придворные и столичные обычаи,— и не удивительно поэтому, что главною цѣлью его обличеній являются именно они. Въ первомъ же разговорѣ съ Филэнтомъ онъ произноситъ полное и рѣшительное осужденіе ихъ,—„и въ городѣ и при дворѣ, говоритъ онъ, я постоянно встрѣчаю лишь то, что поднимаетъ во мнѣ желчь“,—изъ своего приговора онъ никого не исключаетъ (je veux *n'épargner personne* sur ce point). Дороже всего для него была-бы въ людяхъ искренность и правдивость,—и ихъ-то онъ не встрѣчаетъ вовсе въ обществѣ, въ концѣ изолгавшемся: въ немъ „вездѣ низкая лесть, несправедливость, разсчетъ, предательство, плутовство“; нѣтъ дружбы, потому что стараются утопить того, кого за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ называли лучшимъ другомъ; нѣтъ любви, потому что ее замѣнило кокетство и развратъ. Злословіе, сплетни, составляютъ лучшій предметъ разговоровъ. Повздоривъ или же прямо враждуя съ кѣмъ нибудь, человѣкъ считаетъ всѣ виды мести дозволенными. Оронтъ обиженъ тѣмъ, что Альцестъ считаетъ

Digitized by Google

его плохимъ поэтомъ,—и тотчасъ же бѣжитъ наябедничать на него въ *connétablie,* [100]) затѣвая противъ него дѣло изъза мнимаго оскорбленія чести. Ихъ съ трудомъ примирили, но месть его все еще неудовлетворена,—и вотъ, воспользовавшись новой сплетней, называющей Альцеста авторомъ какого-то гнуснаго пасквиля, [101]) онъ употребляетъ всѣ усилія, чтобъ подкрѣпить ложь и очернить Альцеста въ глазахъ общественнаго мнѣнія. И это глухое преслѣдованіе Альцеста сплетней, клеветой, далеко не первое,—раньше ссоры своей съ Оронтомъ онъ уже указываетъ Филэнту на чьи-то старанія распространять о немъ предосудительные слухи (semer de vilains bruits, I, 1, стихъ 171). Оттого-то онъ рѣшительно отвергаетъ предложеніе Арсинои принять какое-нибудь мѣсто при дворѣ; его обычное настроеніе прямо требуетъ, чтобъ онъ держался отъ него подальше; самый большой талантъ, который онъ за собою знаетъ,—правдивость и искренность, тамъ неумѣстенъ,—поэтому онъ предпочитаетъ не имѣть съ дворомъ ничего общаго и любитъ жить внѣ дворской атмосферы (hors la cour).

Но есть-ли для него успокоеніе и въ другой общественной средѣ, куда онъ спасется отъ дворцовыхъ интригъ? Вѣдь самъ же онъ находилъ одинаково низко упавшимъ въ нравственномъ отношеніи и *городъ!* И дѣйствительно, замыкаясь въ частной жизни, онъ не уйдетъ отъ столь же тягостныхъ столкновеній съ общей порочностью. Самымъ ближайшимъ, понятнымъ изъ нихъ является для него злосчастная судьба его процесса. Въ процессѣ этомъ дѣло идетъ о небольшой суммѣ (именно о двадцати тысячахъ франковъ, V, 1), — но онъ слишкомъ живо затрогиваетъ принципъ справедливости и правосудія, чтобъ Альцестъ могъ отно-

---

[100]) Особый судъ, составленный изъ маршаловъ Франціи, назначенный для сужденія о дѣлахъ чести. Онъ носилъ также названіе maréchaussée.

[101]) Весьма вѣроятно, что въ упоминаніи объ этомъ пасквилѣ есть отголосокъ тѣхъ многочисленныхъ извѣтовъ, которые тогда сыпались на Мольера,—но во всякомъ случаѣ это мѣсто (V, 1) умышленно запутано и не можетъ быть прямо приложено къ Мольеру, такъ какъ въ дѣйствительности его никто никогда не обвинялъ въ составленіи подобныхъ книгъ.

Digitized by Google

ситься къ нему спокойно. Дѣло его правое; оно ясно какъ день, — но его противникъ необыкновенно ловокъ, и процессъ затягивается. Альцестъ не дѣлаетъ ни одного шага, чтобъ повліять на ходъ дѣла и полагается только на свою правоту, — противникъ же искусно подбираетъ себѣ клевретовъ (une cabale), ходитъ по всѣмъ судьямъ [102]) и задариваетъ ихъ, а это не можетъ не дѣйствовать на нихъ, такъ какъ, по обычаю того времени, они сами немало заплатили за свое мѣсто и должны стараться вознаграждать себя за убытокъ; иные же изъ ихъ числа давно уже съумѣли сдѣлать изъ своей профессіи выгоднѣйшій источникъ обогащенія. Злая эпитафія, сочиненная по случаю смерти одного изъ такихъ ненасытныхъ судейскихъ волковъ, Тардьё, бывшаго такъ называемымъ „lieutenant criminel“,—всего за годъ до Мизантропа, — рисуетъ намъ въ достаточно яркихъ краскахъ, *каковы* были въ дни Альцеста блюстители правосудія [103]). Вполнѣ естественно поэтому, что Альцестъ теряетъ свой процессъ, и завѣдомый плутъ заставляетъ судей „приговоромъ своимъ увѣнчать его преступленіе“. Альцестъ можетъ, конечно, воспользоваться правомъ обжалованія,— но еслибъ даже это и привело къ какому нибудь результату (что сомнительно при сметливости его противника), Альцестъ даже не намѣренъ вовсе добиваться кассаціи приговора. Для него онъ дорогъ, какъ разительный примѣръ

---

[102]) Одинъ изъ новѣйшихъ изслѣдователей судебныхъ нравовъ старой Франціи (Les plaideurs de Racine et les moeurs judiciaires du XVIII siècle, par Adrien Desprez, Revue de France, 1880, 1 juillet) полагаетъ, что если Альцестъ не подчинялся общему обычаю захаживать къ судьямъ и просить ихъ (solliciter), то единственно изъ духа противорѣчія съ принятымъ образомъ дѣйствій, а не изъ уваженія къ правосудію. Не говоря уже о томъ, что выпрашиваніе справедливости не могло мириться съ независимымъ характеромъ Альцеста, любопытно было бы знать, не думаетъ ли авторъ, что эти визиты судьямъ ограничивались только *разговорами?*...

[103]) Вотъ эта эпитафія (Библ. Арсенала, бумаги Конрара, IX, стр. 499):

Cy gist ce magistrat, dont l'enorme avarice
Se servit du poignard, et du poids de Thémis,
De l'un, pour obliger d'acheter la justice,
De l'autre, pour la mettre au prix.

Digitized by Google

людской низости, и онъ хочетъ, чтобъ этотъ укоръ оставался надолго позорнымъ пятномъ на современномъ ему обществѣ. У него вырывается примѣчательное восклицаніе, въ которомъ слышится и требованіе гласности суда, и инстинктъ общественной солидарности передъ врагомъ, и призывъ къ потомству:

Je me garderai bien de vouloir qu'on le casse;
On y voit trop à plein le bon droit maltraité,
Et je veux qu'il demeure à la postérité
Comme une marque insigne, un fameux témoignage
De la méchanceté des hommes de notre âge.

Но впечатлѣній, вынесенныхъ изъ соприкосновенія съ судомъ, еще недостаточно, чтобъ показать Альцесту и мѣщанскую дѣйствительность въ настоящемъ свѣтѣ. Онъ на себѣ испытываетъ, въ какой степени личность человѣка не обезпечена отъ произвола. Исторія, такъ быстро разыгравшаяся вслѣдъ за ссорой его съ Оронтомъ, показываетъ, какъ легко было замѣшать ни въ чемъ неповиннаго человѣка въ уголовное дѣло. Она представляетъ большое сходство съ столь же быстрымъ успѣхомъ первой жалобы Тартюффа на Оргона, вызвавшей появленіе къ нему въ домъ судебнаго пристава, и затѣмъ доноса на того же Оронта по политическому дѣлу, когда уже выступаетъ на сцену exempt de police. Но въ пьесѣ есть намекъ на иную опасность, которою грозилъ Альцесту тотъ же порядокъ вещей, — намекъ, обыкновенно упускаемый изъ виду. Когда противникъ его, одержавшій только что верхъ въ процессѣ, придумываетъ извѣстный уже намъ извѣтъ въ сочиненіи пасквиля, онъ прямо бьетъ на то, чтобъ Альцестъ былъ арестованъ. Немногаго недостаетъ, чтобъ это домогательство увѣнчалось успѣхомъ, — но, къ счастью, клеветникъ не въ мѣру поусердствовалъ, и въ такой степени преувеличилъ все въ своемъ доносѣ, что несообразность его слишкомъ уже бросилась въ глаза подлежащимъ властямъ, и продѣлка не удалась (ce que votre partie ose vous imputer n'a point eu le crédit de vous faire arrêter). Но Филэнтъ напрасно думаетъ, что недоказанная клевета мо-

Digitized by Google

жетъ обратиться во вредъ самому доносчику, — Альцестъ твердо увѣренъ, что онъ вовсе не боится послѣдствій доноса; время такое, что доносчикамъ хорошее житье,—такъ и этотъ негодяй имѣетъ „*разрѣшеніе* быть отъявленнымъ мерзавцемъ", и происшедшее съ нимъ приключеніе не только не повредитъ ему, но доставитъ ему отнынѣ гораздо почетнѣйшее положеніе. Взяточничество, ябеда и лживый доносъ дополняются такимъ образомъ еще и политическимъ, оплаченнымъ шпіонствомъ.

Таковы отношенія Альцеста къ дѣйствительной жизни, ея строю и учрежденіямъ. Мы видимъ на дѣлѣ, въ какой степени были правы тѣ изъ цѣнителей настоящей пьесы, которые (какъ наприм. Chamfort)[104]) признавали, что ни одному изъ французскихъ комическихъ писателей не удавалось съ такой подробностью высказать свой взглядъ на всю *систему* общественнаго порядка, или-же находили (какъ Оже)[105]), что никогда еще въ узкую рамку комедіи никто не вводилъ такую значительную область общественной жизни. Дѣйствительно, послѣ того какъ въ *Тартюффѣ* выведена была жизнь средняго круга и бытъ церковниковъ, — обстановка Альцеста показываетъ намъ и дворъ, и городское общество, и судъ, и полицію, и уровень литературы. Но Альцеста недаромъ упрекаютъ въ излишнемъ философствованіи; онъ привыкъ нетолько чутко относиться къ проявленіямъ ненормальности современнаго ему государственнаго и общественнаго порядка,—онъ становится и на высшую точку зрѣнія, разсматривая извѣстныхъ субъектовъ не какъ судей, придворныхъ или стихотворцевъ, но какъ *людей* вообще. Проникнутый духомъ гуманности, онъ не можетъ переносить зрѣлища враждебности людей между собой, и сравненіе ихъ съ волками и другими хищными животными само напрашивается къ нему. Привыкнувъ замыкаться въ себѣ,

---

104) Eloge de Molière, Oeuvres de Chamfort, 1795. Это похвальное слово не разъ перепечатывалось въ старыхъ изданіяхъ Мольера.

105) Въ его комментаріяхъ къ Мизантропу (Oeuvres de Molière, 1819—1825). Ожѐ остается до сихъ поръ однимъ изъ наиболѣе свѣдущихъ и умныхъ комментаторовъ.

Digitized by Google

лелѣять свою внутреннюю жизнь, онъ тѣмъ сильнѣе поражается пошлостью и низкимъ эгоизмомъ,—и когда, въ своихъ столкновеніяхъ съ людьми, онъ ставитъ имъ на видъ необходимость этого нравственнаго самовоспитанія, такія рѣчи должны казаться его слушателямъ вполнѣ неудобопонятными. Самъ искренній и откровенный, онъ всего болѣе возмущается предательствомъ и измѣной, и въ его частыхъ столкновеніяхъ съ Селименой, главнымъ и наиболѣе горькимъ для него поводомъ является нестолько вѣтреность и непостоянство любимой женщины, сколько ея способность искусно обманывать его въ глаза.

Сознавая свое одиночество, онъ чрезвычайно привязчивъ къ людямъ, въ которыхъ ему чудится сродное ему настроеніе. Такъ онъ очевидно долго поддерживалъ дружескія отношенія къ Филэнту,—вплоть до той поры, когда тотъ съ полной откровенностью сталъ высказывать сложившееся въ немъ примирительное настроеніе. Но и тогда онъ не забываетъ, что имѣетъ дѣло все же не съ дурнымъ человѣкомъ, и, хотя и заявилъ ему въ самомъ началѣ пьесы, что пересталъ быть его другомъ и требуетъ, чтобъ тотъ выбросилъ это даже изъ памяти,—онъ поддерживаетъ съ нимъ сношенія и дальше, споритъ съ нимъ часто и горячо, допускаетъ нѣкоторое вмѣшательство въ свои личныя дѣла (наприм. въ примиреніе съ Оронтомъ). Всего этого онъ не допустилъ-бы ни съ чьей стороны, и знаетъ, что его судьба и счастье не вполнѣ безразличны для спокойнаго Филэнта. Онъ еще болѣе доступенъ вліянію женской дружбы и любви. Его взоры остановились на двухъ женщинахъ, и онъ можетъ жить лишь въ непосредственной близости отъ нихъ. Одну изъ нихъ внѣшнія преимущества изящества и кокетства безъ того уже выдвинули изъ всего женскаго круга,—внутреннія же достоинства другой, скрытыя за скромной, хоть и чрезвычайно миловидной внѣшностью, могли быть разгаданы лишь тонко развитымъ человѣкомъ. Онъ цѣнитъ эти достоинства, Эліанта симпатична ему, какъ граціозно-цѣломудренное созданіе, онъ понялъ и ея затаенную любовь къ нему, и разсудокъ не разъ указывалъ ему на нее, какъ на

Digitized by Google

существо, достойное любви (ma raison me le dit chaque jour). Но его чувство—безразсудное, роковое (fatal), и влечетъ его къ существу полному недостатковъ, но неотразимо привлекательному, и онъ становится совершенно рабомъ Селимены.

Въ любви онъ то младенчески наивенъ, то ревнивъ и притязателенъ, то снова довѣрчивъ. Тѣ же вспышки, которыми отличаются его обычныя отношенія къ людямъ, неразлучны и съ его любовью. На нашихъ глазахъ онъ два раза *навсегда* порываетъ съ измѣнницей, и послѣ перваго разоблаченія съ письмомъ, онъ снова у ногъ ея; только стоило ей съ самообладаніемъ увѣрять его, что письмо было писано къ женщинѣ, — и онъ уже повѣрилъ этому. За то въ иныя минуты требовательность его дѣйствительно доходитъ до наивной откровенности; не стѣсняясь неудобной обстановкой, не принимая въ разсчетъ неловкость положенія Селимены, онъ при Оронтѣ, своемъ заклятомъ врагѣ, требуетъ отъ нея немедленнаго объясненія, кого изъ нихъ она предпочитаетъ, съ тѣмъ чтобъ отверженный сейчасъ же удалился (V, II), — и конечно Селимена, при всей своей находчивости, приходитъ въ большое затрудненіе [106]). — Въ Селименѣ ему чудится богатая натура, испорченная воспитаніемъ, средой, бытъ можетъ, и бракомъ, — и онъ увѣренъ, что силою любви и вліянія онъ съумѣетъ вызвать наружу ея свѣтлыя стороны; одно только это, по словамъ его, и примиряетъ его хоть нѣсколько съ обычнымъ впечатлѣніемъ, которое производитъ явное кокетство Селимены; втайнѣ онъ увѣренъ (какъ о томъ и проговаривается Филэнту), что и она его любитъ. Но, проницательный относительно другихъ людей, онъ не въ состояніи вполнѣ понять характеръ Селимены, не можетъ отгадать, къ какой любви она способна. Видно вообще, что онъ мало опытенъ въ любви, если не совершенный новичокъ въ ней, и если Селимена не первая его любовь. Онъ хочетъ того глубокаго чувства, на которое спо-

---

[106]) Та-же самая ситуація повторена была потомъ, въ болѣе развитомъ видѣ, въ *Ученыхъ Женщинахъ*, актъ I, сцена 2; тутъ же находимъ и отголосокъ пререканій между Селименой и Арсиноей.

Digitized by Google

собна лишь натура въ родѣ Эліанты; хотя онъ презираетъ всѣхъ людей и, стало быть, не считаетъ ихъ способными къ благороднымъ ощущеніямъ, онъ все-таки завидуетъ будущему счастью Эліанты и Филэнта, и желаетъ имъ надолго сохранить взаимную симпатію (puissiez vous, l'un pour l'autre, à jamais garder ces sentiments, V, 8). По его мнѣнію, идеальный союзъ двухъ людей приводитъ къ тому, что одинъ находитъ въ другомъ *все* (vous n'êtes point en des liens si doux, pour trouver tout en moi, comme moi tout en vous, говоритъ онъ Селименѣ въ минуту окончательнаго разрыва). Эта ревнивая исключительность пробуждаетъ въ немъ иногда странныя для него самого желанія, прямо враждебныя любимой женщинѣ: въ эти минуты онъ хотѣлъ бы, чтобъ она никому не нравилась, чтобъ всѣ находили ее некрасивой, чтобъ она лишена была богатства и положенія въ свѣтѣ, — и чтобъ ему удалось своимъ самоотверженіемъ доставить ей полное счастье (IV, 3). Но насколько онъ страстно требователенъ, онъ одаренъ и высоко человѣчной способностью прощать, забывать все. Послѣ того, какъ разоблаченія послѣдняго письма нетолько подтвердили его всегдашнія подозрѣнія, но показали ему Селимену въ еще худшемъ свѣтѣ, чѣмъ онъ думалъ, — онъ съ задушевной искренностью открываетъ ей свои объятія, готовъ объяснить ея проступки общей порочностью вѣка, обѣщаетъ забыть нанесенное ему оскорбленіе, изгладить въ душѣ всѣ его слѣды. Такимъ образомъ у этого „ненавистника людей“ безконечный запасъ гуманности и всепрощенія,—и только тогда онъ переходитъ къ презрѣнію и разрыву, когда протянутую имъ руку отвергли чуть не со смѣхомъ.

Въ этихъ постоянныхъ столкновеніяхъ его чувства съ холодностью и пустотой, въ переходахъ отъ довѣрія къ ревнивымъ мученіямъ, совмѣщено много чертъ истинно-трагическихъ. Нельзя спокойно видѣть душевныя терзанія этого человѣка, бьющагося въ отчаяніи въ сѣтяхъ рокового чувства, — и вмѣстѣ съ тѣмъ эти терзанія изображены правдиво, безъ эффектной подрисовки; иныя черты могутъ, при нѣкоторомъ желаніи, быть истолкованы въ ущербъ

Digitized by Google

цѣльности характера Альцеста. Такъ, въ минуту сильнаго негодованія на Селимену, онъ обращается, въ отместку ей, къ Эліантѣ съ словами любви и уваженія, хочетъ „принести ей въ жертву сердце свое“ (IV, 2). Можетъ показаться страннымъ это рѣшеніе внезапно создать въ себѣ любовь къ другой женщинѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ явится наивнымъ предположеніе, что Эліанта, все время видѣвшая развитіе его страсти къ Селименѣ, можетъ серьозно встрѣтить этотъ сердечный поворотъ, внушенный досадой. Но стоитъ вчитаться въ тѣ слова, въ которыхъ отражается тревожное состояніе Альцеста въ эту минуту, чтобъ не удивиться, а пожалѣть. Такъ и сквозитъ безнадежное горе, ищущее хоть какой нибудь опоры, въ дружбѣ-ли, въ любви-ли. Эліанта является для него желаннымъ прибѣжищемъ; она навѣрно укроетъ, успокоитъ его,—и онъ отплатитъ ей всѣмъ, на что только способна его отзывчивая натура, и „глубокой любовью, и заботливымъ уваженіемъ, и неутомимыми услугами“; онъ такъ откровененъ и въ этомъ, что, не скрываясь, проситъ Эліанту помочь ему въ *мести*. Но чуткое сердце Эліанты знаетъ цѣну этого внезапнаго обращенія. Она отвѣчаетъ ему словами состраданія и надежды на скорое примиреніе двухъ любящихся.

Одинаково неровный, нетерпимый, безпокойный и въ общественной и въ личной жизни, Альцестъ при всемъ этомъ производитъ въ окружающей его средѣ впечатлѣніе, въ которомъ сказывается невольное уваженіе. Женщинамъ онъ очень нравится; Филэнтъ прямо указываетъ ему на это. Для отцвѣтающей Арсинои этотъ умный, насмѣшливый человѣкъ кажется необыкновенно привлекательнымъ, и она употребляетъ всѣ усилія, чтобъ завлечь его въ свои сѣти. Эліанта втайнѣ молится на него, любуется его отважной откровенностью, и считаетъ ее рѣдкимъ и завиднымъ геройствомъ. Селимена ставитъ его выше другихъ своихъ поклонниковъ, самая его ворчливость интересуетъ ее, и она отгадываетъ въ немъ глубокую честность,—но легкомысліе и молодость побуждаютъ ее одинаково играть и его чувствомъ, и любовнымъ капризомъ его соперниковъ. Въ со-

Digitized by Google

чувствіи къ нему Филэнта, несмотря на разность ихъ взглядовъ, не можетъ быть и сомнѣнія. Наконецъ, какъ весьма вѣрно замѣтилъ одинъ нѣмецкій критикъ [107]), даже вся окружающая его знатная мелкота относится къ нему съ извѣстнаго рода уваженіемъ. Эти люди хорошо видятъ, какъ онъ имъ враждебенъ; онъ вмѣшивается въ ихъ разговоры съ Селименой, стыдитъ ихъ, требуетъ отъ нея ихъ удаленія,— и въ отвѣтъ на все это они лишь иной разъ скажутъ два, три сердитыхъ, но чрезвычайно сдержанныхъ слова. Конечно, это нетолько не мѣшаетъ имъ дѣйствовать противъ него втайнѣ, сплетнями, доносами, но даже прямо наводитъ ихъ на подобную тактику.

Но развѣ въ Альцестѣ рѣшительно нѣтъ комическихъ сторонъ, спроситъ читатель. Мы далеки отъ мысли отрицать это, тѣмъ болѣе, что въ самомъ вступленіи къ настоящему этюду выставили именно это смѣшеніе величавыхъ и житейски-прозаическихъ чертъ однимъ изъ важныхъ условій правдивости изображенія мизантропа.

Повинуясь своему темпераменту, Альцестъ порою бываетъ забавно вспыльчивъ и въ такія минуты невоздержанъ на языкъ. Тогда ему нипочемъ сказать, что онъ „готовъ умереть отъ одного стыда“, что онъ „пошелъ бы тотчасъ повѣсился“ еслибъ хоть разъ покривилъ душой въ житейскомъ разговорѣ; „мнѣ измѣнили, меня зарѣзали“, говоритъ онъ, найдя первое письмо Селимены; слова „измѣнникъ, предатель“ не сходятъ у него съ языка, весь лексиконъ старо-французскихъ *jurons* всегда къ его услугамъ. Онъ забавенъ, когда кипятится при видѣ своего слуги, который, имѣя сообщить ему какую-то важную новость, не можетъ никакъ дойти до нея и забываетъ дома оффиціальную бумагу. Онъ пресерьозно можетъ потребовать отъ Селимены, чтобъ она добровольно потеряла свой процессъ, съ тѣмъ только чтобъ необходимость хлопотать объ немъ не вела къ частымъ свиданіямъ ея съ ненавистнымъ Альцесту со-

[107]) Molière's Misanthrope und die Urtheile der Kritik, v. Dr. Mahrenholz, въ Archiv für das Studium der neuer. Sprachen etc. 1877, S. 268.

Digitized by Google

перникомъ, Клитандромъ. Нужно все добродушіе Филэнта, чтобъ терпѣливо сносить градъ рѣзкостей и постоянныхъ попрековъ, которыми при малѣйшемъ случаѣ осыпаетъ его Альцестъ. Но необходимо же признать, что и эти забавныя стороны его выходокъ являются естественною принадлежностью его быстро воспламеняющагося характера. Онъ самъ знаетъ за собою это свойство взволноваться до самозабвенія,—и дважды (IV, 3, je ne suis plus à moi, je suis tout à la rage; V, 1, je n'ai point sur ma langue un assez grand empire; de ce que je dirais je ne répondrais pas et je me jetterais cent choses sur les bras) высказываетъ это открыто. Большихъ усилій стоитъ ему удерживаться при чтеніи сонета, и онъ призываетъ къ себѣ на помощь все свое свѣтское воспитаніе,—но и тутъ не въ состояніи долго крѣпиться и внезапно прорывается [108]).

Это смѣшеніе въ одномъ и томъ же характерѣ чертъ глубоко трагическихъ съ такими, которыя невольно вызываютъ улыбку, приводило не разъ въ недоумѣніе критиковъ-пуританъ. Августъ Шлегель [109]) видѣлъ въ этомъ пріемѣ Мольера грубый промахъ противъ основныхъ законовъ комедіи; люди нравственные и высоко набожные, со временъ Фенелона [110]), негодуютъ на дерзкую мысль автора сдѣлать *добродѣтель* смѣшною. Ла-Гарпъ, [111]) а за нимъ и кое-кто изъ новѣйшихъ изслѣдователей, выводитъ успокоительное заключеніе, будто въ пьесѣ, осмѣявшей все рѣзкое и крайнее, Мольеръ хотѣлъ возвеличить мудрость умѣренности, и что такимъ образомъ

---

[108]) Намъ случайно встрѣтилось довольно удачное объясненіе вспыльчивости Альцеста въ сценѣ сонета. Изъ-за такой бездѣлицы не стоило выходить изъ себя, но Оронтъ пришолся подъ дурную руку, когда Альцестъ только что взбѣшенъ противорѣчіями Филэнта. См. въ сборникѣ Quatre saisons littéraires, 1807, статью *Sur le Misanthrope*.

[109]) Чтенія о драм. искус. и словесности, II томъ.

[110]) Fénélon, Oeuvres, 1843, III, 439 (разговоръ Сократа, Алкивіада и Тимона), также и его *Lettre à l'Académie*.

[111]) Lycée, tome VI. Онъ думалъ, что Мольеръ хотѣлъ démontrer cette vérité qu'avaient méconnue les plus fameux philosophes anciens, que la sagesse même et la vertu ont besoin d'une mesure, sans laquelle elles deviennent inutiles, ou même nuisibles etc.

Digitized by Google

настоящимъ героемъ ея является собственно Филэнтъ. Вездѣ у такихъ цѣнителей навязчиво проглядываетъ мысль о томъ, что въ Альцестѣ они обязаны непремѣнно отыскать *комическій* характеръ. Такъ и кажется, что, увидавъ надъ пьесой надпись, гласящую, что она — *комедія*, они тотчасъ же въ какомъ то священномъ благоговѣніи принимаютъ это старое названіе въ буквальномъ смыслѣ, и доискиваются, хоть и безуспѣшно, предмета осмѣянія. То, что прямо вызывалось художественною потребностью правдиваго и цѣльнаго изображенія характера, въ которомъ благородство помысловъ столь же неотъемлемая принадлежность, какъ и нервная щекотливость и болѣзненное раздраженіе, принималось, и къ удивленію до сихъ поръ принимается иногда, за умышленную приставку, за одностороннее комическое освѣщеніе. Еще недавно видѣли мы такую попытку, предпринятую однимъ изъ даровитѣйшихъ французскихъ театральныхъ критиковъ, Франсискомъ Сарсэ [112]), который, высказавъ по поводу извѣстной уже нашему читателю новой теоріи о янсенизмѣ Альцеста много вѣрныхъ мыслей, возвратился къ стародавнимъ доказательствамъ смѣшныхъ сторонъ героя, впадая при томъ въ разсужденія о необходимости свѣтскаго вѣжливаго притворства, соблюденія принятыхъ обычаевъ и неудобства высказывать людямъ голую истину, — разсужденія, отзывающіяся иной разъ нѣсколько филэнтовскимъ духомъ...

То-же искаженное представленіе объ отношеніи Мольера къ своему герою проникло и въ театральный французскій міръ. Современные намъ первостепенные исполнители роли Альцеста, Брессанъ или Делоне, выступали всегда на сцену загримированными возможно ближе къ мольеровскимъ портретамъ, одѣтыми въ любимый костюмъ автора пьесы и, стало быть, явно признавали автобіографическое значеніе Мизантропа. Но наряду съ этими воззрѣніями по временамъ высказывалось совершенно противоположное, и не далѣе, какъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, талантливый актеръ

---

[112]) Въ газетѣ *Temps*, 28 іюля, 11, 18, 25 августа 1879 года, — „Etude sur le Misanthrope“.

Digitized by Google

Théâtre français, Коклэнъ старшій, возбудилъ большое смятенье и въ печати, и вообще во всемъ станѣ почитателей Мольера своей бесѣдой о его Мизантропѣ, произнесенной въ salle des Capucines; лекторъ становился на сторону общества, порицаемаго Альцестомъ, находилъ лишь однѣ смѣшныя стороны въ героѣ,— невыносимую пуританскую добродѣтельность, исключительную и неразумно колкую. Мольеръ, по мнѣнію Коклэна, имѣлъ въ виду своей пьесой заступиться за *терпимость, за свободу мнѣній* (не тамъ ли, наприм., гдѣ Филэнтъ проповѣдуетъ необходимость скрывать мнѣнія?). Доведенная до послѣдней крайности, теорія эта доказывала такъ очевидно свою несостоятельность, что даже г. Сарсэ, также принявшій живое участіе въ завязавшемся спорѣ, [113]) счелъ долгомъ поступиться частью заявленнаго имъ незадолго передъ тѣмъ объясненія пьесы, провести демаркаціонную линію между возвышенными и комическими сторонами въ характерѣ Альцеста, и выразить сожалѣніе, что Коклэнъ, еслибъ ему пришлось играть эту роль, можетъ изобразить въ Альцестѣ только личность смѣшную.

Замѣчательно, что традиція, послѣднимъ представителемъ которой является Коклэнъ, держалась преимущественно въ кругу исполнителей, актеровъ, — и потому нашъ лекторъ съ гордостью ссылается на примѣръ одного изъ свѣтилъ прежняго французскаго театра, Моле, который именно въ такомъ духѣ велъ всю роль мизантропа. Но этой ссылкѣ можно прямо противопоставить свидѣтельство лицъ, видѣвшихъ игру прямого преемника Мольера въ исполненіи этой роли, Барона; воспитанникъ и любимецъ поэта, очевидецъ первоначальнаго созданія роли, Баронъ стоялъ, конечно, у самого источника традиціи, и при всемъ томъ не только не

---

[113]) Въ немъ принялъ участіе и другой изъ присяжныхъ мольеристовъ, Анри де-ла-Поммре, не допускавшій уже вовсе смѣшныхъ сторонъ въ Альцестѣ.—Борьба происходила главнымъ образомъ въ аудиторіи публичныхъ чтеній. Коклэнъ устроилъ особую отвѣтную *conférence*, и потомъ началъ даже съ своей лекціей артистическое путешествіе по Бельгіи. — Его лекція уже печатается у Оллендорфа и вскорѣ выйдетъ отдѣльно.

Digitized by Google

подходилъ къ пониманію даннаго характера у Моле, но велъ его въ діаметрально-противоположномъ духѣ. „Въ его игрѣ было много достоинства и благородства, и въ этомъ человѣкѣ чувствовался запасъ гуманности, который заставлялъ любить мизантропа, какимъ бы страннымъ ни казался его характеръ. Въ его вспышкахъ не было ничего грубаго, но онѣ всѣ были облагорожены,—и при этомъ онъ никогда не декламировалъ, но говорилъ просто. Словомъ, онъ показывалъ въ немъ фанатика добродѣтели, который хотѣлъ бы возвратить къ ней всѣхъ, людей“ (il le montrait comme un homme fanatique de la vertu et qui eut désiré y ramener tous les hommes [114]).

Это свидѣтельство мы считаемъ однимъ изъ драгоцѣннѣйшихъ подтвержденій защищаемаго нами мнѣнія. Въ подобномъ истолкованіи Альцеста намъ слышится настоящее завѣщаніе самого Мольера, разъясняющее окончательно его творческія намѣренія потомству. Дѣйствительно, если мы уже разъ допытались, въ какой сильной степени Мольеръ вложилъ свои собственныя ощущенія въ созданный имъ характеръ, если онъ заставилъ остальныхъ дѣйствующихъ лицъ въ пьесѣ чувствовать къ нему или открытое удивленіе или невольное уваженіе, если съумѣлъ тронуть насъ изображеніемъ мучительнаго душевнаго состоянія героя,—могла ли ему придти мысль сдѣлать Альцеста смѣхотворнымъ? Если въ иныхъ мѣстахъ онъ заставляетъ насъ улыбаться, то, кромѣ желанія выставить вполнѣ реально данный характеръ, имъ могло руководить стремленіе на время ослабить слишкомъ трагическое впечатлѣніе,—но отъ этого художественнаго пріема до приписываемаго нѣкоторыми Мольеру поползновенія „принести Альцеста въ жертву веселости партера“, еще безмѣрно далеко. Лессингъ уже давно разъяснилъ [115]) по поводу подобныхъ же нареканій на Мольера, что смѣхъ и посмѣяніе не одно и тоже, что они далеко рас-

---

[114]) Le Nouveau spectateur ou examen des nouvelles piéces de theâtre, P. 1776, № 6, Lettre d'un homme de l'autre siècle au Misanthrope, p. 370.

[115]) Hamburgische Dramaturgie, acht und zwanzigstes Stück, 4 Aug. 1767 (Hempel's Ausgabe, 176).

Digitized by Google

ходятся между собой, что мизантропъ отнюдь не становится въ нашихъ глазахъ презрѣннымъ, и что смѣхъ, проистекающій изъ тѣхъ положеній, въ которыя ставитъ его авторъ, не лишаетъ Альцеста ничуть нашего уваженія къ нему". Въ самомъ дѣлѣ, вмѣсто того чтобъ въ поискахъ за истиннымъ предметомъ осмѣянія придти къ убѣжденію, что имъ въ этой комедіи (какъ и во многихъ другихъ первокласныхъ пьесахъ) служитъ *само общество*, автору навязываютъ желаніе позабавиться надъ любимымъ своимъ героемъ,—что же можетъ быть страннѣе этого зрѣлища! Не въ правѣ ли былъ бы и самъ Мольеръ повторить *своимъ критикамъ* тѣ негодующія слова, съ которыми его Альцестъ обратился къ своимъ свѣтскимъ собесѣдникамъ, когда въ отвѣтъ на его запальчиво-честную выходку, онъ слышитъ ихъ смѣхъ: „par la sangbleu! Messieurs, je ne croyois pas etre si plaisant que je suis,— чортъ возьми, господа, я *не думалъ вовсе, что такъ смѣшонъ, какъ вамъ кажусь*"...

Стендаль въ одномъ изъ своихъ этюдовъ [116]), негодуя на Мольера за мнимое желаніе унизить образованныхъ женщинъ въ *Femmes Savantes*, и сдѣлать невозможнымъ успѣхъ ихъ въ жизни, находилъ, что этимъ онъ не далъ выдвинуться „женщинамъ, способнымъ полюбить мизантропа Альцеста". Г-жа Ролланъ полюбила бы его, продолжаетъ онъ развивать свою мысль, оговариваясь, что это имя у него стало собирательнымъ для женщинъ замѣчательно одаренныхъ въ умственномъ и нравственномъ отношеніи, для такихъ женщинъ, которыя не перевелись по сю пору. И человѣкъ, поддержанный такою женщиной, способною его понимать, могъ бы сдѣлаться героемъ, гражданиномъ, Гэмпденомъ." Въ этомъ случайно оброненномъ, но меткомъ намекѣ умнаго наблюдателя много вѣрнаго. Альцестъ именно способенъ сойтись навсегда съ женщиной, которая могла бы понимать и поддерживать его, она была бы его первою и послѣднею любовью, спутницей во всѣхъ испытаніяхъ; онъ не въ состояніи усвоить себѣ легкомысленную влюбчивость, распростра-

116) Racine et Shakspeare, 1854, p. 78 pass.

Digitized by Google

ненную вездѣ вокругъ него,—и въ этомъ онъ опять своеобразенъ. Онъ и въ Селименѣ преслѣдуетъ созданный имъ идеалъ, вѣритъ въ ея перерожденіе, ждетъ отъ нея перваго доказательства любви и исправленія,—удаленія отъ свѣта, и въ ея отказѣ для него чуть ли не всего мучительнѣе разочарованіе въ существѣ, которое онъ считалъ уже своимъ будущимъ товарищемъ. Но какъ бы вѣрно мы ни опредѣляли, какою *должна была бы* явиться эта желанная женская личность,—иронія судьбы посылаетъ ее не въ образѣ самоотверженной и умной madame Rolland, но въ лицѣ кокетки Селимены и даетъ ей тиранническую власть надъ человѣкомъ, не вдохновляетъ его новыми силами для борьбы, но доводитъ его до отчаянія и разрыва съ людьми.

Если относительно Альцеста бывали курьозныя попытки придать ему символическое значеніе, то и Селимена не избѣжала подобной же участи. Авторъ одного полу-фантастическаго изслѣдованія о различныхъ переработкахъ легенды о Донъ-Жуанѣ [117]) сличилъ Селимену съ этимъ демономъ-искусителемъ, и придалъ ей наравнѣ съ нимъ характеръ зловѣщаго, хищнаго существа, воплотившаго въ себѣ всю властолюбивую плотоядность, на которую способны чувственные инстинкты человѣка, развитые въ крайней степени. Тогда какъ Донъ Жуанъ горячъ, ея натура черства, улыбка холодная, — и тѣмъ болѣе отталкивающее впечатлѣніе производитъ она; тамъ, гдѣ Жуанъ страстно бросается, очертя голову, на поиски за интригой, Селимена прячется, поджидаетъ прохожаго на перекресткѣ и потомъ захватываетъ себѣ добычу. Для нея *всѣ* мущины безразличны, она всѣхъ ихъ одинаково хотѣла бы подчинить своей власти; въ ней, однимъ словомъ, скрыта великая сила, но сила *дьявольская*.... Далеко отвлекла нашего критика отъ реальной точки зрѣнія страсть донельзя обобщать мольеровскіе характеры; изящная Селимена, при-

---

117) Les renaissances de Don Juan, histoire morale du théâtre moderne, par Désiré Laverdan, 1864, 2-e volume, p. 412.—Тотъ же авторъ написалъ не менѣе странную пьесу изъ жизни своего героя: Don Juan converti, drame en 7 actes.

Digitized by Google

несенная въ жертву этой теоріи, превратилась въ чудовище, чуть не въ Лукрецію Борджію или въ Мессалину. А между тѣмъ истину не слѣдовало вовсе искать такъ далеко; чѣмъ прибѣгать къ помощи демоническихъ силъ, можно было бы остаться въ совершенно обыкновенной, земной средѣ. Сильный характеръ, будь онъ хоть настоящимъ геніемъ истребленія и злобы, не можетъ не проявить своей мощи передъ наблюдателемъ прозорливымъ,—и сильный духомъ Альцестъ сознавалъ бы, что судьба свела его съ существомъ одинаковой съ нимъ силы. Но въ томъ-то и бѣда, что онъ самъ видитъ насквозь слабости и легкомысліе Селимены; довольно ординарная натура ея, скрашенная большой находчивостью, сквозитъ во всѣхъ ея рѣчахъ, и не съ театральнымъ эффектомъ несокрушимаго величія сходитъ она со сцены, а въ смущеніи и покаяніи, хотя и не полномъ. Странное впечатлѣніе, которое производитъ зависимость энергической натуры Альцеста отъ такой именно женщины, поражаетъ стороннихъ свидѣтелей этой любви, и въ особенности Филэнта.

Попробуемъ и для нея, какъ для Альцеста, собрать всѣ данныя, разсѣянныя въ пьесѣ. Селименѣ всего двадцать лѣтъ, а она уже вдовушка. Непродолжительная брачная жизнь оставила ее неудовлетворенной среди шумныхъ свѣтскихъ удовольствій; она, очевидно, рано вышла замужъ, и не успѣла вполнѣ насладиться независимой беззаботностью дѣвичества, и теперь хочетъ возвратить потерянное. Около нея нѣтъ никого, ни родителей, ни мужа, она госпожа всѣмъ своимъ поступкамъ. Теперь у нея всегда полонъ домъ гостей (по словамъ Арсинои, объ этомъ идутъ толки во всемъ сосѣдствѣ) и она совсѣмъ окунулась въ обычный образъ жизни современныхъ львицъ. Ее нельзя назвать красавицей, — и никто изъ ея поклонниковъ не восхваляетъ ее въ этомъ смыслѣ,—но она очень граціозна, и этимъ въ особенности плѣнила Альцеста (elle se fait aimer; sa grâce est la plus forte, I, 1). Ее ребячески тѣшитъ толпа поклонниковъ; она хотѣла бы въ этомъ отношеніи превзойти другихъ своихъ соперницъ, Белизу, Арсиною; передъ послѣдней она даже прямо въ лицо хвастаетъ множествомъ своихъ обожателей, и вызыва-

Digitized by Google

етъ ее помѣриться съ нею въ этомъ. У нея есть извѣстный запасъ остроумія или скорѣе тонкаго злословія (esprit médisant), она усвоила себѣ искусство находчиво лгать и мгновенно импровизовать увертки. Въ лицо Альцесту она выдумываетъ оправданіе своей любезности съ Акастомъ, который будто бы можетъ быть ей полезенъ въ ея судебномъ дѣлѣ (трудно сказать, зачѣмъ понадобилось Мольеру снабдить и Селимену процессомъ), затѣмъ объясняетъ ласковое обращеніе съ Клитандромъ опасеніемъ, какъ бы человѣкъ этотъ не повредилъ ей въ общественномъ мнѣніи, и наконецъ самого Альцеста увѣряетъ, что любитъ его и что онъ долженъ быть счастливъ этимъ сознаніемъ.

Любитъ ли она его сколько нибудь? Въ извѣстной степени это можно допустить; она, хоть и смутно, понимаетъ его превосходство; съ нимъ она иначе держитъ себя, чѣмъ съ другими своими обожателями, употребляетъ большія усилія, чтобъ разубѣждать его и не утратить его добраго мнѣнія. Даже въ послѣднемъ письмѣ, гдѣ она такъ безпощадна для всѣхъ, она говоритъ о немъ всего мягче: „человѣкъ съ зелеными лентами [118]) забавляетъ меня иногда своими рѣзкостями и недовольнымъ ворчаньемъ, но я могу насчитать сто случаевъ, когда я нахожу его досаднѣйшимъ изъ всѣхъ людей.“ И такъ, именно то, что составляетъ самую характерную черту Альцеста въ сравненіи съ остальнымъ кружкомъ, его горячность и недовольство, могутъ пріятно на нее дѣйствовать (divertir), хотя, казалось бы, оиміамъ обыкновенныхъ ея поклонниковъ долженъ былъ скорѣе вліять на нее. Въ Альцестѣ ее можетъ привлекать именно его мятежная натура, не поддающаяся такъ легко, требовательная, безпощадная; она находитъ въ немъ своего побѣдителя, и принуждена бороться противъ него ложью, увѣреніями въ любви или насмѣшливыми (но не дерзкими, не колкими) по-

[118]) Зеленые банты изъ лентъ на башмакахъ, колѣнахъ, плечахъ составляютъ до сихъ поръ неизмѣнную принадлежность костюма Альцеста, къ нему же они перешли отъ самого Мольера, который имѣлъ пристрастіе выходить на сцену въ костюмахъ, убранныхъ зелеными лентами. См. замѣтку L'homme aux rubans verts въ *Мольеристѣ* 1879.

Digitized by Google

преками его вѣчной страстью противорѣчить. Но склонность эта довольно безсознательная (Эліанта, видящая ихъ постоянно вмѣстѣ, не берется категорически отвѣтить на вопросъ о томъ Филэнта, IV, 1), и инстинкты вѣтрености, неуходившейся молодости и тщеславія берутъ свое; для нея особое удовольствіе вести разомъ нѣсколько интригъ съ людьми, надъ которыми она смѣется, и мучить человѣка, котораго втайнѣ уважаетъ. Когда же всѣ покидаютъ ее, когда она опозорена, осмѣяна, она не смѣетъ глазъ поднять на него, позволяетъ ему ненавидѣть ее,—и, конечно разсудочно, быть можетъ даже скрѣпя сердце, сама говоритъ ему, что готова пойти за него замужъ [119]). Но чувство ея было не глубоко, и при первой же жертвѣ, которой онъ потребовалъ, оно снова заслонилось истинными требованіями ея натуры.

Для Альцеста мучительно слышать отказъ ея,—но для насъ онъ понятенъ: Селимена не изъ тѣхъ женщинъ, которыя въ состояніи сдѣлать такой отважный шагъ, —для него у нея недостаетъ героической струнки въ характерѣ, къ тому же она еще очень молода и жаждетъ наслажденій. Она ужасается одной мысли, что ей „придется отказаться отъ свѣта, прежде чѣмъ старость наступила“, „похоронить себя въ Альцестовой пустынѣ“, „уединеніе устрашаетъ душу двадцатилѣтняго существа, недостаточно сильную для такого рѣшенія“, — и въ этихъ словахъ дѣйствительно звучитъ искренній ужасъ вспугнутой молодой натуры, передъ которой раскрывается страшная бездна одиночества! Послѣ этого признанія Мольеръ не влагаетъ болѣе никакихъ рѣчей въ уста Селименѣ; она должна удалиться подъ впечатлѣніемъ послѣднихъ укоризнъ Альцеста, и ни одного указанія не дано авторомъ, въ какомъ настроеніи должна она выйти со сцены.

Въ числѣ театральныхъ французскихъ преданій одно, весьма распространенное, сохранило память о необыкновенно

---

[119]) См. весьма любопытный этюдъ о характерѣ Селимены въ забытомъ теперь сборникѣ „Les quatre saisons littéraires par F. J. M. Fayolle, 1807, *Hiver,* стр. 314—21 (Des coquettes et du rôle de Celimène.—Статья по поводу исполненія данной роли г-жею Тальма).

Digitized by Google

ловкомъ взмахѣ вѣера, которымъ бывало кончала роль свою знаменитая m-lle Mars; этотъ маневръ какъ будто долженъ былъ выразить внезапную вспышку оскорбленной гордости и презрѣнія въ кокеткѣ; то, что произошло, ей ни почемъ, она еще можетъ утѣшиться. Этой попыткой досказать недоговоренное Мольеромъ, роль замыкается довольно вѣрно, хотя, быть можетъ, въ *степени* раздраженія Селимены г-жа Марсъ и ошиблась. Допускалъ же близкій къ Мольеру авторъ „Письма о комедіи *Мизантропъ*“, что хотя Селимена и не согласилась соединить свою судьбу съ Альцестомъ, понявъ несходство обоихъ характеровъ, но подъ впечатлѣніемъ перенесеннаго ею тяжкаго урока, она можетъ еще исправиться, даже живя въ обществѣ и не удаляясь ради того въ глушь. Стало быть, нѣтъ еще основанія думать, что въ виды Мольера непремѣнно входило намекнуть, что отнынѣ Селимена снова примется за прежній образъ жизни. Поэту было дороже всего нанести въ концѣ пьесы потрясающій ударъ кокетству своей героини,—и онъ нанесъ его, заставивъ гордую женщину склониться передъ ворчливымъ мизантропомъ.

И такъ, передъ нами не демоническая сила, вочеловѣченная на зло людямъ, а вполнѣ реальный, земной характеръ,—и, если мы станемъ доискиваться причины, почему именно такимъ сдѣлалъ его авторъ, мы безошибочно придемъ опять къ своей исходной точкѣ, автобіографическому значенію комедіи. *Такова* была Арманда, перенесенная въ пьесу съ возможно вѣрнымъ отпечаткомъ ея внѣшности, ея разговоровъ, колебаній въ отношеніяхъ къ мужу и поклонникамъ. Чтобъ еще болѣе убѣдиться въ томъ, всякій, кто сколько-нибудь знакомъ съ складомъ семейной жизни Мольера, можетъ повторить тотъ опытъ, который, съ легкой руки Поля Линдау, недавно былъ весьма остроумно произведенъ Арсеномъ Гуссэ; ему стоитъ въ сценахъ объясненій Альцеста и Селимены, и въ изліяніяхъ грусти Альцеста Филэнту или Эліантѣ поставить вмѣсто этихъ именъ Мольера, его жену, Шапелля и де-Бри, и близость къ дѣйствительной жизни будетъ доходить иногда до иллюзіи. Въ то время, какъ въ характеръ Альцеста вошло много сложныхъ чертъ, и онъ служитъ столько

Digitized by Google

же отраженіемъ душевнаго состоянія автора, сколько и всего склада мизантропическихъ мыслей, подмѣченныхъ у другихъ лицъ, характеръ Селимены изученъ былъ по *единственному* живому образцу, который за то слишкомъ хорошо былъ знакомъ автору.

Нельзя сказать того же о Филэнтѣ. Въ немъ творчество Мольера вступаетъ въ полныя свои права, и въ этой личности сосредоточиваетъ черты, свойственныя массѣ людей, быть можетъ, доброй половинѣ человѣчества. Подобно гоголевскому Чичикову, Филэнтъ—въ полномъ смыслѣ слова *средній* человѣкъ, не оскорбляющій никого рѣзкими сужденіями и дѣйствіями, всегда умѣренный, примиряющій, сдержанный, живое олицетвореніе духа компромисса. Житейскій мудрецъ, изъ тѣхъ, которымъ всего болѣе везётъ на свѣтѣ, онъ не впадаетъ ни въ пошлости Клитандровъ и Оронтовъ, ни въ безразсудную горячность Альцеста, но невредимо проходитъ на благоразумной грани между этими крайностями. Весьма ошибется тотъ, кто захотѣлъ бы счесть его за явнаго оптимиста, умышленно сопоставленнаго въ комедіи съ представителемъ пессимизма. Филэнтъ не закрываетъ глаза на несовершенство существующаго порядка вещей (j'observe, comme vous, cent choses tous les jours *qui pourraient mieux aller, prenant un autre cours*), но съ одной стороны онъ убѣжденъ, что одиночными усиліями ничего сдѣлать нельзя, что стремиться къ тому было бы настоящимъ безумствомъ (une folie à nulle autre seconde), съ другой же онъ находитъ тутъ лишній случай развить въ себѣ философское отношеніе къ жизни и людямъ: пороки ихъ неразлучны съ ихъ природой,—если нельзя ставить коршунамъ или волкамъ въ вину ихъ хищничество, то нечего считать страшно преступными и людей; еслибъ всѣ люди были искренни, справедливы и прямодушны, большая часть нашихъ добродѣтелей была бы излишня (V, 1). Эта философія составляетъ предметъ особой гордости Филэнта; онъ считаетъ, что „его флегма имѣетъ такой же философскій смыслъ, какъ и желчность Альцеста“ (I, 1), находитъ въ своемъ образѣ дѣйствій много гуманности, терпимости, — словомъ, онъ очень доволенъ собой.

Digitized by Google

Столь же ошибется тотъ, кто захотѣлъ бы счесть его порочною личностью, способною мириться съ низкими поступками, быть можетъ, даже поступать въ такомъ же духѣ. Одна лишь недальновидность могла побудить Фабръ д'Эглантина сдѣлать героя своей пьесы [120]) отъявленнымъ негодяемъ, и несправедливость этого взгляда бросилась тогда же въ глаза даже такому плохому литературному судьѣ, какъ Наполеонъ I. [121]) Идя по слѣдамъ Руссо, иные моралисты и въ наше время [122]) попрекаютъ Филэнта *двусмысленной* безпечностью, не вникая въ характеристику его, сдѣланную Мольеромъ. Если мы только-что могли найти точки соприкосновенія между нимъ и Чичиковымъ, то найдемъ и рѣзкое различіе. Филэнтъ никакъ уже не *пріобрѣтатель*, для себя онъ ничего не добивается; выросши вмѣстѣ съ Альцестомъ, онъ повидимому принадлежитъ къ зажиточному классу, и въ его примирительныя рѣчи никогда не вкрадываются молчалинскія разсужденія: „въ чинахъ мы не большихъ", „мы покровительство находимъ, гдѣ не мѣтимъ", „нельзя намъ смѣть свое сужденіе имѣть". Чинъ, т. е. положеніе его, достаточно великъ, въ покровительствѣ онъ не нуждается, свое сужденіе имѣетъ и даже философствуетъ. Нигдѣ не видно также, чтобъ онъ помогалъ другимъ дѣлать низости (исключая развѣ довольно слабое его участіе въ сплетняхъ у Селимены). Онъ прежде всего холоденъ по темпераменту, и сознаетъ это, кромѣ того онъ натура разсудочная, — и эти оба свойства постоянно въ немъ сказываются. Эліанта ему нравится, но онъ говоритъ ей о своей любви съ величайшимъ спокойствіемъ, точно о какомъ нибудь зрѣло обдуманномъ предпріятіи; онъ знаетъ хорошо, что ей больше нравится Альцестъ,—но, еслибъ свадьба его съ Селименой состоялась и

---

[120]) Le Philinte de Molière ou la suite du Misanthrope, comédie en 5 actes, 1790.

[121]) Mémoires de Mr de Bausset, II, 184.

[122]) La morale de Molière, par C. I. Jeannel, 1867, p. 44 et 52.—О нравственной сторонѣ мольеровскихъ произведеній сравн. также статью Викт. де-Лапрада „La morale de Molière" въ Correspondant, 1876, августъ; точка зрѣнія здѣсь въ сильной степени консервативная, хотя исключеніе и сдѣлано для Мизантропа.

Digitized by Google

тѣмъ надежды Эліанты были разстроены, не захочетъ ли она обратить свои взгляды на него?—онъ будетъ ждать (IV, 1). Вы шутите, отвѣчаетъ ему Эліанта,—но онъ вовсе не шутитъ, а говоритъ пресерьозно. Онъ удовольствуется остаткомъ симпатіи, отверженной Альцестомъ, и въ этомъ отношеніи составляетъ опять полную противоположность съ нимъ: разочаровавшись въ Селименѣ, Альцестъ не смѣетъ уже искать руки Эліанты, не можетъ отдать ей „сердце, оттолкнутое женщиной гораздо ниже ея (le rebut d'un coeur qui ne vous valait pas, V, 8).

Съ этой флегматической разсудочностью онъ относится ко всему въ жизни. Онъ, какъ мы уже сказали, все видитъ и оцѣниваетъ, иной разъ не хуже Альцеста, но не даетъ ходу своему недовольству или порицанію; во первыхъ, это было бы смѣшно, къ тому же онъ привыкъ выполнять заведенные истари обычаи (такъ онъ совѣтуетъ Альцесту посѣщать судей, но не потому, чтобъ сочувствовалъ взяточничеству, но потому, что такъ заведено, и безъ того ничего не добьешься въ судебномъ мірѣ),—наконецъ для него дорого собственное спокойствіе и добрыя отношенія къ людямъ. Только поэтому онъ идетъ на компромиссъ, и въ такія минуты онъ вполнѣ малодушенъ. Но въ немъ все таки какъ будто два человѣка: когда мы видимъ его въ обществѣ, выслушиваетъ ли онъ сонетъ Оронта или сплетничаетъ съ гостями Селимены, онъ заурядный свѣтскій кавалеръ; когда же онъ наединѣ съ Альцестомъ или Эліантой, сквозь эту кору проглядываютъ иногда черты симпатичныя. Ему жалко Альцеста и онъ распинается за него, хотя продолжаетъ бранить его, и въ глаза и заочно; онъ по своему, тихо, спокойно, любитъ или скорѣе уважаетъ Эліанту; онъ высказываетъ Альцесту необинуясь свои взгляды на жизнь и людей. Наконецъ послѣ того какъ Альцестъ удаляется отъ нихъ навсегда, Филэнтъ первый предлагаетъ Эліантѣ, теперь уже его невѣстѣ, поспѣшить за Альцестомъ и постараться отговорить его отъ исполненія задуманнаго плана. Словомъ, онъ вездѣ оказывается среднимъ человѣкомъ, ни хорошимъ, ни дурнымъ, ни притворщикомъ, ни искреннимъ; все уравновѣшено умѣренностью и спокойствіемъ. Такимъ

Digitized by Google

образомъ этотъ характеръ можетъ съ полнымъ правомъ явиться противовѣсомъ характера Альцеста; они противоположны другъ другу, какъ два полюса, и отражаютъ въ себѣ два крупныхъ теченія въ человѣческой мысли. На чьей сторонѣ стоитъ самъ авторъ,—вопросъ праздный, хотя и многихъ занимавшій; онъ внушается обыкновенно наивнымъ желаніемъ всегда и во всемъ допытаться, каково-же настоящее воззрѣніе поэта на изображаемое лицо или событіе,—желаніемъ, не допускающимъ и возможности сколько нибудь объективныхъ пріемовъ. Въ какой бы степени Мольеръ ни вложилъ свою душу въ Альцеста, онъ тѣмъ не менѣе знаетъ за такимъ характеромъ угловатыя крайности и, не жалѣя его, выставляетъ ихъ наружу; онѣ сильно смягчены у Филэнта, но зато они приводятъ къ квіетизму; у него больше терпимости, но она граничитъ съ равнодушіемъ. Основная мысль автора раздвояется,—и это, какъ мы уже видѣли, не первый примѣръ въ его комедіяхъ; по выраженію одного изъ лучшихъ знатоковъ Мольера,[123]) поэтъ просто" хотѣлъ изобразить въ Филэнтѣ свѣтскаго человѣка, въ Альцестѣ же—человѣка вполнѣ честнаго; каждый изъ насъ, руководясь своими вкусами, склонностями, привычками, можетъ удовольствоваться удобной, покладливой добродѣтелью, или же предпочтетъ добродѣтель суровую, — Мольеръ предоставляетъ намъ выборъ... Я же убѣжденъ, что всѣ симпатіи Мольера были *на сторонѣ Альцеста*", заканчиваетъ свое замѣчаніе почтенный критикъ,— и послѣ всего, что выяснилось во время нашей работы, мы можемъ съ полнымъ убѣжденіемъ присоединиться къ этому заявленію.

Въ галереѣ женскихъ характеровъ Мольера немного найдется такихъ граціозныхъ образовъ, какъ Эліанта; она очерчена лишь весьма слабыми штрихами, но, словно контуры на иныхъ превосходныхъ гравюрахъ стараго времени, очертанія

---

[123]) Эжена Депуа, къ сожалѣнію умершаго раньше окончанія своего монументальнаго труда, образцоваго изданія Мольера въ коллекціи Grands Ecrivains de la France. Относительно Мизантропа сохранились только бѣглые наброски его мыслей, сообщенные его преемникомъ, П. Мэнаромъ. Oeuvres de Mol., V, 381.

Digitized by Google

эти живо рисуютъ всю личность. Она выросла въ той же средѣ, изъ которой выходятъ Селимены и Арсинои, но счастливо сберегла въ себѣ свѣжесть духа; она могла бы, можетъ быть, еще болѣе блистать въ свѣтѣ, чѣмъ ея кузина Селимена,—она положительно красавица, и это прямо признаетъ въ ней Альцестъ. Но она одарена великой чуткостью ко всему фальшивому, и обычное ихъ общество отталкиваетъ ее; про себя она давно лелѣяла идеалъ прямодушной натуры, которая идетъ въ жизни своей дорогой, мыслитъ независимо и высказывается открыто (je suis pour les gens qui disent leur pensée, V, 3),—и осуществленіе этого идеала она увидала въ Альцестѣ. Ни однимъ неосторожнымъ словомъ она не обнаружила своей любви къ нему, но ея лицо такъ откровенно, что выдало ея тайну; и самъ Альцестъ, и Филэнтъ догадываются уже, кого она любитъ.

Въ Альцестѣ ее привлекаетъ именно то, что вызываетъ во всѣхъ окружающихъ лишь удивленіе, смѣхъ или злость; въ его откровенности она видитъ выраженіе его благородства и героизма, она цѣнитъ эту рѣдкую добродѣтель и желала бы видѣть ее усвоенною *всѣми людьми*. Для него она была бы, можетъ быть, вполнѣ подходящею подругой, но на опытѣ убѣдилась, какъ прихотлива любовь. Альцестъ съ нею только ласковъ, чувствуетъ къ ней лишь дружескую симпатію,—и она съ сожалѣніемъ видитъ его страдающимъ отъ кокетства Селимены. Но она не ревнуетъ его къ ней; напротивъ, еслибъ это отъ нея зависѣло, она соединила бы его съ тою, которую онъ любитъ (moi-même, à ce qu'il aime, on me verrait l'unir). Одна лишь надежда остается у нея: быть можетъ, онъ вовремя убѣдится въ своей ошибкѣ, пойметъ, гдѣ ждетъ его истинная привязанность,—тогда она не посмотритъ на недавнее прошлое и, *можетъ быть*, *согласится* принять его предложеніе. Но это счастье ей не суждено: когда въ минуту ревнивой вспышки Альцестъ самъ ищетъ любви ея, Эліанта видитъ наскозь этотъ мимолетный капризъ чувства и отклоняетъ его; когда же разрывъ уже произошелъ, и, стало быть, настала минута, которую давно призывала Эліанта, самъ Альцестъ уже не смѣетъ болѣе

Digitized by Google

заговорить съ ней о своемъ разбитомъ чувствѣ, считаетъ себя недостойнымъ ея. Тогда она старается успокоить и его, и себя тѣмъ, что рѣшается на разсудочный бракъ съ спокойнымъ, холоднымъ Филэнтомъ, который ей кажется все же не дурнымъ человѣкомъ,—но, когда Альцестъ навсегда ее покидаетъ, она бросится ему вслѣдъ, вмѣстѣ съ своимъ женихомъ, чтобъ удержать и вернуть его. Отъ перваго своего появленія и до заключительной сцены она не разстается съ этимъ ореоломъ самоотверженія; такая натура не холодна, не прозаична [124]),—напротивъ, она согрѣта внутреннимъ огнемъ, полна воодушевленія, и только поневолѣ осуждена вѣчно замыкаться въ себѣ.

Поодаль стоятъ остальныя, уже совсѣмъ второстепенныя, эпизодически выводимыя дѣйствующія лица, необходимыя и какъ фонъ для картины, и какъ представители среды, обличаемой Альцестомъ. Изображая ихъ, Мольеръ не подчеркиваетъ ни одной изъ порочныхъ ихъ чертъ, не сгущаетъ ихъ душевную черноту ради того, чтобъ доставить Альцесту больше нравственнаго блеску. [125]) Онъ выводитъ ихъ, какъ они есть, показавъ намъ каждаго за своимъ дѣломъ: Оронтъ, любуясь на самого себя, съ сладострастной манерностью продекламируетъ свои стихи, Акастъ съ Клитандромъ, какъ два настоящихъ *blasés*, завязываютъ лестный для нихъ разговоръ о своихъ побѣдахъ, пересыпанный мелкими фамильярностями и шуточками современнаго франтовскаго жаргона,—или же взапуски сплетничаютъ въ салонѣ Селимены; одинъ изъ заурядныхъ свѣтскихъ визитовъ Арсинои, почти уже отставной кокетки, ударившейся въ морализирующее направле-

---

[124]) Die nichts weniger als romantische Eliante, называетъ ее Богъ вѣсть почему одинъ изъ свѣдущихъ однако нѣмецкихъ мольеристовъ, Адольфъ Лаунъ. См. первый выпускъ его Molière's Werke mit deutschem Kommentar. Leipzig, 1873, S. 86.

[125]) Гумбертъ (Molière, Shakspeare und die deutsche Kritik, Leipz., 1869, 464) находитъ, что въ этой объективности изображенія антипатичныхъ ему характеровъ Мольеръ превосходитъ и Шекспира въ *Гамлетѣ* и Гёте въ *Тассѣ*, не смотря на то, что оба эти произведенія такъ же отражаютъ личное настроеніе ихъ авторовъ, какъ Мизантропъ.

Digitized by Google

ніе, [126]) точно также перенесенъ на сцену съ отчетливой вѣрностью. Если это можетъ показаться недостаточнымъ, галерея сатирическихъ набросковъ, складывающаяся изъ пересудовъ Селимены и ея гостей, явится полезнымъ дополненіемъ; завистливый проныра Адрастъ, который не можетъ выносить повышенія или наживы другихъ людей и потому постоянно ворчитъ противъ двора, молодой Клеонъ, извѣстный только тѣмъ, что у него хорошій поваръ, вздорный педантъ Дамисъ, щеголяющій изысканнымъ вкусомъ, находя, что все вокругъ него, и разговоры, и мысли, и стихи, слишкомъ вульгарны, Жеральдъ, помѣшанный на лошадяхъ, собакахъ и экипажахъ, Клеонтъ, осмѣиваемый за то, что на пріемѣ въ Луврѣ онъ высокимъ особамъ показался слишкомъ страннымъ, не имѣющимъ хорошихъ манеръ,—такова эта длинная вереница портретовъ, усиливающая впечатлѣніе, производимое маркизами комедіи. Всѣ эти ничтожныя личности тѣмъ несноснѣе, что имѣютъ возможность вліять на дѣла,— и какой нибудь Акастъ можетъ, сославшись съ похвальбой на то, что онъ „имѣетъ нѣкоторое право считать себя благороднымъ“, заявлять, что въ силу положенія, созданнаго ему его происхожденіемъ, немного найдется должностей,

[126]) Намъ уже пришлось упомянуть о новѣйшемъ истолкованіи этого характера, возвратившемъ Арсиноѣ ея (конечно, сравнительную) молодость. Въ пользу этого толкованія говорятъ въ особенности старанія ея завлечь Альцеста, надежды, что ей удастся заставить его забыть Селимену: все это было бы, конечно, немыслимо, еслибъ одного взгляда на Арсиною было достаточно, чтобъ увидать совершенно отцвѣтшее лицо, изрѣзанное морщинами. Правда, Селимена смѣется надъ ея страстью къ притираньямъ (elle met du blanc et veut paraitre belle, III, 5),—но это, по всей вѣроятности, лишь одна изъ первыхъ попытокъ остановить начинающееся увяданіе. Вся роль Арсинои въ пьесѣ и обусловлена желаніемъ показать, что она еще молода, и можетъ имѣть успѣхъ; потому и обдуманная месть ея Селименѣ имѣетъ такой рѣзко-выдержанный характеръ. Добавочной чертой является у нея набожность, конечно, внѣшняя, подшимаемая въ свѣтѣ на смѣхъ; это—опять попытка подготовить себѣ заблаговременно почетное отступленіе. Мольеръ любилъ часто рисовать такой оттѣнокъ ханжества, — таковъ наприм. портретъ подобной личности въ Школѣ женщинъ, актъ IV, 3, затѣмъ Оранта и Пернелла въ Тартюффѣ.

Digitized by Google

которыхъ онъ бы не могъ занять. Точно также въ рукахъ Арсинои находится немалое вліяніе на раздачу милостей и должностей, и она можетъ заманивать Альцеста блестящей перспективой, такъ какъ знаетъ, что въ состояніи исполнить обѣщаніе. Заботы всѣхъ этихъ людей вращаются только вокругъ двора; мы думаемъ даже, что въ демонстративно-частомъ упоминаніи о дворѣ иной разъ слѣдуетъ видѣть маскированное указаніе на самого короля (наприм. въ желаніи Арсинои, чтобъ *дворъ* обратилъ на Альцеста *благосклонный взоръ* и воздалъ ему должное); *его* милостей добиваются всѣ они, одни лишь оказанныя ему услуги зачисляютъ себѣ въ достоинство,—за то Альцестъ, очевидно не безъ умысла, противополагаетъ этому дѣятельность на пользу всему государству (service à l'Etat, III, 7) и не хочетъ добиваться почестей уже потому, что для общей пользы ничего не сдѣлалъ.

Такимъ образомъ вся эта толпа ничтожествъ, окруженныхъ мишурнымъ блескомъ, получаетъ, несмотря на свою видимо второстепенную роль въ пьесѣ, немалое значеніе въ развитіи основной ея мысли. Она оправдываетъ негодованіе Альцеста и вмѣстѣ съ тѣмъ вызываетъ въ зрителѣ презрѣніе къ дворской атмосферѣ, развѣнчиваетъ версальскихъ боговъ. Но исходною точкой въ раздачѣ милостей всѣмъ этимъ неспособнымъ людямъ, въ допущеніи ихъ къ вліятельнѣйшей роли въ странѣ, главною причиной того, что въ высшихъ сферахъ невозможно дышать честному человѣку, является все таки король, хотя онъ остается все время невидимымъ, скрытъ за кулисами,—и потому къ кому-же, какъ не къ нему именно, должна относиться вся сущность высказываемыхъ въ пьесѣ укоризнъ! Моланъ былъ поэтому вполнѣ правъ, замѣчая, что въ Мизантропѣ размахъ сатиры пронесся у самого трона, задѣвъ и его настолько, насколько это было возможно въ данную пору.

Подвергнувъ выведенные Мольеромъ характеры подробному изученію, мы получаемъ возможность провѣрить одинъ изъ весьма распространенныхъ взглядовъ на слабую способность нашего автора къ характеристикѣ вообще. Этотъ

Digitized by Google

взглядъ всего чаще высказывался нѣмецкими эстетиками [127]), вообще съ какою-то принципіальной нетерпимостью ополчавшимися неразъ противъ Мольера: изрѣдка затрогивался онъ и во французской критикѣ [128]), у насъ онъ чуть ли не впервые высказанъ былъ Пушкинымъ [129]). Сообразно этому мнѣнію, Мольеръ въ значительной степени лишенъ былъ способности тонко мотивировать колебанія въ характерѣ своихъ героевъ; у него выводятся все сплошныя, единообразныя натуры, безъ градаціи, безъ усложненій и оттѣнковъ. Пушкинъ находилъ, что лица, созданныя Мольеромъ, „суть типы такой-то страсти, такого-то порока, а не существа живыя, исполненныя многихъ страстей, многихъ пороковъ, какими ихъ рисуетъ Шекспиръ“,—и въ доказательство своего мнѣнія поэтъ ссылался на то, что „у Мольера скупой скупъ—и только; у Шекспира Шайлокъ скупъ, смѣтливъ, мстителенъ, чадолюбивъ, остроуменъ“, и противополагалъ сложный характеръ шекспировскаго Анджело Тартюффу, который вездѣ и всегда остается лицемѣромъ. Нельзя не согласиться съ тѣмъ, что Мольеръ не любитъ предпосылать непосредственному дѣйствію своихъ героевъ поясненіе ихъ предшествовавшей жизни, тѣхъ обстоятельствъ, которыя вліяли на образованіе ихъ характеровъ; такой *Vorgeschichte* у него не встрѣтишь, — и въ противоположность шекспировскому Тимону, который является намъ сначала въ счастьѣ, а за тѣмъ въ горѣ, Альцестъ сразу показанъ намъ такимъ, какимъ сдѣлала его антипатичная ему среда. Но еще остается далеко не рѣшеннымъ вопросъ, въ какой степени названный пріемъ обязателенъ въ драматическомъ творчествѣ, и въ подтвержденіе того стоитъ сослаться на такого тонкаго

[127]) Въ этомъ ополченіи отличались послѣ А. В Шлегеля Крейссигъ, Эйхендорфъ, Марквальдъ и другъ. Нанеся имъ въ названной уже книгѣ своей жестокое пораженіе, Гумбертъ какъ бы въ назиданіе имъ собралъ множество сочувственнѣйшихъ отзывовъ о Мольерѣ, высказанныхъ въ англійской литературѣ. См. его книгу Englands Urtheil über Molière. Bielefeld, 1878.

[128]) Въ особенности недавно Станфероmъ въ обширномъ приложеніи ко второму тому его книги о Шекспирѣ,—приложеніи, посвященномъ мольеровской критикѣ (см. стр. 428).

[129]) Записки А. С. Пушкина (Соч., изд. Анненкова, томъ пятый, стр. 10).

Digitized by Google

знатока художественныхъ законовъ, какъ Гёте, который, принимая сторону Мольера противъ нѣмецкихъ его критиковъ [130]) выражалъ недоумѣніе, почему прошлое дѣйствующаго лица не можетъ быть раскрыто искусно вплетенными въ первые же акты намеками и ссылками. Въ этомъ же дѣлѣ умѣнье Мольера излагать всю сущность сюжета сразу въ экспозиціи, давно уже признано; взаимныя отношенія всѣхъ дѣйствующихъ лицъ опредѣлены и характеры ихъ вполнѣ намѣчены съ первой же сцены *Мизантропа*.

Но допустимъ даже, что пьеса дѣйствительно слишкомъ рѣзко вводитъ въ дѣло уже готовые характеры, — неужели, послѣ произведеннаго нами анализа, можно утверждать, что это все простыя, одностороннія воплощенія страстей или пороковъ! Вѣдь по аналогіи съ Пушкинскимъ положеніемъ, что „у Мольера скупой скупъ и только“, пришлось бы сказать, что мизантропъ Альцестъ только и дѣлаетъ, что высказываетъ ненависть къ людямъ, — это же было бы очевидной несправедливостью. У Альцеста именно одна изъ тѣхъ сложныхъ натуръ, которыя такъ нравились Пушкину у Шекспира. Онъ презираетъ людей, но для человѣчества желалъ бы лучшей будущности, его пессимизмъ имѣетъ какъ бы идеалистическую подкладку; способный страстно ненавидѣть, онъ жаждетъ сочувствія, дружбы, можетъ безумствовать отъ любви и ревности; безпощадный ко всѣмъ, онъ полонъ гуманности и всепрощенія по отношенію къ Селименѣ; знатный по происхожденію и воспитанію, онъ любуется незатѣйливыми полевыми цвѣтами народной поэзіи. А все зрѣлище его колебаній и волненій, когда онъ то вѣритъ и надѣется, то снова жаждетъ разрыва, то неожиданно ищетъ спасенія у Эліанты, — неужели все это свойства прямолинейной натуры, которая, разъ поддавшись извѣстной страсти, не вѣдаетъ уже никакихъ отклоненій, а только скряжничаетъ, или лицемѣритъ, негодуетъ, или развратничаетъ! Но Альцестъ (къ которому, однако болѣе всего обращаются всѣ подобныя нареканія) не составляетъ исклю-

[130]) Въ разговорахъ съ Экерманомъ.

Digitized by Google

ченія изъ всего персонала комедіи. И въ характерѣ Филэнта намъ бросилось въ глаза далеко не дюжинное мастерство нарисовать средняго человѣка, балансирующаго между нѣсколькими направленіями, — свойство опять не прямолинейное; внутренняя борьба въ Эліантѣ и даже въ Селименѣ (этомъ наименѣе сложномъ характерѣ изъ всѣхъ) выдвигала наружу самыя сокровенныя черты, часто неожиданныя и какъ будто противорѣчащія одна другой. Все это свидѣтельствуетъ скорѣе о желаніи поэта настаивать на томъ, что нравственный организмъ человѣка чрезвычайно сложенъ, и что обязанностью художника является изображать его именно во всей этой мнимо-нестройной сложности. И полнѣйшимъ подтвержденіемъ нашей мысли опять же являются слова самого Мольера, вложенныя въ уста его главному герою: „напрасно зовутъ насъ мудрецами, — внутри у насъ всегда остаются чисто-человѣческія стремленія“,—эти же слова произноситъ Альцестъ всего за нѣсколько мгновеній до разрыва, т. е. въ ту самую минуту, когда ему всего легче было бы выказать себя вполнѣ послѣдовательнымъ и несокрушимымъ.

Если подобный пріемъ воспроизведенія характеровъ былъ почти еретической новинкой въ царствѣ старой французской эстетики, то изучаемая нами комедія должна была возбуждать недоумѣніе и другими своими сторонами, столь же своеобразными. Слогъ ея (въ отличіе отъ слога другихъ пьесъ Мольера) былъ часто шероховатъ, версификація не всегда правильная; и Вольтеръ, и Буало, и Лагарпъ находили нѣсколько несомнѣнныхъ погрѣшностей въ этомъ отношеніи. Гдѣ для риѳмы, наряду съ новѣйшей формой *avec* вытянется длинное старое *avecques*, гдѣ потребуется зачѣмъ-то слишкомъ много словъ для выраженія простой мысли (замѣтимъ, кстати, всегда лишь во второстепенныхъ сценахъ), наприм. c'est un homme à jamais ne me le pardonner, II, 3; или et, si c'était qu'à moi la chose pût tenir, IV, 1), гдѣ вдругъ прорвется иное словечко, идущее прямо вразрѣзъ съ обстановкой: il faut *suer sans cesse* à chercher que lui dire, говоритъ у себя въ салонѣ Селимена про свѣтскую же даму (II, 5),—и рядомъ съ этимъ звучатъ превосходныя по своей

Digitized by Google

законченности и меткости выраженія, быстро вошедшія въ пословицу. Эта неровность слога была вовсе не во вкусѣ современной цивилизованной публики, да и потомъ зачлась въ счетъ прегрѣшеній автора. Но мы, къ счастью, отошли уже на далекое разстояніе отъ первой оцѣнки пьесы и получили возможность относиться и къ этой ея сторонѣ съ объективно-психологической точки зрѣнія. Признаемся, что полная безукоризненность слога показалась бы намъ здѣсь просто неестественной. Комедія писалась авторомъ въ такомъ взволнованномъ состояніи, отъ сердца, что выравнивать стихи по ранжиру и оттачивать академически-правильныя фразы было для него просто немыслимо. Тамъ, гдѣ онъ самъ задѣтъ за живое, не встрѣчаются вовсе и эти небрежности, языкъ ему вполнѣ послушенъ, стихи такъ и льются, остроты и рѣзкости такъ и сверкаютъ, въ второстепенныхъ же сценахъ, наполняющихъ промежутки между крупными переходами дѣйствія, онъ нетерпѣливъ, небреженъ, самъ не замѣчая того, — онъ спѣшитъ перейти къ существенному. То же можно подмѣтить и въ нѣкоторыхъ другихъ комическихъ произведеніяхъ, имѣющихъ одинаковую связь съ внутренней исторіей ихъ авторовъ. Кому не вспомнится при этомъ наше *Горе отъ ума*, чьи слоговыя неровности, надъ которыми издѣвалась педантическая критика двадцатыхъ годовъ, не помѣшали ему стать украшеніемъ родного слова! Но обыкновенно нужно не мало времени, чтобъ критика поняла смыслъ такихъ неровностей, подобно тому какъ и вообще своеобразная непринужденность слога, совершенно отступающаго отъ правилъ, не скоро пріобрѣла прелесть въ глазахъ знатоковъ. Буало былъ искренно преданъ Мольеру и понималъ значеніе его дѣятельности, но не могъ примириться съ его непокорной творческой манерой и ставилъ ему въ вину его любовь къ народности, которая будто бы мѣшала полному торжеству его какъ художника. Мольеръ, говоритъ онъ [131]),

Peut-être de son art eût remporté le prix,

[131]) L'art poétique, пѣснь III.

Digitized by Google

Si, moins ami du peuple, en ses doctes peintures,
Il n'eût point fait souvent grimacer ses figures.

Онъ ставилъ ему, какъ извѣстно, заурядъ въ вину и бойкую веселость его мелкихъ комедій и фарсовъ, гдѣ уже дѣло ограничивалось не однѣми гримасами; онъ никакъ не могъ понять, что одно и то же лицо могло написать и Мизантропа и Продѣлки Скапена (dans le sac ridicule ou Scapin s'enveloppe je ne reconnais plus l'auteur du Misanthrope). Словомъ, Мольеръ былъ, въ его глазахъ, недостаточно ровенъ и пластически изященъ вездѣ и во всемъ. Но, къ счастью, потомство давно перестало смотрѣть на вещи глазами Буало, какимъ бы передовымъ критикомъ онъ ни былъ для своей эпохи. Поэтому мы вправѣ принять подъ свою охрану и слогъ Мизантропа, прощая ему ту великую вину, что онъ не всегда согласенъ съ Словаремъ Академіи.

Намъ остается разсмотрѣть строеніе пьесы, развитіе фабулы, дробленіе комедіи на акты и степень законности ея развязки. Въ немаловажномъ для драматическаго писателя умѣньѣ составить стройный остовъ своего произведенія, и затѣмъ гармонически сочетать всѣ отдѣльныя его части Мольеру нерѣдко отказывали, ссылаясь главнымъ образомъ на Мизантропа; его попрекали вмѣстѣ съ тѣмъ и недостаточно быстрымъ развитіемъ главнаго дѣйствія отъ одного акта къ другому. Въ такихъ отзывахъ нельзя отрицать извѣстной доли справедливости. Какъ слогъ данной комедіи, такъ и ея структура не лишены неровностей. Первый актъ составляетъ блестящее исключеніе и всегда удовлетворялъ самыхъ взыскательныхъ судей, повидимому сожалѣвшихъ, что такія художественно выполненныя врата ведутъ въ такое бѣдное зданіе. Дѣйствительно, все, что зрителю необходимо сразу знать, чтобъ оріентироваться въ ходѣ пьесы, уже сгруппировано тутъ. Альцеста мы видимъ и въ его житейскихъ отношеніяхъ къ людямъ, и въ его столкновеніяхъ съ принятою моралью, и въ его интимной жизни; главные оттѣнки его убѣжденій, презрѣніе къ дворскому міру, отношеніе къ суду, литературные вкусы показаны съ дос-

Digitized by Google

таточной ясностью; противоположность его съ Филэнтомъ, несчастная любовь къ Селименѣ, томленія Эліанты заставляютъ предугадывать будущее развитіе его судьбы. Второе главное лицо, Селимена, еще не являлось, но роковое присутствіе его уже живо чувствуется (пріемъ, употребленный Мольеромъ въ Тартюффѣ, гдѣ онъ не торопится выпускать своего ханжу на сцену, но постепенно подготовляетъ насъ къ его появленію); не показалась еще во всей красѣ придворная обстановка, но въ лицѣ Оронта дано зрителю достаточное предвкушеніе, уже недурно знакомящее съ нею, и вмѣстѣ съ тѣмъ Альцесту дана возможность показать на дѣлѣ свое правдолюбіе и пренебреженіе къ обычаямъ. Словомъ, въ первомъ актѣ совмѣщено множество данныхъ для пониманія и среды и дѣйствующихъ лицъ. Де-Визе находилъ, что даже во второй сценѣ этого акта можно было бы найти *сотню* разнообразныхъ примѣровъ, доказывающихъ великій умъ автора.

Уступая въ живости первому акту, второе дѣйствіе добавляетъ однако существенную черту къ наличному составу пьесы. О любви Альцеста мы узнаемъ тутъ уже не изъ признаній его, но видимъ ея отличительныя свойства на дѣлѣ, въ горячихъ объясненіяхъ его съ Селименой, въ ревнивыхъ упрекахъ, рѣзкостяхъ съ соперниками. Придворный бытъ окончательно обрисованъ; кромѣ Арсинои, всѣ дѣйствующія лица уже выведены. Съ этой поры зритель въ правѣ ожидать, что дѣйствіе будетъ развиваться быстро, но—ожиданія эти не вполнѣ оправдываются. Въ третьемъ актѣ прибавится собственно только вмѣшательство Арсинои и ея ссора съ Селименой,— и затѣмъ уже предвидится катастрофа: Арсиноя захочетъ мстить и постарается открыть глаза Альцесту. Четвертое дѣйствіе сводится къ объясненію между мизантропомъ и Селименой изъ-за письма ея къ Оронту, случайно добытаго мстительницей; притомъ нѣсколько поражаетъ сходство конечныхъ сценъ второго и четвертаго дѣйствія, приставленныхъ съ одинаковой цѣлью—найти предлогъ, чтобъ удалить Альцеста со сцены: въ первомъ изъ этихъ двухъ актовъ его вызываетъ посланецъ отъ трибунала господъ

Digitized by Google

маршаловъ, во второмъ собственный его слуга, чтобъ передать присланную изъ суда бумагу. Наконецъ дѣйствіе снова оживляется въ пятомъ и послѣднемъ актѣ; страсти разгорѣлись, конфликтъ дошелъ до крайней степени напряженія, разрывъ Альцеста съ обществомъ является неизбѣжнымъ, и зритель разстается съ пьесой подъ давленіемъ сильнаго впечатлѣнія.

Слѣдуетъ ли изъ того, однако, что недостатокъ *внѣшней* живости дѣйствія (который допускалъ, наприм. даже такой горячій защитникъ пьесы, какъ Даламберъ, отдававшій въ этомъ отношеніи предпочтеніе Тартюффу) нанесъ существенный ущербъ всей комедіи? Мы рѣшительно думаемъ, что нѣтъ. Взамѣнъ театральныхъ эффектовъ здѣсь вступила въ свои права работа художника-психолога; онъ воспользовался малѣйшей сценкой, чтобъ обрисовать всѣ изгибы характера и главныхъ и мелкихъ дѣйствующихъ лицъ; такъ отъ разговора между Филэнтомъ и Эліантой (IV, 1) ходъ пьесы почти ничего не выигралъ, но за то у насъ есть по окончаніи его масса новыхъ данныхъ для пониманія Альцеста, самоотверженіе Эліанты и рефлексія Филэнта нигдѣ такъ ярко не обнаруживаются; и подобно этому въ наименѣе необходимыхъ съ виду сценахъ разсѣяно множество самыхъ цѣнныхъ указаній на душевныя движенія и внутреннюю борьбу героевъ, или же напротивъ чертъ описательно-бытовыхъ. Если Мизантропу суждено принять упрекъ въ недостаточной стройности плана, то онъ можетъ раздѣлить и его съ грибоѣдовскимъ *Горемъ отъ ума*, которое точно также весьма уязвимо съ этой стороны. Но и оправданіе у обѣихъ пьесъ одинаковое. Онѣ въ равной степени произведенія субъективныя; авторамъ ихъ дороже всего высказать задушевныя свои мысли, дать волю своему отрицательному отношенію къ людямъ, изобразить терзанія героя, кровно близкаго имъ, — и передъ этой цѣлью они порою забываютъ строгія правила всякихъ литературныхъ теорій. Мольеръ повидимому и самъ понималъ, что ему могутъ сдѣлать подобный упрекъ, и, вѣроятно съ его вѣдома, авторъ „Письма о комедіи Мизантропъ,“ предупреждая обвиненія, раскрывалъ

Digitized by Google

массѣ, какова была цѣль автора при созданіи этого произведенія: „онъ вовсе не хотѣлъ написать комедію, *преисполненную происшествій* (incidents), но лишь пьесу, въ которой онъ могъ бы возстать противъ нравовъ вѣка. Это побудило его избрать героемъ мизантропа, — а такъ какъ это слово означаетъ врага людей, то, конечно, всякій согласится, что выборъ былъ сдѣланъ удачно, — разумѣется, никто не можетъ такъ хорошо говорить противъ людей, какъ ихъ врагъ. Выборъ сдѣланъ къ тому же необыкновенно удачно и въ сценическомъ отношеніи; горести, столкновенія, странности и горячія вспышки. Мизантропа являются благодарнымъ матеріаломъ для игры.“ Такимъ образомъ главная цѣль и тутъ почти прямо самимъ авторомъ сводится къ потребности протеста и къ воспроизведенію грустной судьбы личности развитой и умной. Не спрашивайте меня ни о чемъ больше, скромно говоритъ современнымъ ему критикамъ авторъ, не ждите отъ меня эффектно замыкающихся актовъ, животрепещущей занимательности дѣйствія; я вывелъ передъ вами нѣсколько людей изъ вашей среды, передалъ ихъ судьбу,—вникните въ нее, и я устранюсь даже отъ заключительнаго вывода.

Нѣкоторыя мѣста въ письмѣ де-Визе проникнуты умышленно объективнымъ отношеніемъ къ пьесѣ. Сочувственные отзывы, разбросанные то тутъ, то тамъ, по всей вѣроятности принадлежатъ самому автору, незадолго передъ тѣмъ побѣжденному Мольеровской музой и перешедшему въ ряды ея усерднѣйшихъ чтителей [132]), но въ основныхъ взглядахъ Письма намъ слышится отголосокъ сужденій са-

---

[132]) Ему приписываются двѣ пьесы, направленныя противъ Мольера, *Zelinde* и *les Nouvelles nouvelles*. Фурнель, Contemporains de Mol., III, 1875, пытался приписать первую изъ этихъ пьесъ де-Виллье. — Де-Визе вообще былъ не совсѣмъ лишенъ дарованій и съ извѣстнымъ запасомъ недовольства. Любопытный образчикъ его сужденій представляютъ напечатанныя недавно два его письма. Deux lettres par le fondateur du Mercure galant publ. par Tamizey de Larroque, въ журналѣ Cabinet historique, mars-avril, 1880. Въ нихъ находимъ очень недурно проведенное осужденіе придворныхъ нравовъ.

Digitized by Google

мого Мольера. Онъ вообще слишкомъ любилъ пояснять свои произведенія или въ предисловіяхъ къ нимъ, или въ полемическихъ своихъ пьесахъ (въ родѣ Критики на Школу женщинъ), или же наконецъ въ особыхъ Письмахъ, для которыхъ прибѣгалъ (какъ въ Письмѣ о Тартюффѣ или въ чрезвычайно любопытномъ отвѣтномъ письмѣ на критику Донъ-Жуана) [133]) къ содѣйствію какого нибудь анонима,— трудно предположить, чтобъ онъ могъ пропустить безъ такого же поясненія своего Мизантропа, дававшаго немалую пищу толкамъ.

Если же мы дѣйствительно допустимъ въ основной части Письма вліяніе Мольера [134]), то пріобрѣтутъ особый интересъ разсужденія, замыкающія собой это произведеніе. Тутъ сводятся итоги пьесы, перечисляются изображенные въ ней характеры,—но въ основномъ вопросѣ умышленно не произнесено никакого рѣшительнаго сужденія; за кѣмъ осталось преимущество, за рѣзкостью или за умѣренностью, намъ не говорятъ. Филэнтъ названъ человѣкомъ разсудительнымъ (въ другомъ мѣстѣ: осторожнымъ), которому всѣмъ намъ слѣдовало бы подражать, но вмѣстѣ съ тѣмъ за Альцестомъ признано умѣнье, не смотря на нѣсколько забавный тонъ его рѣзкостей, высказывать очень вѣрныя мысли; если иной разъ можетъ показаться, что онъ требуетъ отъ людей слишкомъ многаго, то и это извинительно, потому что необходимо многаго требовать, чтобъ добиться хоть чего-нибудь. Затѣмъ выставлена также на видъ практическая полезность урока, который должны вынести изъ пьесы различныя лица, имѣющія право найти тутъ сходство съ собою; эти разсужденія

---

133) Недавно Livet разъяснилъ, кто былъ, по его мнѣнію, авторомъ пасквиля, вызвавшаго этотъ отвѣтъ. Онъ былъ янсенистъ и звали его Барбье д'Окуръ. См. статью Ливе, Quel est l'auteur des Observations sur le Festin de Pierre въ Moniteur universel, 1878, 14 mars, 38.

134) Этому не противорѣчитъ вовсе ходившій въ то время слухъ, будто письмо де-Визе было напечатано при пьесѣ противъ желанія Мольера. Хвалебные отзывы автора могли быть даже смягчены по требованію поэта, который вмѣстѣ съ тѣмъ ввелъ въ письмо нѣсколько личныхъ своихъ поясненій.

Digitized by Google

сильно отзываются ходячей моралью,—но рядомъ со всѣмъ этимъ какъ будто случайно промелькнули двѣ, три искренно сказанныя фразы, которыя для чуткаго читателя говорятъ несравненно больше всѣхъ этихъ разсужденій. „Мольеръ, читаемъ мы тутъ, съ свойственнымъ лишь ему одному искусствомъ, заставляетъ насъ вездѣ *отгадывать болѣе, чѣмъ онъ въ дѣйствительности говоритъ*,“ [135])—и когда читатель призадумается надъ этими словами, онъ найдетъ разгадку ихъ въ одной изъ предшествующихъ фразъ. Авторъ противополагаетъ обыкновенныя комическія пьесы, отличающіяся мелкимъ и избитымъ остроуміемъ, пьесѣ Мольера. „Я считаю комедіи въ ея родѣ, говоритъ онъ, гораздо болѣе занимательными, хотя тутъ смѣхъ совсѣмъ не такой громкій; онѣ не только развлекаютъ человѣка, но вызываютъ его симпатію и постоянно пробуждаютъ въ немъ внутренній, задушевный смѣхъ“ (elles attachent, elles font continuellement rire dans l'âme). Вотъ истинная цѣль пьесы, пробужденіе „смѣха сквозь незримыя міру слезы“, и судьба героя, близкаго сердцу автора, даетъ къ тому непосредственный поводъ; все сосредоточилось на изображеніи психологическихъ моментовъ,—и притомъ авторъ умышленно оставляетъ многое недосказаннымъ. Удивительно-ли послѣ этого, что за осуществленіемъ этой цѣли оставлены были въ сторонѣ мелкія техническія частности, и юмористъ-психологъ на этотъ разъ заслонилъ опытнаго драматурга!

Но, если, отрѣшаясь отъ обычныхъ сценическихъ требованій, мы остановимся исключительно на основныхъ чертахъ развитія фабулы Мизантропа, грѣховность Мольера въ значительной степени умалится. На это давно и весьма метко указалъ одинъ изъ забытыхъ теперь провинціаль-

---

[135]) Замѣтимъ, что, по показаніямъ очевидцевъ, этимъ оттѣнкомъ всегда отличалась и игра одного изъ лучшихъ мольеровскихъ учениковъ, Барона. Этотъ же замѣчательный актеръ, конечно въ духѣ воспринятыхъ имъ совѣтовъ, произвелъ вообще переворотъ въ сценическомъ исполненіи, рѣшительно возставъ противъ декламаціи. См. Le comédien, par Rémond de Sainte Albine (Collect. des mémoires sur l'art dramat., VI-e livraison). P. 1825, 215.

Digitized by Google

ныхъ нѣмецкихъ мольеристовъ, Гертъ [136]). Изучая строеніе комедіи, онъ принималъ, что, по отношенію къ дѣйствію, въ ней два главныхъ лица,—добродѣтельный Альцестъ и легкомысленная Селимена; изъ ихъ взаимныхъ отношеній, какъ обожателя къ предмету любви, исходитъ завязка пьесы; затѣмъ противоположность ихъ характеровъ вызываетъ въ насъ интересъ и скрѣпляетъ узелъ интриги; наконецъ разоблаченіе Селимены разрубаетъ этотъ узелъ и замыкаетъ пьесу. Эта весьма несложная основа, получающаяся послѣ устраненія многихъ, подробностей, развита вполнѣ правильно; затѣмъ, „въ силу всеобщности нравственнаго содержанія обоихъ главныхъ лицъ, она какъ бы расширяется, переносится изъ тѣснаго круга семейнаго происшествія на арену общественной жизни и ея сложныхъ отношеній, и такимъ образомъ, наряду съ частнымъ интересомъ вездѣ проявляется общее значеніе изображаемыхъ явленій". Разсматриваемая съ этой, совершенно уже трезвой, точки зрѣнія, пьеса какъ бы получаетъ обратно отнятую у нея стройность, и возраженія противъ этой стороны ея разрѣшаются въ примирительномъ духѣ.

Но, допустивъ и это, остается открытымъ вопросъ, вполнѣ ли естественна развязка комедіи и, что въ особенности безпокоитъ строго-нравственныхъ судей, допустима ли она съ точки зрѣнія здравой морали въ произведеніи драматическомъ. Нельзя отрицать, что развязка дѣйствительно должна была многимъ казаться неслыханной ересью: наперекоръ общепринятой теоріи благоразумной сатиры, добродѣтель здѣсь нетолько не торжествуетъ, но изгоняется изъ общественной среды, и на сторонѣ порока все таки остается если не прямое торжество, то все же перевѣсъ. Обширный кружокъ, въ которомъ блистаютъ Оронты и Селимены, сомкнется послѣ удаленія Альцеста и снова предастся своей обычной жизни; онъ, пожалуй, не замѣтитъ даже его отсутствія, не вспомнитъ о нелюдимѣ, который въ странномъ самомнѣ-

136) Ueber den Misanthropen des Molière, v. Dr C. A. E. Gerth, Programmenschrift des Pädagogiums zu Putbus, 1841.

Digitized by Google

ніи предпочелъ житье въ глуши свѣтлому приволью цивилизованной жизни,—если же вспомнитъ о немъ, то въ тонѣ пренебрежительнаго удивленія чудаку, который „гордъ былъ, не ужился съ нами“.... Какъ бы ни былъ непріятенъ подобнымъ судьямъ такой истинно трагическій исходъ пьесы, оставляющій тяжелое впечатлѣніе, мы должны однако признать, въ силу всѣхъ особенностей характера Альцеста, – что инымъ исходъ этотъ и быть не могъ. Непонятый современниками, одинокій въ многолюдномъ обществѣ, наконецъ оттолкнутый единственнымъ дорогимъ для него существомъ, Альцестъ не можетъ противостоять естественному стремленію уйти подальше отъ своихъ мучителей. Оставить его жить среди общества было бы такъ же немыслимо, какъ немыслимо, наприм., для насъ представить себѣ Чацкаго въ фамусовскомъ обществѣ послѣ бала и сцены въ сѣняхъ, съ примирительными поползновеніями и зачаткомъ молчалинскаго квіетизма. Правда, былъ бы для него иной исходъ, который, быть можетъ, многихъ удовлетворилъ бы—и не отчаянію, не бѣгству отъ людей, но неутомимой дѣятельности и борьбѣ съ ними предался бы тогда Альцестъ, и сошелъ бы, можетъ быть, совсѣмъ иначе со сцены. Но тогда его натура не была бы такою болѣзненно-надломленною, его энергія была бы свѣжа, словомъ, вся постановка характера мольеровскаго героя была бы иная.

Мольеръ какъ будто понималъ возможность возраженій противъ данной развязки, и, на нашъ взглядъ, напрасно сдѣлалъ имъ небольшую уступку. Послѣ того какъ Альцестъ скрылся, авторъ влагаетъ въ уста Филэнту два стиха довольно прозаическихъ, особенно послѣ страстной вспышки Альцеста:

Allons, madame, allons employer toute chose,
Pour rompre le dessein que son coeur se propose.

Съ этими словами Филэнтъ удаляется съ своей невѣстой вслѣдъ за Альцестомъ, чтобъ убѣдить его остаться,—и благодаря этому зритель и по окончаніи пьесы находится въ неизвѣстности, удалось ли двумъ друзьямъ уговорить ми-

Digitized by Google

зантропа, не вернулся ли онъ потомъ снова къ людямъ, не подпалъ ли опять вліянію Селимены, или же, быть можетъ, исправился, раскаялся. Иные критики, изъ числа сочувственнѣйшихъ цѣнителей пьесы (какъ наприм. Эженъ Рамберъ [137]) находятъ, что въ этой загадочности развязки есть особая прелесть, что благодаря ей „надъ драмой проносится волшебная тайна поэзіи, и передъ замечтавшимся зрителемъ раскрывается цѣлый міръ мыслей. Послѣднія слова комедіи — слова сомнѣнія и надежды". Но развѣ и безъ этихъ словъ, слишкомъ уже близко ставящихъ возможность переломить рѣшеніе Альцеста, неизвѣстность относительно его будущей судьбы недостаточно была выставлена? Внѣ себя отъ скорби, удаляется онъ, и Богъ вѣсть, что будетъ съ нимъ; гдѣ онъ найдетъ желанную свою пустыню, и найдетъ ли ее вообще, гдѣ положитъ голову осиротѣвшій скиталецъ,—эти мысли невольно пронесутся въ умѣ каждаго зрителя, у котораго зашевелилось глубокое состраданіе къ несчастному человѣку. Вѣдь самъ же Рамберъ, сравнивая настроеніе Гамлета и Альцеста, находилъ, „что мысли, волнующія Гамлета, изъ числа тѣхъ, отъ которыхъ можетъ вскружиться голова, и избавленіе отъ нихъ можно найти лишь въ смерти, тогда какъ у Альцеста есть по крайней мѣрѣ убѣжище въ немъ самомъ,— *онъ сможетъ прожить въ уединеніи*"; пусть же и останется за нимъ ореолъ мученика, гонимаго за убѣжденія, вѣчнаго скитальца, непреклоннаго въ своемъ протестѣ, и пусть не намекаютъ намъ на возможность раскаянія и исправленія. Это — дѣло тѣхъ добродушныхъ литераторовъ-обывателей, которые никакъ не могутъ спокойно видѣть образцоваго произведенія безъ надлежащаго конца и употребляютъ великія старанія, чтобъ присочинить по крайнему своему разумѣнію этотъ конецъ и приставить его куда слѣдуетъ,— совсѣмъ такъ какъ къ античному изваянію примазываются иногда усердными руками художника-штукатура недоста-

---

[137]) Corneille, Racine et Molière, deux cours sur la poésie française au XVII siècle, par Eugène Rambert. Lausanne, 1862.

Digitized by Google

ющіе и совсѣмъ непропорціональные члены [138]). Въ числѣ подобныхъ приставокъ можно остановиться лишь на одной, чуть ли не самой своеобразной изъ всѣхъ. Она сдѣлана была въ Германіи, въ прошломъ вѣкѣ, неизвѣстнымъ нѣмецкимъ поклонникомъ Мольера; [139]) сентиментальному этому читателю пьесы показалась слишкомъ тяжелою мысль о бѣдственной участи Альцеста, онъ вооружился всѣми своими свѣдѣніями по французскому языку и сочинилъ за Мольера цѣлую сцену (къ счастію, не цѣлую пьесу), которая должна была замѣнить собою при представленіяхъ послѣднее явленіе комедіи. Селимена не уходитъ послѣ упрековъ Альцеста, но, сильно потрясенная ими, внезапно устремляется къ нему и, къ удивленію всѣхъ присутствующихъ, останавливаетъ его. „Arrêtez! le moment où je perds votre coeur, rappelle ma raison et me rend à l'honneur“, говоритъ она ему, со-

---

138) Число *развязокъ* и транскрипцій *Мизантропа*, очень напоминающихъ, въ большинствѣ случаевъ, наши „третьи части Мертвыхъ Душъ“, Утра послѣ бала у Фамусова и т. д., весьма велико. Въ слѣдующей главѣ мы коснемся важнѣйшихъ изъ нихъ; теперь же приведемъ для образца нѣсколько титуловъ пьесъ одного лишь прошлаго столѣтія, порожденныхъ тѣмъ же желаніемъ заглянуть въ будущее Альцеста: Le Philinte de Molière, Фабра д'Эглантина, 1790; Le misanthrope corrigé, coméd. par mr A***, avocat au parlement, L. Cellot, 1776.—Alceste à la campagne ou le misanthrope corrigé, coméd. en 3 actes par Demoustier, 1798. — Le misanthrope travesti, comédie par le citoyen Dauban, 1797. — Diogène à la campagne, com. en prose avec prologue par J. A. M. de M. (Mezières), Genève, 1758 (съ выходками противъ Руссо, нападавшаго на Альцеста).— Le misanthrope à l'épreuve, com. en 1 acte, en prose, du théâtre de l'Ambigu, помѣчено въ Registre des petits spectacles du théâtre français, 24 сент. 1788 (см. рукописный словарь пьесъ Анри Дюваля, въ Нац. Библіот., franç. 15050, — Dictionnaire des ouvrages dramatiques depuis Jodelle jusqu'à nos jours).

139) Эта развязка помѣщена въ лучшемъ изъ старыхъ нѣмецкихъ переводныхъ изданій Мольера, появившемся въ 1752 году въ Гамбургѣ, у Герольда, подъ заглавіемъ „Des Herrn Molière sämmtliche Lustspiele nach einer freien und sorgfältigen Uebersetzung.—Издатель говоритъ, что одинъ нѣмецкій дворянинъ, владѣя искусно французскимъ стихомъ, движимый жалостью къ герою Мизантропа, написалъ новую сцену для завершенія пьесы.—Эта сцена напечатана была снова Гумбертомъ въ Мольеристѣ 1879, стр. 122, и въ Molière-Museum доктора Швейцера, Leipz., I, XLIII.

Digitized by Google

глашается отказаться отъ свѣта, послѣдовать за нимъ въ его скитаньяхъ, но молитъ простить ей за то ея *преступленье*. Когда Альцестъ готовъ счесть и эту попытку съ ея стороны новымъ обманомъ, она раскрываетъ ему свою душу, обвиняетъ во всемъ свою молодость, но вмѣстѣ съ тѣмъ и отталкивающее вліяніе его крайней мизантропіи; наконецъ на глазахъ ея показываются слезы. Увидавъ ее плачущею, Альцестъ ощущаетъ и самъ желаніе отречься отъ прежнихъ своихъ взглядовъ; Селимена примирила его съ жизнью и сдѣлаетъ изъ него, одичавшаго, нетерпимаго мизантропа—друга людей и мудреца (vous ferez d'un sauvage, d'un misanthrope outré, l'ami de l'homme, un sage). Чудесное изцѣленіе человѣконенавистника приписано здѣсь силѣ любви, торжествующей надъ темными сердечными влеченіями; она одерживаетъ верхъ нетолько надъ Альцестомъ, но и надъ Селименой, которая дѣлаетъ первый шагъ къ примиренію, и пьеса, полная тревогъ и терзаній, заканчивается гармоническимъ аккордомъ. Не говоря уже о томъ, какъ въ этой наивно придуманной развязкѣ сказывается сентиментальное настроеніе нѣмецкой мысли въ ту пору, когда уже близокъ былъ разсвѣтъ шиллеровскаго идеализма,—какъ живо развязка эта напоминаетъ объ инстинктивномъ стремленіи массы людей избѣгать въ комедіи слишкомъ близкаго сходства съ дѣйствительною жизнью, и о желаніи сводить все тяжелое, что можетъ закрасться въ комическое произведеніе, къ веселому концу! Но чутье настоящаго реализма удержало Мольера и отъ подобной слезоточивой развязки, какъ и отъ всѣхъ другихъ, навязываемыхъ ему [140]), и онъ предпочелъ лучше оставить своего героя несчастнымъ, чѣмъ трогательно

---

[140]) Въ концѣ прошлаго столѣтія господствовало почему-то убѣжденіе, что Мольеръ задумывалъ написать продолженіе Мизантропа, гдѣ главнымъ героемъ долженъ былъ сдѣлаться Филэнтъ. Такъ какъ достовѣрно извѣстно, что многія Мольеровскія бумаги, заботливо сохранявшіяся послѣ его смерти его труппой, были однако потеряны или похищены въ концѣ 18-го вѣка,—враги Фабръ д'Эглантина утверждали, что для своей комедіи онъ воспользовался прочитанными имъ и утаенными набросками Мольера.—Bibliogr. moliéresque, p. P. Lacroix, p. 142.

Digitized by Google

изобразить возвращеніе этого блуднаго сына въ лоно общества. Быть можетъ, и тогда уже ему приходилось слышать возраженія противъ избранной имъ развязки (Буало ставилъ же ему на видъ неудовлетворительность послѣднихъ сценъ *Тартюффа* и предлагалъ свой планъ окончанія этой пьесы [141]), но, по высоко любопытному показанію Броссетта, какъ только Мольеру удавалось, на его собственный взглядъ, выполнить извѣстный планъ, осуществить предположенную идею, онъ уже не соглашался болѣе ни на какія измѣненія и снова весь отдавался увлеченію другими планами.

Съ такими своеобразными пріемами въ слогѣ, расположеніи пьесы, характеристикѣ, съ такой отвагой обобщенныхъ обличеній настоящая комедія естественно должна была въ то время казаться совершенно необычнымъ, страннымъ явленіемъ, даже для тѣхъ, кто не имѣлъ вовсе основанія считать себя лично ею задѣтымъ. „Не можетъ быть, чтобъ Мольеръ написалъ *дурную пьесу*“, сказалъ Расинъ въ отвѣтъ на непріязненные отзывы о Мизантропѣ, хотя въ ту пору уже началась у него сильная размолвка съ комикомъ. Этотъ рѣшительный приговоръ плохому достоинству комедіи, пристрастно произносимый современными литературными кругами, живо отражаетъ ихъ смущенное состояніе въ виду несоразмѣрныхъ ни съ чѣмъ пріемовъ пьесы [142]). Недавно кто-то удачно сравнилъ ея появленіе съ эффектомъ извѣстнаго предисловія В. Гюго къ его *Кромвелю*, послужившаго какъ бы манифестомъ народившагося французскаго роман-

---

[141]) Попытка подобной перекройки плана мольеровской пьесы и была сдѣлана Жан. Батист. Руссо въ его *Flatteur*. Буало хотѣлъ, чтобъ изъ комедіи устранена была исторія о шкатулкѣ съ компрометирующими бумагами и появленіе королевскаго посланнаго; онъ предпочелъ бы, чтобъ, узнавъ о захватѣ Тартюффомъ дома, оставшіеся обсудили, что имъ дѣлать; быть можетъ, они прогнали бы палочными ударами Тартюффа, потомъ явилась бы на сцену разсерженная Пернелла, партеръ смѣялся бы,—теперь же пьеса оставляетъ въ публикѣ слишкомъ трагическое впечатлѣніе (разсказъ Броссетта).

[142]) Для знакомства съ господствовавшими тогда литературными взглядами до сихъ поръ остается очень пригодною книга Дельтура Les ennemis de Racine au XVII siècle, вышедшая въ 1879 году 3-мъ изданіемъ.

Digitized by Google

тизма; если въ этомъ любопытномъ документѣ, вызвавшемъ вскорѣ такія же заявленія другихъ вождей школы, излагались прямо отъ лица автора, въ сосредоточенной формѣ, основы его новаго исповѣданія, то въ *Мизантропѣ* не въ догматическомъ видѣ, а прямо на дѣлѣ устанавливались взгляды и понятія, выходившія далеко за современный эстическій уровень. Съ еще большей силой, чѣмъ въ Тартюффѣ или Донъ-Жуанѣ, здѣсь поднято было знамя *высокой комедіи*, заговорившей неслыханно мужественнымъ языкомъ, но не чуждавшейся изображенія житейскихъ мелочей; на сценѣ послышался и смѣхъ, но какой-то новый, точно также странный: не бойкій аристофановскій смѣхъ, который вскорѣ на мгновенье возродитъ Расинъ въ своихъ *Plaideurs*, не здоровый юморъ прежнихъ мольеровскихъ произведеній, но волнующій и щемящій „смѣхъ въ глубинѣ души“, этотъ провозвѣстникъ новѣйшей рефлексіи.

И не только для своего времени, но и навсегда Мизантропъ остался такимъ же своеобразнымъ явленіемъ, и одинъ изъ искреннѣйшихъ почитателей этой комедіи, Гёте, могъ съ полнымъ основаніемъ утверждать, что она стоитъ одиноко среди всемірной литературы, оставляя далеко за собой всѣ произведенія, схожія съ нею по темѣ, не исключая и шекспировскаго *Тимона*. На взглядъ Гёте, Тимонъ долженъ рядомъ съ Мизантропомъ показаться „простымъ комическимъ сюжетомъ“; по мнѣнію новой нѣмецкой критики [143]), онъ поражаетъ сравнительною грубостью контуровъ, отсутствіемъ чувства мѣры и близости къ жизни; по отзывамъ французовъ (напр. Стапфера) онъ можетъ быть названъ превосходнымъ либретто для оперы, но не драмой. Изъ прочихъ литературныхъ сверстниковъ Альцеста, которыхъ намъ еще придется обозрѣть, ни одинъ не въ состояніи даже издали помѣриться съ нимъ. Одно лишь *Горе отъ ума* въ правѣ было бы принять вызовъ въ состязаніи, — но, сходясь во многомъ съ пьесой Мольера, оно предпочло, однако, сатирическое, остро-

[143]) Френцель, Berliner Dramaturgie, 1877, 1-er Band, 249—56; статья, написанная по поводу попытки поставить въ Берлинѣ Тимона.

Digitized by Google

умное обличеніе нравовъ патетическому подъему личныхъ испытаній героя, и стало въ свою очередь совершенно независимо въ области комическихъ произведеній новаго времени.

Оставимъ же въ виду этой своеобразности произведенія старую привычку пригонять его непремѣнно въ готовую эстетическую колодку, будемъ (по выраженію Пушкина) судить драматическаго поэта по законамъ, имъ самимъ надъ собою поставленнымъ, и примемъ Мизантропа такимъ, каковъ онъ въ дѣйствительности, когда его не обезличиваютъ не въ мѣру усердные комментаторы. Мы не будемъ усиливаться видѣть въ немъ во что бы то ни стало совершеннѣйшаго изъ смертныхъ, и не будемъ наоборотъ надѣвать на него смѣхотворную маску [144]). Для безукоризненно совершеннаго человѣка, какъ говаривалъ на своихъ лекціяхъ Сенъ-Маркъ-Жирарденъ, нѣтъ мѣста въ комедіи, — да врядъ-ли есть оно для него и въ обыкновенной жизни. Тѣмъ ближе къ намъ и реальнѣе становится Альцестъ; его слабости и из-

[144]) Къ числу приведенныхъ уже объясненій пьесы прибавимъ самое новѣйшее. Недавно (12 марта нов. стиля) въ засѣданіи парижской Академіи политическихъ и нравственныхъ наукъ Поль Жане прочелъ послѣднюю главу изъ только что оконченнаго имъ изслѣдованія о „философіи Мольера". Въ этой статьѣ, насколько она намъ извѣстна по газетнымъ отчетамъ (вся работа Жане, группирующая вмѣстѣ съ тѣмъ и выводы изъ Тартюффа и Донъ-Жуана, какъ мы узнаемъ въ послѣднюю минуту, только что напечатана въ Revue des deux mondes, 15 марта), авторъ, справедливо возставая противъ односторонняго объясненія Альцеста, какъ комическаго характера, въ тоже время попытался представить новый выводъ изъ пьесы Мольера: „Добродѣтель и честь (формулируетъ этотъ выводъ г. Жане) должны держаться въ извѣстномъ отдаленіи отъ свѣта, но имъ не нужно изолироваться, искать убѣжища въ глуши, чтобы избѣгнуть близости людей,—потому что это была бы новая форма эгоизма. Человѣкъ честный долженъ сносить обязательства, порождаемыя приличіями или предразсудками общества, въ такой мѣрѣ, которая могла бы согласоваться съ его достоинствомъ,—и это онъ долженъ дѣлать безъ всякихъ эффектовъ, безъ вызывающихъ выходокъ, соблюдая сдержанность, которая при случаѣ была бы для него самого прибѣжищемъ". Авторъ, какъ видно, совершенно упустилъ изъ виду болѣзненность Альцеста, которая преждевременно сламываетъ его (не холодный же, разсчетливый *эгоизмъ* заставляетъ его искать спасенія въ пустынѣ), и искренность его, не допускающую никакихъ эффектовъ.

Digitized by Google

лишества заслоняетъ собою его коренная правдивость и стойкость убѣжденій; его мизантропическія вспышки отступаютъ на второй планъ передъ затаенными общечеловѣческими симпатіями. На немъ не только оправдывается остроумное замѣчаніе Беранже, утверждавшаго, что мизантропія ничто иное, какъ любовь, вошедшая внутрь (un amour rentré), но подтверждается неполнота этого опредѣленія: не только любовь къ одиночной женской личности, но и сочувствіе лучшимъ народнымъ силамъ, желаніе для нихъ свѣтлаго будущаго залегло въ душѣ Альцеста. Въ немъ дѣйствительно есть тѣ задатки, изъ которыхъ въ другой, болѣе благопріятной средѣ, выработался бы талантливый сатирикъ, публицистъ или ораторъ, умѣющій двигать массами, дѣйствующій на нихъ не фейерверкомъ фразъ, но благородствомъ убѣжденій. Старый газетчикъ недаромъ обмолвился, назвавъ его проповѣдникомъ. Дѣйствительно, онъ проповѣдникъ освобождающихъ идей; не худому училъ онъ и слова его западали въ душу многимъ поколѣніямъ, содѣйствуя ихъ нравственному воспитанію. Самъ онъ не смогъ вынести борьбу до конца, но на его ободряющій примѣръ могли потомъ опираться пошедшіе слѣдомъ за нимъ люди, одаренные большей энергіей и выдержкой.

И теперь, когда, наряду съ этою свѣтлой ролью его, мы вспомнимъ, сколько *своего*, личнаго, внесъ въ этотъ характеръ Мольеръ, какъ осложнилъ его изображеніе грустной повѣстью первой и послѣдней неудавшейся его любви, и когда вспомнимъ вопль отчаянія, съ которымъ Альцестъ исчезаетъ съ глазъ нашихъ, — намъ становится вполнѣ ясно, *что* хотѣлъ сказать Мольеръ своимъ Мизантропомъ.

Digitized by Google

IV.

Человѣческія поколѣнія, смѣняя другъ друга, вносятъ поочередно свой вкладъ не въ одну лишь сферу нравственныхъ принциповъ, соціальныхъ теорій, или научныхъ истинъ, воспринимая наслѣдіе предшественниковъ и затѣмъ внося въ него данныя, добытыя собственною жизненною работой. Тотъ же безконечный процессъ прироста и видоизмѣненія особенно близкихъ народному уму понятій происходитъ испоконъ вѣку въ міровой литературѣ и искусствѣ; нетолько исторія различныхъ художественныхъ школъ, безпрерывно смѣнявшихся и ведшихъ борьбу между собою, говоритъ намъ объ этомъ, — то, что въ наше время принято называть исторіею типовъ, служитъ однимъ изъ убѣдительнѣйшихъ свидѣтельствъ той живой *эволюціи*, которая отличаетъ въ сильной степени область художественнаго творчества. Такъ въ изученной нами въ иномъ мѣстѣ исторіи развитія литературнаго типа лицемѣра ясно обнаруживались всѣ существенныя измѣненія, которыя претерпѣвалъ этотъ типъ, сообразно народности, бытовымъ условіямъ, степени общественнаго и религіознаго развитія. Но и подобная исторія типовъ не исчерпываетъ еще собою эту преемственную работу человѣчества; мы найдемъ слѣдъ ея и въ совершенно своеобразной смѣнѣ различныхъ взглядовъ на *одни и тѣ-же* художественныя созданія. Эта честь, конечно, можетъ выпасть на долю лишь немногихъ, избранныхъ произведеній, характеровъ вѣчно живыхъ, общечеловѣческихъ. Въ то время какъ историку типа приходится отмѣчать сродство между различными лицемѣрами, многими

Digitized by Google

представителями разочарованности, педантизма, скупости и т. п., и Тартюффъ становится у него рядомъ съ Масеттой, Целестиной, аретиновымъ Ипокритомъ,—тутъ съ неустанной пытливостью мысль возвращается постоянно къ одному и тому-же характеру, пытаясь усвоить его себѣ, сближая его съ нравственнымъ содержаніемъ данной эпохи; повинуясь невольному стремленію, она рядитъ его въ современныя одежды, чтобъ онъ сталъ еще доступнѣе народному пониманію. И когда наблюдателю представляется возможность окинуть взглядомъ превращенія, послѣдовательно пережитыя такимъ характеромъ, онъ не можетъ не придти къ убѣжденію, что имѣетъ передъ собой проявленіе не выясненнаго еще историко-эстетическаго закона, который долженъ объяснить эту родовую связь нисходящаго ряда литературныхъ воззрѣній.

Наряду съ Гамлетомъ, истолкованіе котораго всевозможными школами до сихъ поръ не прекращается, мольеровскому Альцесту выпала завидная доля побуждать одни литературныя поколѣнія за другими къ попыткамъ доставить ему у себя полное право гражданства, назвать его вполнѣ своимъ. Классики, романтики, филантропы, республиканцы, Французы, Итальянцы, Англичане предъявляли свои права на завладѣніе этимъ характеромъ, и, переживая вмѣстѣ съ ними всѣ ихъ тревоги, проникаясь ихъ идеалами, онъ то и дѣло принималъ новое обличье, хотя основа оставалась неизмѣнно та-же, и борьба честной личности съ обществомъ не утрачивала нисколько своего ореола. Для такого протестующаго вольнодумца, какъ Альцестъ, каждая эпоха подставляла свою программу, намѣчая вопросы, которые въ данную минуту могли бы всего болѣе привлекать его или возмущать,—и, по отношенію къ чисто-человѣческимъ сторонамъ его, сочувствовала его рѣзкимъ странностямъ, сострадала его любви или же порицала его слабости и требовала сплошной энергіи.

На эту послѣдующую объяснительную работу мало обращается обыкновенно вниманія. Иногда ограничиваются (какъ сдѣлалъ это наприм. недавно Сарсэ) чрезвычайно общей ея

Digitized by Google

характеристикой, по большей же части сосредоточиваютъ всѣ наблюденія на полемикѣ Руссо противъ Альцеста, представляющей лишь одинъ изъ эпизодовъ борьбы; [145]) даже въ изданіи Менара упоминанія о различныхъ отдѣльныхъ явленіяхъ въ литературномъ потомствѣ Мизантропа выступаютъ безъ всякой внутренней связи съ вызывавшимъ ихъ настроеніемъ общества, литературы и политики. Попытаемся же сдѣлать починъ въ этомъ дѣлѣ,—и, добывъ уже единственно-возможнымъ положительнымъ методомъ художественный итогъ пьесы, какъ она задумана была Мольеромъ, тѣмъ съ бо́льшей объективностью вглядимся въ раскрывающуюся передъ нами пеструю „смѣсь одеждъ и лицъ, племенъ, нарѣчій, состояній".

Едва замолкли первые толки, порожденные появленіемъ комедіи, и безъименные авторы эпиграммъ и пасквилей, оскорблявшихъ память Мольера даже въ минуту смерти, [146]) перестали нагло выдавать созданіе характера Альцеста за такой же шутовской пріемъ настоящаго арлекина, какъ умѣнье передразнить глупца или плута, [147])—стали слышаться анализирующія сужденія и толкованія пьесы. Первыми отозвались просвѣщенные церковники, изъ небольшого кружка тѣхъ клерикальныхъ писателей, которые умѣли воздерживаться отъ нетерпимости Боссюэта или Бурдалу, находили большія достоинства у Мольера, но, съ своей умѣ-

---

145) Нѣкоторое исключеніе составляетъ добросовѣстная работа Огюста Видаля „Des divers caractères du misanthrope", 1851, въ которой собрано нѣсколько бѣглыхъ характеристикъ предшественниковъ и потомковъ Альцеста, но съ тою же отрывочностью и неполнотою, которая отличаетъ всѣ подобныя работы по настоящему вопросу.

146) Число эпиграммъ и насмѣшливыхъ эпитафій Мольеру было необыкновенно велико. Онѣ почти всѣ собраны недавно по случаю перепечатки сочувственной поэту „Oraison funèbre de Molière" par De Vizé, P. 1879. Темы ихъ очень не разнообразныя и остроуміе плоское.

147) Такъ смотритъ на него авторъ Enfer burlesque (Кёльнъ, 1677), говоря про арлекина-Мольера, что

Tantot ce digne personnage
Faisait voir dedans son visage
Les traits *d'un homme généreux*,
Tantôt d'un niais, tantôt d'un gueux.

Digitized by Google

ренной и строго-нравственной точки зрѣнія, видѣли существенную ошибку въ постановкѣ характера героя. Фенелонъ, поставивъ на видъ въ особомъ письмѣ къ академіи весь вредъ, проистекающій изъ поползновенія Мольера сдѣлать добродѣтель смѣшною, написалъ, нѣсколько въ стилѣ Лукіановыхъ разговоровъ, діалогъ Сократа, Алкивіада и Тимона. Съ первыхъ же словъ нетрудно увидать тутъ живой отголосокъ мольеровской пьесы; двое изъ разговаривающихъ, Алкивіадъ и Тимонъ, тѣ же Филэнтъ и Альцестъ. Первый, называемый здѣсь филантропомъ, высказываетъ примирительнѣйшіе взгляды, совѣтуетъ примѣняться къ людямъ, предоставлять обычаямъ и представленіямъ каждаго народа просторъ,—но уже у него есть задняя мысль, онъ желаетъ эксплоатировать общее довѣріе къ нему: „вездѣ, говоритъ онъ, я высказываю радость,—и дѣлаю изъ людей, что захочу (partout je me réjouis, et je fais des hommes ce que je veux). Наоборотъ Альцестъ-Тимонъ ненавидитъ людей не изъ безчеловѣчности, но невольно, за ихъ отталкивающія свойства.

Но Фенелонъ недаромъ обѣщалъ въ самомъ заглавіи изобразить нѣчто среднее (juste-milieu) между человѣколюбіемъ Алкивіада и мизантропіей Тимона,—и въ качествѣ истиннаго примирителя крайностей выступаетъ у него Сократъ. Его проповѣдь имѣетъ цѣлью водвореніе гуманныхъ отношеній къ людямъ; избѣгая политической разсчетливости Алкивіада, побуждающей его притворяться другомъ людей, слѣдуетъ, по его словамъ, любить людей не за ихъ коварство, но изъза возможности ихъ исправить, поднять нравственно. У автора очевидна мысль о необходимости существенной поправки къ мольеровскому изображенію Альцеста. Суровое, мрачное прямодушіе Тимона должно быть смягчено, въ христіанскомъ духѣ, сострадательной любовью, которою тутъ надѣленъ Сократъ, и истинный характеръ идеальнаго Альцеста долженъ сложиться лишь изъ этихъ двойственныхъ элементовъ. Мы видимъ тутъ первое проявленіе сожалѣнія о недостаточности нравственной силы и человѣколюбія у Альцеста, которому впослѣдствіи суждено получить широкое развитіе. Фенелонъ сочувствуетъ ему вообще, и въ примы-

Digitized by Google

кающемъ къ діалогу „проектѣ трактата о комедіи“ признаетъ, что Мольеръ великій комикъ,—но жалѣетъ о его слабости льстить черни и ради смѣха ея искажать основу характера образцоваго. Кто знаетъ, не исключилъ ли бы Фенелонъ изъ пьесы всѣ предосудительныя мѣста (еслибъ только имѣлъ на то право) и не далъ ли бы потомству что нибудь въ родѣ извѣстныхъ очищенныхъ изданій классиковъ для дѣтей!

Въ этой ранней формаціи Альцестъ становится такимъ образомъ представителемъ гуманнаго сердоболія, съ нѣсколько апостольскимъ оттѣнкомъ, — толкованіе естественное въ устахъ набожнаго и просвѣщеннаго духовнаго сановника, поставленнаго судьбой среди порочнаго общества и скорбящаго о паденіи добродѣтели. Иначе должна была взглянуть на него совершенно иная среда, въ гражданственномъ отношеніи болѣе здоровая, издавна служившая прибѣжищемъ для всѣхъ гонимыхъ Альцестовъ, защитниковъ развитія и свободы, Голландія. Ея писатели, болѣе привыкшіе къ смѣлости публицистики и сатиры, могли находить характеръ Альцеста не слишкомъ рѣзкимъ или комическимъ, но скорѣе недостаточно поглощеннымъ заботами практической жизни, дѣятельностью настоящаго исправителя злоупотребленій и нравовъ. Для болѣе сдержаннаго, трезваго голландскаго народнаго духа должна была, конечно, казаться не всегда понятною нервная горячность героя пьесы,—но онъ готовъ примириться и съ нею, предпочесть ее „подлой вѣжливости придворныхъ любезниковъ, у которыхъ слова утратили уже точный смыслъ,“—лишь бы всѣ богатыя душевныя силы этого человѣка были прямо примѣнены къ дѣлу. Такъ смотрѣлъ на него издатель названнаго уже нами сатирическаго журнала *Мизантропъ*, выходившаго въ Гаагѣ въ 1710 году въ подражаніе популярнымъ тогда англійскимъ сатирическимъ журналамъ. Онъ опредѣленно высказываетъ то, что уже грезилось въ извѣстной степени Фенелону: его смущаетъ эпитетъ мизантропа, приданный Альцесту и не подходящій вполнѣ къ его свойствамъ; онъ недоволенъ этимъ словомъ и какъ заглавіемъ

Digitized by Google

для журнала, и употребилъ его только за отсутствіемъ болѣе подходящаго термина. Не такіе бываютъ отъявленные мизантропы, и сочувствіе массы къ Альцесту вызвано въ немъ не глухимъ чувствомъ ненависти. Но, строго говоря, Альцестъ не совсѣмъ удовлетворяетъ и нашего положительнаго сатирика, щеголяющаго степенной разсудительностью [148]). Для него непонятна непослѣдовательность человѣка, который, „только что осыпавъ настоящаго друга тысячью рѣзкостей, идетъ вздыхать у ногъ совершенно порочной женщины, несмотря на то, что онъ вполнѣ знаетъ ее за такое существо, и, по своимъ убѣжденіямъ, долженъ былъ бы чувствовать къ ней лишь ненависть и презрѣніе“. Степенному нашему Фламандцу, который, такъ и кажется, вышелъ изъ рамки какой нибудь теньеровской картинки, непонятна та трагическая сторона въ судьбѣ Альцеста, которая проявляетъ собой великое мастерство Мольера. Вообще онъ бы хотѣлъ видѣть мудраго мизантропа, всецѣло преданнаго разуму, и, допуская извѣстное снисхожденіе къ образу мыслей его соотечественниковъ, ратующаго на дѣлѣ противъ различныхъ золъ современности.

И, стараясь доказать это собственнымъ примѣромъ, какъ бы надѣвая на самого себя маску такого преображеннаго мизантропа, редакторъ и единственный сотрудникъ этого оригинальнаго журнала осуществляетъ въ немъ программу дѣятельности, которая подобала бы людямъ въ родѣ Альцеста. Въ своихъ статьяхъ и очеркахъ онъ заступается за свободу совѣсти, нападаетъ на недостатки суда, воспитанія, на современную язву петиметрства (противъ котораго такъ воюетъ вся сатира прошлаго вѣка), на притворство въ церковной и общественной жизни, на паденіе литературы, причиняемое плохими стихотворцами. Альцестъ такимъ образомъ становится тутъ трезвымъ, практическимъ дѣятелемъ, гражданиномъ дѣятельно перевоспитывающагося свободнаго государства, иногда такимъ же смѣлымъ ораторомъ, какимъ

[148]) Тѣмъ не менѣе онъ высоко цѣнитъ нравственное значеніе подобныхъ произведеній для потомства и высказываетъ желаніе, чтобъ въ воспитаніе молодежи непремѣнно входило знакомство съ произведеніями Мольера.—Le misanthrope, 2-e édition, II vol., p. 386.

Digitized by Google

онъ былъ у Мольера, подъ часъ даже прямо публицистомъ. Его дворская обстановка и высокія связи стали недоступны пониманію демократической публики, и она постаралась перевести его поближе къ себѣ, сдѣлать его совершенно своимъ человѣкомъ.

Тотъ же процессъ демократизаціи Альцеста произведенъ былъ однимъ изъ выдающихся комическихъ писателей поры англійской реставраціи, Уичерли[149]). Сидя въ тюрьмѣ за долги, онъ случайно остановился на мысли попытаться переложить Мизантропа на англійскіе нравы, и тѣмъ, быть можетъ, поправить свое положеніе. Переиспытавъ много на своемъ вѣку, принужденный вращаться въ обществѣ невысокаго полета, гдѣ игроки, куртизанки, закладчики, мелкіе сутяги адвокаты, всевозможные искатели приключеній сбивались постоянно въ пеструю толпу, онъ могъ лишь по своему понять смыслъ появленія среди нея прямодушнаго и правдиваго человѣка. Атмосфера, окружавшая Альцеста, сразу значительно понижается. Отъ него отпадаетъ все развитіе, весь свѣтскій лоскъ, высокія общественныя требованія; онъ уже не въ изящномъ кафтанѣ съ зелеными лентами, но въ грубой рабочей одеждѣ капитана корабля, и на его складъ ума, на его рѣчи и отзывы о людяхъ наложила сильный отпечатокъ постоянная жизнь на морѣ, борьба съ бурями и непріятелемъ. Если у мольеровскаго героя сказывалась въ рѣчахъ и дѣйствіяхъ значительная смѣлость, то у его англійскаго двойника, капитана Мэнли (Manly) она развилась въ отчаянную храбрость,—онъ разъ пустилъ ко дну корабль, чтобъ онъ не достался Французамъ. Презирая опасности, онъ и на сушѣ вращается смѣло въ самой неприглядной средѣ, не стѣсняясь говорить всѣмъ правду въ глаза, а при случаѣ пробивая себѣ дорогу или отстаивая свои права силой. Людямъ онъ не вѣритъ, и готовъ постоянно повторять, что у человѣка можетъ быть въ жизни лишь одинъ другъ, и единственная, первая и послѣдняя любовь.

---

[149]) The plain dealer, by William Wycherley. Сочиненія его были изданы Ли Гонтомъ (Leigh Hunt) въ 1840 году.

Digitized by Google

Онъ и искалъ долго подобной привязанности среди того общественнаго слоя, гдѣ приходится вращаться вѣчно работящему моряку во время его рѣдкихъ появленій на сушѣ;—казалось бы, это трудъ напрасный, но ему почудилось, что онъ нашелъ наконецъ честную и любящую женщину. По своему онъ идеализируетъ Оливію, ради нея готовъ даже совсѣмъ отказаться отъ жизни на морѣ и зажить настоящимъ семьяниномъ, — но въ минуты негодованія способенъ осыпать ее страшнѣйшими укоризнами и матросской бранью: заставъ у Оливіи толпу посѣтителей, онъ не скупится на презрительныя имена для нихъ, разгоняетъ ихъ всѣхъ, и почти прямо приравниваетъ Оливію къ продажнымъ, публичнымъ женщинамъ, „изъ тѣхъ, что гнѣздятся позади Тоуэра“.

Селимена также утратила много изящества, освоившись на англійской народной почвѣ, хотя взамѣнъ того въ ней проглянули живыя черты мѣстнаго быта. Оливія дѣйствительно вульгарная англійская кокетка низшаго разбора, распространяющая сферу своихъ дѣйствій на задворки общества и не отступающая передъ обманомъ, кражей, бѣгствомъ съ чужими деньгами. Стоитъ заглянуть въ любой изъ современныхъ намъ англійскихъ процессовъ на подобную тему, чтобъ увидать, какъ живучъ этотъ типъ англійскихъ женщинъ до сихъ поръ: въ исторіи какого нибудь наивнаго пріѣзжаго провинціала или, что еще чаще, моряка, не привыкшаго къ столичнымъ трущобамъ, является постоянно эта сирена—Оливія, которая изъ агнца кротости неожиданно превращается въ опытную и безстыдную авантюристку. Такова и героиня Уичерли. Она скорѣе просто чувственная натура, чѣмъ побѣдоносная кокетка; авторъ заставляетъ ее даже въ концѣ пьесы внезапно влюбиться въ безбородаго мальчика (переодѣтую женщину) и изъ-за его красоты пуститься въ цѣлый рядъ обмановъ и низостей. Тѣмъ ужаснѣе разочарованіе Мэнли, когда отъ видитъ себя совсѣмъ осмѣяннымъ и опозореннымъ. Оглядываясь послѣ этого послѣдняго удара на все, что окружаетъ его, на всю грязь и сутолоку жизни, онъ въ состояніи придти къ чисто тимоновскому

Digitized by Google

убѣжденію, замыкающему собою пьесу: „не слѣдуетъ ничему вѣрить, ни слезамъ, ни клятвамъ, ни любви, ни другу еще не испытанному на дѣлѣ". Авторъ увидалъ необходимость смягчить впечатлѣніе этого мрачнаго разочарованія, и ввелъ въ пьесу, вмѣсто Эліанты, одно изъ многочисленныхъ повтореній шекспировской Віолы, граціозную головку изъ кипсека; она вездѣ слѣдуетъ за любимымъ ею Мэнли, переодѣтая мужчиной, сноситъ все, даже сцены любви его къ ея соперницѣ, и подъ конецъ спасаетъ его. Но она словно тутъ не у мѣста; на первомъ планѣ стоятъ личности совсѣмъ другого пошиба, и въ ихъ изображеніи Уичерли является настоящимъ сатирикомъ. Нужды нѣтъ, что иныя сцены скопированы въ общихъ чертахъ съ мольеровскихъ (и притомъ не изъ одного лишь Мизантропа, но и изъ Школы женщинъ),—въ нихъ выступаетъ настоящая лондонская жизнь конца семнадцатаго столѣтія въ цѣлой группѣ типическихъ представителей. Судейскій бытъ, лишь издали показанный въ пьесѣ Мольера, здѣсь живо освѣщенъ благодаря эпизодическому лицу, старухѣ Блекэкръ, вѣчно ведущей процессы и знающей всѣ ходы и выходы суда. Филэнтъ получилъ новый оттѣнокъ, превратившись въ флегматическаго съ виду англійскаго лорда, охотно окунающагося до общественныхъ подонковъ и проповѣдующаго довольно двусмысленную мораль, которая позволяетъ всегда хорошо говорить о людяхъ, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда ихъ нѣтъ на лицо. Это — одинъ изъ тѣхъ пошлыхъ аристократовъ, которыхъ въ слѣдующемъ столѣтіи будутъ съ такимъ умѣньемъ рисовать Фильдингъ, Ричардсонъ и другіе родоначальники новаго романа.

Всѣмъ имъ рѣжетъ правду въ лицо герой пьесы. Онъ и характеризованъ не мизантропомъ, не проповѣдникомъ, — онъ просто *Plain-dealer*, потому что дѣйствуетъ всегда на чистоту, не знаетъ церемоній, кидается съ каждымъ врагомъ прямо на абордажъ. Конечно, иногда онъ можетъ быть слишкомъ рѣзокъ, но и это опять вытекаетъ изъ всей постановки характера. Нечего его сравнивать съ Мизантропомъ, сцена за сценой, нечего выводить изъ этого сравне-

Digitized by Google

нія слишкомъ порицающее сужденіе объ англійской комедіи. Передъ нами просто новое видоизмѣненіе коренного характера, принявшее всю окраску отъ времени, національности и среды. И что пьеса эта (на которую Маколей [150]) напрасно извергаетъ однѣ лишь высоко-нравственныя укоризны) была вѣрна дѣйствительности,—доказываетъ особенная популярность ея въ Англіи и въ пору появленія, и въ восьмнадцатомъ вѣкѣ (упомянемъ кстати и объ томъ, что ею бѣдный арестантъ достигъ и другой цѣли,—Яковъ II, узнавъ, что онъ все еще находится въ тюрьмѣ, неожиданно назначилъ пенсію столь талантливому писателю).

На такое истолкованіе Альцеста, грубовато-мужественнаго, неспособна была Италія прошлаго вѣка, быстро обезличивавшаяся и слабѣвшая духомъ. Она рано уже имѣла свой переводъ Мизантропа [151]), но, когда попыталась выставить сколько-нибудь самостоятельное переложеніе его на итальянскіе нравы, она способна была лишь на слабые, совсѣмъ блѣдные образы. Въ названной уже выше пьесѣ неизвѣстнаго автора (Il misantropo a caso maritato) герой, не покидающій тутъ имени Альцеста, показанъ въ семейной обстановкѣ; онъ племянникъ зажиточнаго стараго дворянина, Пандольфа, которому причиняетъ много заботъ своею дикостью и безтолковостью; дядя хочетъ непремѣнно женить его по собственному вкусу, несмотря на нерасположеніе его къ браку, и благословляетъ свою необразованность, которая дала ему прожить хорошо, никогда не помѣшавъ распознавать добро отъ зла. У Альцеста же все дурное происходитъ отъ излишнихъ знаній; весь кабинетъ его заваленъ книгами,

---

150) The comic writers of the Restauration (Critic. and histor. essays); въ обычномъ тонѣ отзывовъ о пьесѣ Уичерли видѣнъ постоянно отголосокъ сужденій Маколея, безъ ихъ провѣрки данными самой пьесы.

151) Переводъ этотъ находится во второмъ томѣ Opere del Moliere tradotte da N. Castelli, Lipsia, 1698. За два года передъ тѣмъ неизвѣстнымъ авторомъ было составлено на итальянскомъ языкѣ либретто оперы на сюжетъ Тимона (il Timone Misantropo, dramma per musica all'augustissima maesta cesaree nel carnevale dell'anno 1696 in Vienna etc.).—См. Lione Allacci, Dramaturgia, Venezia, 1765, pp. 765 e 532.

Digitized by Google

атласами, гербаріями, скелетами,—и это-то и сдѣлало его нелюдимомъ и грубымъ. Такъ и поясняетъ это Пандольфъ служанкѣ Элизѣ: in fin tu sai, che un filosofo egli é, *cio é a dir brutale* (наконецъ ты вѣдь знаешь, что онъ философъ, т. е. человѣкъ свирѣпый). Героиней пьесы является просто вѣтреная дѣвушка, которая хотѣла позабавиться, приручивъ нелюдима и сдѣлавъ его смирнымъ обожателемъ. На всемъ лежитъ отпечатокъ безобидной насмѣшливости; передъ нами семейная картинка, и Альцестъ является чѣмъ то въ родѣ отбившагося отъ рукъ cadet de bonne maison, слишкомъ заучившагося или же просто непокорнаго, — какими часто судьба награждаетъ самыя степенныя столбовыя фамиліи, словомъ, чѣмъ-то въ родѣ грибоѣдовскаго „химика и ботаника князь-Ѳедора".

Но немногимъ выше и другое итальянское переложеніе нашей темы, хотя и принадлежитъ оно перу человѣка съ извѣстной писательской репутаціей. Въ запискахъ Гольдони [152]) находимъ живое отраженіе необыкновеннаго впечатлѣнія, которое произвело на него видѣнное въ Парижѣ, на сценѣ Théâtre français, исполненіе мольеровскаго Мизантропа. Вообще чрезвычайно воспріимчивый и увлекающійся, онъ не зналъ, чему болѣе всего удивляться, глубинѣ ли мыслей или изяществу стиха, или наконецъ искусству актеровъ. Все слилось у него въ такую обольстительную картину, что онъ не могъ сдержать чувство соревнованія и далъ себѣ слово когда нибудь написать пьесу, которая хотя нѣсколько могла бы приблизиться къ этому образцовому произведенію, — и вдобавокъ, ему хотѣлось именно написать ее по-французски. Исполненіемъ этого обѣщанія была очень популярная въ свое время и во Франціи и въ Италіи пьеска Le bourru biénfaisant, или подъ итальянскимъ ея титуломъ *Il burbero benefico* (Чудакъ-филантропъ) [153]).

[152]) Mémoires de Goldoni (Collection des mémoires sur l'art dramatique, 4 livraison), II, 173.

[153]) Свое удивленіе Мольеру Гольдони выразилъ между прочимъ и въ особой пьесѣ „Il Moliere, commedia in 5 atti, rappresentata in Torino, 1751, гдѣ вывелъ въ лицахъ интимную исторію поэта.

Digitized by Google

Но очень отдаленнымъ отзвукомъ исторіи Альцеста явилась она, не подойдя къ мольеровской пьесѣ и по внѣшнему своему складу, и по обрисовкѣ характеровъ, окрашенной тою добродушной наивностью, которая вообще составляетъ одну изъ особенностей стиля Гольдони. Фабула совершенно измѣнена, такъ что все кокетство Селимены, чье изображеніе было бы слишкомъ непосильно для незлобиваго автора, исчезло изъ пьесы. Альцестъ, носящій тутъ имя Жеронта, постарѣлъ, не покинулъ свѣта или, быть можетъ, возвратился изъ своего уединенія и живетъ своимъ домомъ, вмѣстѣ съ дѣтьми своего брата; но старая невоздержность въ рѣчахъ осталась за нимъ; онъ страшно горячъ, и въ эти минуты донельзя пугаетъ всѣхъ своими рѣзкими пріемами. Но это крутое своенравіе скрываетъ за собой очень доброе сердце; онъ — мученикъ своего темперамента, и часто хотѣлъ бы сдѣлать гуманный поступокъ, приласкать слабое существо, но при малѣйшемъ противорѣчіи весь вспыхиваетъ, забывается, и портитъ все дѣло. Онъ сознаетъ, что слѣдовало бы выдать замужъ племянницу, но онъ не дастъ ей назвать имени человѣка, котораго она любитъ, да и попавъ разъ на вопросъ о бракѣ, невольно вдается въ свои обычные нападки на брачную жизнь, лишающую человѣка свободы и спокойствія (Volete maritarvi? Perdere la liberta, la tranquillita? Ebbene, tanto peggio per voi. Si, vi maritero; atto I, 1). Филэнта пьесы зовутъ Дорвалемъ; къ его обществу прибѣгаетъ Жеронтъ всегда, когда сильно взволнованъ, усаживаетъ его за шахматы и старается развлечься. Подобная сцена между ними, которою открывается второй актъ, напоминаетъ, по тону, стычки Альцеста съ Филэнтомъ (Жеронтъ кстати попрекаетъ своего собесѣдника и флегматичностью,—voi con *la vostra flemma* mi fareste arrabbiare). Но житье въ мѣщанской средѣ испортило характеръ и этого потомка Альцеста; онъ не высказываетъ уже широкаго протеста противъ общихъ золъ, но негодуетъ скорѣе на вѣтреность женщинъ, на неповоротливость слуги, на кутежи и игру племянника; онъ даже доходитъ до того, что въ одной сценѣ (II, 14), казалось, скопированной со сцены между Альцестомъ и его слугою Дюбуа, онъ въ запальчивости бьетъ его

Digitized by Google

ни за что, и потомъ (точно купецъ Островскаго или помѣщикъ стараго времени) хочетъ деньгами заставить его забыть обиду. Иной разъ онъ способенъ весь домъ разогнать своими выходками, — но уже самый титулъ пьесы заранѣе подѣйствовалъ на зрителя успокоительно, — въ концѣ концовъ страхъ этотъ уступитъ мѣсто радости, и ворчунъ долженъ оказаться на дѣлѣ благодѣтелемъ и филантропомъ. Къ этой конечной цѣли и спѣшитъ дѣйствіе комедіи, все болѣе принимая оттѣнокъ чувствительности и торжества добраго начала; и дѣйствительно, пьеса оканчивается при громкихъ виватахъ прямодушному хозяину дома, который устроилъ счастіе влюбленныхъ, спасъ погибавшихъ и т. д.

И такъ, и эта пьеса, какъ бы легко она ни смотрѣлась на сценѣ, какъ бы характеръ Жеронта ни былъ выпукло обрисованъ [154]),—является снова прѣснымъ переложеніемъ сильной и глубокой темы; вмѣсто произведенія съ соціальнымъ значеніемъ, мы имѣемъ передъ собой невинную комнатную комедію, которая отлично можетъ обойтись тремя единствами. Все это—естественныя слѣдствія итальянскихъ жизненныхъ условій прошлаго вѣка; задавленная и вдвинутая въ тѣсныя рамки домашней, кабинетной жизни, общественная мысль мельчала и безсильна была подняться до высокаго пониманія рѣзкаго протеста или міровой скорби. Ея дѣятели воздѣлывали дома цвѣты невиннаго юмора или сладостной поэзіи, или же десятками шли на чужбину, въ Парижъ, Вѣну, чтобъ тамъ, въ часто двусмысленномъ положеніи наемныхъ стихотворцевъ услаждать досуги иноземныхъ дворовъ, часто враждебныхъ Италіи. Оттого-то настоящій Альцестъ былъ имъ не по плечу, и, чтобъ освоиться съ нимъ, они обезличивали его на свой образецъ, оставляя за нимъ внѣшнія черты, но лишая его внутренняго огня и честнаго негодованія. А между тѣмъ все вокругъ нихъ, ка-

---

154) Это однако не даетъ намъ права утверждать, вмѣстѣ съ Гверцони (Il teatro italiano nel secolo XVIII, Milano, 1876, 264), что пьеса Гольдони служитъ „архи-типомъ того, что на школьномъ языкѣ принято называть комедіей характеровъ“. За исключеніемъ Жеронта, остальныя дѣйствующія лица—условные комическіе манкены избитаго сорта.

Digitized by Google

залось, располагало бы людей съ головою скорѣе къ неутѣшной мизантропіи: и зрѣлище раздробленной страны, и паденіе патріотизма, апатія и безпечность массы, отсутствіе простора для развитія личности. Сѣмя, брошенное мольеровской пьесой, не могло бы упасть на болѣе благопріятную почву. Но для мужественныхъ словъ или же для искренноглубокой гражданской скорби въ ту пору еще не наступило время въ Италіи; лишь черезъ нѣсколько десятилѣтій раздадутся въ ней, отдаваясь изъ края въ край, мощные диѳирамбы свободѣ и протесты противъ общественнаго паденія, но не изъ устъ какихъ нибудь Гольдони, Метастазіо или Зено, но изъ полной груди Альфьери, молодого Монти, Леопарди...

Но въ то время, какъ Италія прошлаго вѣка могла довольствоваться слабыми копіями съ превосходнаго оригинала, современная ей Франція, вступивъ въ великій періодъ своего умственнаго и соціальнаго перерожденія, не могла не обратиться съ благодарной памятью къ имени того, кто былъ однимъ изъ предтечъ новаго движенія и своими единичными усиліями пролагалъ ему путь, не видя себѣ почти ни въ комъ поддержки. Всѣ оттѣнки въ большомъ станѣ дѣятелей просвѣтительной поры какъ будто соревновали въ своихъ симпатіяхъ къ старому мизантропу. Сторонники чистаго энциклопедизма, подобно Даламберу, дружно пѣли хвалы Альцесту за его борьбу противъ предразсудковъ и неустройствъ общественныхъ; поклонники гуманной филантропической дѣятельности, падкіе на всякіе эксперименты надъ человѣческой природой, любили тѣшиться мыслью о той дѣятельности, которой Альцестъ долженъ былъ предаться въ своей пустынѣ, о его столкновеніяхъ съ деревенской дѣйствительностью и о смягчающемъ воздѣйствіи ихъ на его характеръ; наконецъ, и въ такомъ совершенно независимомъ отъ всякихъ партій отшельникѣ отъ міра и меланхолическомъ мыслителѣ, какъ Руссо, образъ мизантропа, впервые вызванный къ жизни Мольеромъ, возбудилъ много думъ, соображеній и пожеланій, вызвалъ его на обстоятельный критическій обзоръ пьесы и даже на творческія грезы.

Digitized by Google

Эти мнѣнія должны были встрѣтиться рано или поздно,— и вокругъ Альцеста завязалась въ первый разъ оживленнѣйшая полемика, — одинъ изъ самыхъ любопытныхъ эпизодовъ въ литературной исторіи прошлаго вѣка. Исполнялось на дѣлѣ давнее предсказаніе. Пьеса, опередившая свое время, дожила наконецъ до той поры, когда интеллигентнѣйшая часть общества приняла ее близко къ сердцу, съ любовью изучала ее и находила отраду въ борьбѣ, начатой для отстоянія ея памяти.

Первый толчокъ къ полемикѣ былъ поданъ Руссо. Едва оправившись отъ сильнаго впечатлѣнія, которое вездѣ произвела заявленная имъ въ знаменитомъ отвѣтѣ Дижонской академіи парадоксальная теорія о вредѣ возрожденія наукъ и искусствъ, [155]) обширный уже тогда кругъ приверженцевъ просвѣтительнаго движенія былъ снова озадаченъ новымъ, не менѣе рѣшительнымъ заявленіемъ тѣхъ же взглядовъ, примѣненнымъ въ частности къ доказательству вреда театра. Въ отвѣтъ на статью Даламбера о Женевѣ, помѣщенную въ седьмомъ томѣ Энциклопедіи и высказывавшую между прочимъ сожалѣніе, что важный умственный и религіозный центръ французской Швейцаріи чуждается устройства постоянной сцены, которая могла бы оживить монотонный характеръ его жизни,—Руссо выступаетъ съ суровымъ обличеніемъ нетолько темныхъ сторонъ театральнаго быта, способнаго, по его мнѣнію, привить неиспорченной еще массѣ пагубные пороки, но и вреда, наносимаго народной нравственности господствующимъ направленіемъ драматическихъ произведеній, опирающихся на соблазнительное обаяніе сценической обстановки [156]). Въ развитіи своей теоріи, какъ бы она ни

---

155) См. любопытный сборникъ всѣхъ возраженій и отвѣтовъ, вызванныхъ разсужденіемъ Руссо (всего 19 статей), изданный въ 1753 году въ Готѣ, у Мевіуса: Recueil de toutes les pièces qui ont été publiées à l'occasion du discours de Mr J. J. Rousseau sur cette question proposée par l'Académie de Dijon, si le rétablissement des sciences et des arts a contribué à épurer les moeurs, 2 тома.

156) J. J. Rousseau, citoyen de Genève, à Mr D'Alambert sur son article Genève dans le VII volume de l'Encyclop., Amsterdam, Marc Michel Rey, 1758.

Digitized by Google

казалась одностороннею, Руссо явился вполнѣ послѣдовательнымъ, вѣрнымъ завѣтной своей проповѣди объ отреченіи отъ нѣжащей и разслабляющей цивилизаціи, и о возвращеніи къ бодрому и свѣжему, естественному складу жизни. Понятно, что душныя театральныя залы, въ которыхъ массы народа насилуютъ свою нервную систему, страстно слѣдя за досужими вымыслами поэта и въ мечтахъ своихъ рисуя всевозможныя болѣзненныя грёзы,—понятно, повторяемъ, что онѣ не могли казаться Руссо настоящими разсадниками здоровыхъ, возрождающихъ возбужденій, и онъ, споря съ Даламберомъ, могъ вполнѣ серьозно противополагать театру простодушные виды стараго женевскаго веселья, игры, пѣсни, катанье по озеру, упражненія на открытомъ воздухѣ и т. д.

Но не ради новаго развитія любимой темы взялся въ данномъ случаѣ авторъ за перо. Его заявленіе удовлетворяло болѣе глубокой внутренней потребности; оно тѣсно связано съ его душевнымъ настроеніемъ, оно услаждало его одиночество, и, выступая на его защиту, возставая противъ театра, онъ возставалъ тѣмъ самымъ и противъ всего склада городской жизни, ставшей для него такою антипатичною. Изъ своего затишья, окруженнаго мягкими лѣсными ландшафтами, онъ съ грустью смотрѣлъ на безумную, разслабляющую суету мнимо-цивилизованнаго быта. Самая книга его писалась въ унылыя минуты: „онъ былъ боленъ и печаленъ“; еслибъ не поддерживала его мысль объ исполненіи долга, онъ сто разъ брбсилъ бы свою рукопись въ огонь, — и, втягиваясь въ работу, изобрѣтая различныя отступленія и поясненія, онъ длилъ ее, находя въ этомъ удовольствіе (предисловіе, стр. XIV—XV). Онъ находился совершенно въ положеніи Альцеста, не ужившагося съ обществомъ, и нетолько составившаго планъ полнаго разрыва съ нимъ, но и приведшаго его въ исполненіе. Отшельническій пріютъ его въ Эрмитажѣ былъ для него тою *пустыней*, которая для мольеровскаго героя представлялась вообще въ неясномъ видѣ; онъ уже испыталъ одиночество, пытался закалить себя въ немъ, и научился высоко цѣнить свою душевную независимость. Давно уже его противники

Digitized by Google

при случаѣ любили попрекнутъ его сходствомъ съ мизантропомъ Мольера, [157]) находя, что онъ усвоилъ себѣ слишкомъ презрительное отношеніе къ людямъ. Да и онъ самъ, въ своихъ возраженіяхъ критикамъ его дижонской рѣчи, не соглашаясь признать въ себѣ презрѣніе, тѣмъ не менѣе какъ бы раздѣляетъ вообще такой взглядъ, и выступаетъ защитникомъ отчужденія отъ людей, житья въ безвѣстности и одинокаго размышленія.

Удивительно-ли послѣ этого, что въ своемъ строгомъ приговорѣ противъ драмы онъ сдѣлаетъ особое исключеніе для Мизантропа и что онъ долго остановится на изученіи и этой пьесы и ея главнаго героя, столь близкаго ему по духу! Вездѣ видно, съ какою необыкновенной внимательностью изучилъ онъ пьесу (замѣтимъ кстати, что, по его собственному признанію, онъ дѣлаетъ свои цитаты на память, такъ какъ не имѣетъ у себя книгъ) и какъ много думалъ надъ каждымъ художественнымъ пріемомъ Мольера, котораго привыкъ считать лучшимъ изъ всѣхъ когда либо писавшихъ комическихъ авторовъ (on convient et on le sentira chaque jour davantage, que Molière est le plus parfait Auteur comique dont les ouvrages nous soient connus,—p. 50). Но на первый разъ насъ можетъ поразить, что авторъ, оговорившись, что не уступитъ никому въ удивленіи Мольеру, находитъ много возраженій противъ пониманія имъ характера Альцеста, и въ результатѣ приходитъ къ необходимости включить и эту превосходную пьесу въ свой общій строгій приговоръ новѣйшей драмѣ,—и трудно даже представить, сколько бумаги было исписано всѣми участвовавшими въ полемикѣ съ Руссо, чтобъ опровергнуть его доводы, сколько усилій тратится порою даже теперь иными изслѣдователями вопроса ради той же цѣли. Необходимо поэтому вникнуть внимательнѣе въ высказанныя Руссо критическія замѣчанія, разъяснить кажущееся противорѣчіе и увидать, насколько оправдывается на дѣлѣ все это неистощимое полемическое усердіе.

Исходной точкой его анализа является предубѣжденіе про-

---

[157]) Въ назван. сборникѣ, Recueil de toutes les pièces, etc., томъ II, стр. 45.

Digitized by Google

тивъ приписываемой имъ Мольеру склонности приносить даже добродѣтель въ жертву потребности смѣха. Мы видѣли, что это предубѣжденіе высказывалось уже представителями совсѣмъ иной, клерикально-литературной партіи, — но ошибочно было бы думать, что побужденія въ обоихъ случаяхъ были одинаковы. Людьми въ родѣ Фенелона могла руководить щепетильная заботливость объ охраненіи христіанской нравственности, ничѣмъ не оскорбляемой въ комедіи Мольера, и малѣйшій намекъ они готовы были обобщать, какъ дѣлали это такіе же ревнители благочестія въ пору появленія Тартюффа, усиливаясь доказывать, что въ немъ осмѣяно не ханжество только, а сама вѣра. На Руссо же производили тяжелое впечатлѣніе нѣкоторыя комическія стороны въ характерѣ Альцеста,—потому что онъ любилъ этого не людима, сочувствовалъ ему, — скажемъ прямо, потому, что Альцестъ былъ плотью отъ плоти его и костью отъ его костей. Ему хотѣлось бы, чтобъ трагическая судьба такого непонятого человѣка производила сплошь сильное впечатлѣніе, воспитывающее, а не смѣшащее зрителей; онъ находилъ прозвище мизантропа, приданное ему, неточнымъ, потому что „настоящій мизантропъ просто чудовище“; Альцестъ же „ненавидитъ не людей, но ихъ пороки и общую снисходительность къ этимъ порокамъ; еслибъ не было ни плутовъ, ни льстецовъ, онъ полюбилъ бы весь свѣтъ,—*да и нѣтъ вообще честнаго человѣка, который не былъ бы самъ мизантропомъ въ этомъ смыслѣ*“. Но вмѣстѣ съ тѣмъ Руссо хотѣлось бы видѣть у Альцеста болѣе стойкости и энергіи; онъ долженъ былъ бы мужественнѣе переносить удары судьбы,—„пусть лживая женщина измѣняетъ ему, недостойные пріятели покрываютъ его безчестьемъ, а слабые друзья покидаютъ его,—онъ долженъ сносить это безропотно, ибо онъ знаетъ людей“. Словомъ, онъ недоволенъ тѣмъ, что Альцестъ можетъ быть признанъ мизантропомъ лишь въ половину, и ищетъ тому объясненія въ потребностяхъ театральныхъ, которыя могли заставить Мольера ослабить и смягчить рѣзкости характера героя. Самъ Руссо допускаетъ, что такая пьеса, чье главное дѣйствующее лицо вполнѣ подходило бы къ его

Digitized by Google

требованіямъ, навѣрно не имѣла бы успѣха въ публикѣ, и въ особенности французской.

То же ошибочное представленіе заставило Руссо счесть за „добродѣтельное лицо“ пьесы Филэнта, и онъ не щадитъ остроумныхъ насмѣшекъ, чтобъ достойно заклеймить по этому поводу всѣхъ лично ему ненавистныхъ, самодовольныхъ, вѣчно спокойныхъ защитниковъ умѣренности, тормозящихъ всякое движеніе впередъ своимъ восхваленіемъ даннаго порядка вещей; онъ доходитъ даже до того, что считаетъ мораль, развиваемую Филэнтомъ, моралью настоящаго плута (fripon) и съ оттѣнкомъ ироніи сожалѣетъ, что авторъ не догадался дать Филэнту болѣе активную роль въ пьесѣ и показать, какъ этотъ человѣкъ, въ такой степени флегматично взирающій на общія бѣдствія, способенъ бѣситься отъ малѣйшей невзгоды, касающейся лично его. Словомъ, по мнѣнію Руссо, настоящее добродѣтельное лицо пьесы слишкомъ обезцвѣчено человѣческими слабостями и смѣшными крайностями, и взамѣнъ того его роль навязана жалкой, двусмысленной личности, истолковательницѣ самой пошлой морали.

Въ этихъ заботахъ о возстановленіи вполнѣ симпатичнаго образа Альцеста Руссо можетъ показаться иногда слишкомъ нетерпимымъ, черезъ чуръ неумолимымъ поклонникомъ послѣдовательности, врагомъ слишкомъ сложныхъ натуръ, — но онъ всегда искренъ и не впадаетъ въ несправедливость. Онъ не въ состояніи сплошь порицать Мольера за нравственный ущербъ, нанесенный имъ герою, — онъ не скрываетъ отъ насъ, что въ пьесѣ есть мѣста, производящія прямо противоположное, симпатичное впечатлѣніе. Нельзя сказать, говоритъ онъ, чтобъ Альцестъ былъ и у Мольера сплошь комическимъ лицомъ,—и при этомъ ему вспоминаются герои болѣе раннихъ, веселыхъ мольеровскихъ комедій, которые, не переставая, смѣшатъ публику своими угловатыми ужимками. Про Альцеста нельзя сказать того же,—иногда зритель невольно чувствуетъ къ нему уваженіе и сочувствіе. Руссо съ удовольствіемъ отмѣчаетъ этотъ фактъ, и, чтобъ объяснить его, старается увѣрить себя, что въ эти минуты богатая художественная натура Мольера нападала на на-

Digitized by Google

стоящій путь какъ бы противъ его воли, заставляя его безсознательно воздать должное характеру, односторонне понятому имъ (стран. 58—59).

Эта самая оговорка, показавшаяся критику необходимою, приходится совершенно кстати, чтобъ дорисовать намъ настоящее отношеніе Руссо къ мольеровской пьесѣ. Онъ порицалъ ее и какъ лицо въ значительной степени заинтересованное, и вмѣстѣ съ тѣмъ невольно вторя заявлявшимся вокругъ него мнѣніямъ о комическомъ значеніи характера Альцеста. Взамѣнъ того, онъ набрасываетъ свой силуэтъ мизантропа,—и, странное дѣло, этотъ силуэтъ донельзя похожъ на тотъ образъ Альцеста, который сложился у насъ послѣ точнаго анализа пьесы и который мало по малу становится достояніемъ всей современной намъ критики. Для насъ уже Альцестъ не смѣшонъ, а привлекателенъ; зритель съ грустью разстается съ нимъ, сопровождая его втеченіе всей пьесы своимъ сочувствіемъ, забываетъ его слабости и цѣнитъ гуманное отношеніе къ нимъ автора. Руссо является такимъ образомъ настоящимъ провозвѣстникомъ вѣрнаго взгляда на настоящую пьесу, и хотя и высказываетъ между прочимъ мысль, что слѣдовало бы написать новаго Мизантропа (стран. 66), въ совершенно иномъ духѣ, но самъ останавливается въ недоумѣніи передъ нѣкоторыми частностями комедіи, какъ бы находя, что тѣ мысли, которыя самому ему грезятся, уже намѣчены были и отчасти развиты самимъ Мольеромъ.

Когда, послѣ появленія письма Руссо, отовсюду посыпались возраженія на него, [158]) эта полемика приняла ожив-

[158]) Начало, строго говоря, было сдѣлано Даламберомъ: Lettre à mr J. J. Rousseau sur l'article Genève etc., Amsterdam, Zacharie Chatelain, 1759. Но за годъ передъ тѣмъ появилась уже брошюра Лаваля: P. A. Laval, comédien, à mr. Rousseau, cit. de Genève, sur les raisons qu'il expose pour réfuter mr D'Alambert.... qui prouve que l'établissement d'une comédie dans cette ville y ferait réunir la sagesse de Lacédémone à la politesse d'Athènes, La Haye, 1758.—За тѣмъ явились: L. H. Dancourt, arlequin de Berlin, à mr Rousseau, Amsterd., 1759; Réponse de Marmontel à la lettre adressée par mr Rousseau etc. Genève, 1759 (сначала въ Mercure de France); J. L. B. (Leboeuf) citoyen de Marseille, à son ami, sur l'atrocité des parodoxes du

Digitized by Google

ленный, своеобразный характеръ. Тема, затронутая Руссо, оказалась неистощимою; всѣ главныя и побочныя стороны вопроса были разслѣдованы съ обстоятельностью, мало чѣмъ уступавшей спору изъ за вопроса о вредѣ наукъ. Одни (какъ наприм. Мармонтель) заступались за женщинъ, которымъ Руссо приписывалъ одну изъ вреднѣйшихъ сторонъ въ вліяніи театра на нравы, и которыхъ, въ лицѣ Селимены, предавалъ рѣшительному осужденію. Другіе заступались вообще за театръ (нѣкоторые скорѣе за профессію актера), оживляя нескончаемый, многовѣковой споръ о его нравственномъ значеніи,—и въ этомъ спорѣ раздавался дребезжащей нотой разслабленный голосъ недавняго вольнодумца Грессѣ, теперь каявшагося и ханжившаго старика. Третьи старались найти объясненіе запальчивости Руссо въ личныхъ его счетахъ съ актерами,—и нѣкій Лаваль увѣрялъ его, что онъ только потому возстаетъ теперь противъ театра, что съ 1752 года, когда пьеса его *l'Amant de lui même* пала, онъ пересталъ считать актеровъ своими друзьями. Но при этомъ почти всѣ возвращались постоянно къ оцѣнкѣ Альцеста, которая являлась какъ бы оселкомъ ихъ критическаго чутья. Руссо создалъ себѣ своего Альцеста, по своему образу и подобію,—и весь хоръ его противниковъ находилъ, что это съ его стороны одна изъ обычныхъ капризныхъ его затѣй; Мармонтель находилъ, что Мизантропъ Руссо представляетъ собой личность идеальную и фантастическую, образецъ такого нравственнаго совершенства, которое нигдѣ встрѣтить нельзя, тогда какъ Мольеровъ Мизантропъ—живой человѣкъ, какихъ легко можетъ намъ представить обыденная жизнь. И каждый фантазировалъ, объяснялъ по своему, какимъ человѣкомъ считаетъ онъ Альцеста. Для Даламбера, стоявшаго скорѣе на отвлеченной почвѣ философскаго развитія, прививавшагося энциклопедизмомъ, и неспособнаго примкнуть къ

---

contemptible J. J. Rousseau, 1760. Послѣднія заявленія касаются больше спора изъ-за нравственнаго значенія театра вообще; съ этой стороны примкнули къ полемикѣ маркизъ Ximenéz (lettre sur l'effet moral des théatres, 1758), Грессе (Lettre de mr de Gresset, l'un des quarante de l'acad. française, à mr*** sur la comédie).

Digitized by Google

рѣзкому протесту Руссо, вся комедія является превосходнымъ урокомъ настоящей мудрости; авторъ спѣшитъ поймать на словѣ Руссо, и въ отвѣтъ на его ироническое замѣчаніе, что слушать иныя рѣчи Альцеста одно и тоже, что пойти выслушать проповѣдь, настаиваетъ на пользѣ пропаганды именно такого рода. Альцестъ любезенъ ему, какъ другъ правды, и онъ желалъ бы только видѣть въ немъ болѣе сдержанности и философскаго такта; онъ слишкомъ увлекается своимъ презрѣніемъ къ людямъ, не въ состояніи перенести ни малѣйшей ихъ слабости, — а между тѣмъ онъ долженъ бы знать, что „люди гораздо болѣе ограничены, чѣмъ злы, и что ихъ нужно презирать, не высказывая имъ этого въ лицо“. Филэнтъ болѣе подходитъ къ требованіямъ критика, но, хотя и отстаивая его отъ нападковъ Руссо, дѣйствительно черезмѣрныхъ, онъ не можетъ не найти въ его характерѣ слишкомъ мало рѣшительности, и, наряду съ мудростью жизненныхъ правилъ, слишкомъ много лживости въ образѣ дѣйствій. Такимъ образомъ идеалъ Даламбера— Альцестъ, смягченный лучшими свойствами Филэнта, болѣе терпѣливый, гуманный, но не вялый и не уступчивый. Въ его философской одеждѣ легко распознать въ немъ энциклопедиста, съ свойственнымъ ему трезвымъ отношеніемъ къ жизни, соболѣзнованіемъ объ *ограниченности*, т. е. темнотѣ, скудости свѣдѣній, развитія въ народной массѣ, склонностью къ распространенію новыхъ идей въ формѣ поучительной общественной проповѣди, съ нравственной выдержкой и прямодушіемъ. Рядомъ съ непреклоннымъ мизантропомъ-пустынникомъ Даламберъ выставилъ другую разновидность основного типа, которая столь же реальна была, какъ и образъ, очерченный Руссо, — уже потому, что для ея точнѣйшаго опредѣленія Даламберу стоило оглядѣться въ окружавшемъ его образованномъ обществѣ, уже богатомъ такими Альцестами-философами.

Но просвѣтительный вѣкъ былъ, можетъ быть, еще богаче идеалистами-филантропами, которые способны были уноситься въ грёзы о нравственномъ перерожденіи, которое должны произвести въ людскомъ обществѣ задумываемыя

Digitized by Google

ими благодѣтельныя реформы. Мечтая то о „созданіи новой породы людей“, то о коренномъ смягченіи нравовъ существующаго поколѣнія, они любили рисовать себѣ мирную картину сельской жизни, согрѣтой честнымъ трудомъ, въ видѣ противоядія испорченности свѣтской; тамъ, въ трудовой атмосферѣ, должны возродиться и отдохнуть всѣ наболѣвшія натуры, вкусившія отъ цивилизаціи и разочарованности. Такова дѣйствительно обстановка, въ которую приводитъ Альцеста Мармонтель въ своемъ нравоучительномъ разсказѣ „Мизантропъ исправленный“. [159]) Пустыня, манившая къ себѣ героя комедіи, пришлась здѣсь какъ нельзя болѣе кстати, и послужила поводомъ къ новому развитію любимой темы о жизни по природѣ. Пустыня эта—просто французская деревенька въ Вогезахъ, близъ Лаваля, на берегахъ рѣки Vologne. Альцестъ живетъ среди крестьянъ, ихъ же жизнью; у него нѣтъ никакихъ заботъ и обязанностей, онъ весь принадлежитъ себѣ, иногда читаетъ, изрѣдка устраиваетъ себѣ какую нибудь физическую работу. Его утѣшаетъ зрѣлище обработки пашни, которая кормитъ народъ полудикій, но счастливый; съ трогательнымъ чувствомъ смотритъ онъ на своихъ сосѣдей-крестьянъ, радуясь тому, что они остаются въ этомъ состояніи дикости,—иначе они стали бы скоро порочными, еслибъ цивилизовались. Проникнутый такими убѣжденіями, онъ живетъ рядомъ съ этими людьми, не отступая однако для нихъ отъ своего пренебрежительнаго отношенія ко всей человѣческой породѣ. Но мало по малу жизнь втягиваетъ и перерождаетъ его, у него устанавливается сильное тяготѣніе именно къ меньшей братіи, и съ тѣхъ поръ, какъ онъ близко сходится съ однимъ изъ просвѣщенныхъ мѣстныхъ аристократовъ, виконтомъ Лавалемъ, который всего себя отдаетъ на попеченіе о бѣдныхъ крестьянахъ и является ихъ геніемъ-хранителемъ, онъ увлекается этимъ примѣромъ, какъ бы прозрѣваетъ, снова находитъ счастье

---

[159]) Le misanthrope corrigé, conte moral. Oeuvres complètes de Marmontel, 1787, tome 3-me. — Эта сказка была давно переведена по русски: „Альцестъ, излечившійся отъ своенравія“, Спб. 1777.

Digitized by Google

и цѣль существованія. Мы уже впередъ видимъ, какимъ гуманнымъ филантропомъ во вкусѣ восьмнадцатаго вѣка сдѣлается онъ, какъ замѣнитъ прежнюю горячность и нетерпимость методически-выдержанной дѣятельностью на пользу ближняго. Въ изображеніи его Мармонтелемъ не мало чувствительности, самая мысль представить непремѣнно мизантропа исправившимся проникнута благонамѣренной тенденціозностью, но мы тѣмъ не менѣе должны признать тѣсную связь между этимъ истолкованіемъ даннаго характера и цѣлою полосой въ развитіи общественной мысли прошлаго вѣка. Альцестъ долженъ былъ заплатить такую же дань филантропіи, какую онъ принесъ воинствующему протесту Руссо.

Но живой ходъ исторіи оставилъ вскорѣ далеко позади всѣ отвлеченныя философскія и соціальныя ученія; реальные факты и запросы времени, вызванные наружу революціоннымъ движеніемъ, должны были въ свою очередь повліять и на характеръ перерождавшейся литературы, и на отношеніе къ образцовымъ произведеніямъ прежняго времени; и двигатели революціи, и вожди республики много заботились о поднятіи уровня театра, какъ общественно-воспитательнаго учрежденія, надѣясь достигнуть этой цѣли искуственными средствами, вліяніемъ на драматическихъ писателей и директоровъ различныхъ театровъ. Въ нѣсколькихъ декретахъ комитета безопасности и генеральнаго совѣта послѣднимъ категорически предъявлялось требованіе очистить ихъ репертуаръ, съ тѣмъ чтобы „ихъ театры стали дѣйствительно школами нравовъ и приличія“, а не разсадниками разврата. Приходилось изощряться въ постановкѣ новыхъ патріотическихъ пьесъ, съ сильными, возбуждающими монологами, нападками на тиранію и старый порядокъ, но, такъ какъ наличный составъ драматурговъ отличался въ этомъ отношеніи гораздо болѣе либеральнымъ усердіемъ, чѣмъ талантливостью [160]),

[160]) Въ новѣйшее время снова пробудился интересъ къ изученію театра временъ революціи. Въ короткое время появились книги Жоржа Дюваля (Le théâtre révolutionnaire, 1879), Молана (небольшой сборникъ пьесъ того времени), и Анри Вельшенже (Le théâtre de la révolution, 1881, съ неизданными документами).

Digitized by Google

то невольно позаботились объ освѣженіи въ народной памяти лучшихъ пьесъ прежняго репертуара, — хотя въ нихъ заботливо устранялось и измѣнялось все, что могло сколько нибудь заманчиво рисовать отжившій періодъ. Въ эту пору вспомнили и о мольеровомъ Альцестѣ, котораго такъ высоко ставили бывало и философы, предтечи переворота. *Мизантропъ* становится одною изъ любимыхъ пьесъ современной публики, для которой нападки Альцеста на порочность двора и общества получали особый симпатичный смыслъ. Правда, установившаяся подъ конецъ (послѣ свободы театровъ, провозглашенной Учредительнымъ Собраніемъ) цензура театральныхъ произведеній наложила свою руку и на эту пьесу, и въ 1793 году генеральный совѣтъ коммуны произвелъ въ ней нѣсколько весьма неуклюжихъ измѣненій [161]). Тѣмъ не менѣе она дѣйствовала необыкновенно сильно и вызывала энтузіазмъ даже въ передовыхъ политическихъ дѣятеляхъ, казалось, совершенно увлеченныхъ волненіями борьбы. Такимъ поклонникомъ Альцеста былъ въ особенности Камиллъ Демуленъ, который очевидно не разъ мысленно возвращался къ мольеровской комедіи, когда факты окружающей жизни возрождали передъ нимъ различныя подробности сатирической картины Мольера.

Вглядываясь въ современное общество и вникая въ характеры главнѣйшихъ его дѣятелей, Демуленъ искренно жалѣетъ, что среди нихъ никто не надѣленъ энергической невоздержностью Альцеста или Тимона. Правда, и теперь проявляется среди насъ (иронически замѣчаетъ ему старый Cordelier, собесѣдникъ его [162]) мощная ненависть къ пороку, о которой говорилъ Альцестъ: Геберъ доноситъ въ своемъ листкѣ на Лежандра, какъ на дурнаго гражданина, Лежандръ указы-

---

[161]) Они указаны были Жюлемъ Жаненомъ въ Journal des Débats 1833, 12 августа; измѣненія сдѣланы были тогда и въ невинной пьесѣ Коцебу, названной Misanthrope et repentir, потому что въ ней слишкомъ часто встрѣчаются „упоминанія о виконтахъ, графахъ и т. д., оскорбляющія слухъ республиканцевъ“.

[162]) Le vieux Cordelier, Journal rédigé par Camille Desmoulins, député à la Convention, et doyen des jacobins, an II.

Digitized by Google

ваетъ якобинцамъ на Гебера, какъ на наемнаго клеветника. Но пусть бы по крайней мѣрѣ они доносили и клеветали открыто и энергично, а не съ щепетильностями и уловками. „Не въ мѣру лучше невоздержность демократіи на языкъ, пессимизмъ вѣчныхъ хулителей даннаго порядка вещей, чья желчь направляется противъ всего окружающаго, чѣмъ этотъ холодный ядъ боязни, который заставляетъ мысль скрыться на днѣ души, мѣшаетъ ей вырваться наружу на трибунѣ или въ печати (Vieux cordelier, № 7, стр. 130). И Демуленъ развиваетъ далѣе свой взглядъ на значеніе въ народной жизни смѣлаго и свободнаго заявленія мнѣній; поклонникъ свободной печати, онъ съ одинаковымъ уваженіемъ относится и къ свободѣ трибуны, вообще къ нестѣсненному ни страхомъ, ни приличіями, высказыванію убѣжденій. Въ этомъ онъ видитъ истинно-республиканскую добродѣтель; и всѣ, кто когда либо отличался такою неустрашимостью, являются въ его глазахъ предшественниками окончательнаго воплощенія республики, хотя бы вся жизнь ихъ протекла въ средѣ монархической,—и первыми изъ числа такихъ людей ему вспомнятся Монтозье и его литературное отраженіе, – Альцестъ Мольера. „По какимъ свойствамъ узнается настоящій республиканецъ, истинный Cordelier? По добродѣтельному его негодованію на измѣнниковъ и негодяевъ, по рѣзкости его сужденій. Республиканца характеризуетъ не столѣтіе, когда онъ живетъ, и не правительство, современное ему, но прямота его рѣчи. Монтозье былъ республиканцемъ даже среди общества Круглаго Окна (Oeil de boeuf). Мольеръ въ своемъ Мизантропѣ изобразилъ превосходными чертами характеры республиканца и роялиста. Альцестъ—якобинецъ, Филэнтъ же—совершеннѣйшій Feuillant» [163]) (стр. 122).

Это превращеніе мольеровскаго героя является послѣднимъ словомъ возраставшаго уваженія, которое питалъ къ нему восемнадцатый вѣкъ. Несмотря на его аристокра-

---

163) Членъ умѣренной роялистской партіи, прозванной такъ по мѣсту сборищъ ея клуба въ прежнемъ монастырѣ des Feuillants, близъ Тюильрійскаго дворца.

Digitized by Google

тическую обстановку, представлявшую какъ бы квинтъ-эссенцію стараго порядка, въ немъ разгадана была затаенная основа его независимаго характера, и двигатели одного изъ наиболѣе рѣзкихъ переворотовъ въ міровой исторіи считали за честь назваться его преемниками. Эту роль нравственнаго образца придала ему и комедія Фабръ д'Элантина, какъ бы попытавшагося выразить въ сценическомъ произведеніи то, что высказано было Демуленомъ въ формѣ культурно-историческаго наблюденія. Авторъ этой пьесы не обладалъ большой талантливостью, и самая мысль его представить въ своей комедіи „продолженіе Мизантропа“ является слишкомъ отважною. Тѣмъ не менѣе, какъ отраженіе взглядовъ, господствовавшихъ въ его время, и она не лишена значенія. Въ ней снова являются передъ нами старые знакомцы, Альцестъ съ своимъ вѣрнымъ слугой, Филэнтъ и жена его Эліанта. Несмотря на то, что изъ всѣхъ ихъ, по смыслу заглавія пьесы, главнымъ лицомъ является Филэнтъ, интересъ попрежнему распредѣляется между нимъ и его неукротимымъ другомъ. Въ домѣ Филэнта неожиданно появляется Альцестъ, котораго они предполагали гдѣ нибудь въ глуши и долго оставались вовсе безъ извѣстій о немъ. Но противоположно герою мармонтелевской сказки, онъ не нашелъ и въ своемъ уединеніи желаннаго спокойствія:

Je cherchais, sur la terre, un endroit écarté
Où d'être homme d'honneur on eût la liberté;
Je ne le trouve point. Hé, quel endroit sauvage
Que le vice insolent ne parcoure et ne ravage?
Ainsi de proche en proche, et de chaque cité
File au loin le poison de la perversité (acte I, 3).

Въ деревнѣ, гдѣ онъ жилъ, господствуетъ не аркадская чистота нравовъ, но хищничество и несправедливость. Онъ сталъ защищать своихъ крестьянъ отъ захвата ихъ земли какимъ-то дерзкимъ сосѣдомъ-кулакомъ, снова запутанъ въ процессъ, имѣлъ столкновеніе съ полиціей, и долженъ скрываться. Но онъ не оставитъ этого дѣла, и, если и оно ему не удастся, покинетъ Францію и пустится по бѣлому свѣту

Digitized by Google

искать желанный уголокъ для своего оскорбленнаго чувства. Филэнтъ встрѣчаетъ его радушно,—но это не мольеровскій флегматикъ-философъ, а тотъ подловатый аффериста, какимъ онъ казался Руссо. Фабръ какъ будто принялъ къ сердцу ироническое сожалѣніе женевскаго критика, что Мольеру не пришлось доставить въ своей пьесѣ Филэнту активную роль, и постарался выставить его въ наиболѣе неприглядныхъ краскахъ. Онъ способенъ мириться съ самыми низкими продѣлками и можетъ говорить о подобныхъ вещахъ съ безстыдствомъ и холодной насмѣшливостью. Когда ему говорятъ, напримѣръ, о несчастномъ положеніи человѣка, котораго заставятъ заплатить по подложному векселю и тѣмъ разорятъ его въ конецъ, онъ отвѣчаетъ хладнокровно, что тутъ произойдетъ просто перемѣщеніе цѣнностей изъ одного кошелька въ другой (Eh bien! c'est un trésor qui changera de bourse (актъ II, 9). Онъ своекорыстенъ, пытается пробить себѣ дорогу во чтобы то ни стало, уже украсилъ себя титуломъ графомъ де-Валансе, дѣлаетъ Эліанту несчастною, въ досадѣ осыпаетъ Альцеста безцеремонными попреками, передъ серьозной опасностью труситъ, теряется. Рядомъ съ этимъ тѣмъ эффектнѣе возвышается образъ Альцеста; увидавъ еще ближе, чѣмъ прежде, всю низость характера друга своего дѣтства, онъ тѣмъ не менѣе готовъ заступиться за него, но не ради его, а изъ любви къ Эліантѣ, чье несчастье онъ видитъ, въ чьей симпатіи глубоко увѣренъ (она проговаривается даже мужу, что „думаетъ объ Альцестѣ, только объ одномъ Альцестѣ, V, 1). Онъ употребляетъ всевозможныя усилія, чтобъ выручить его изъ уголовнаго дѣла, самъ принимаетъ на себя его имя, чтобъ спасти его семью отъ безчестья, но, устроивъ все къ лучшему, рвется снова на волю и зоветъ къ себѣ въ деревенскую глушь единственнаго честнаго человѣка, котораго успѣлъ встрѣтить во время своихъ тревогъ въ столицѣ,—адвоката, ведшаго его дѣло. Вся эта вымышленная исторія его новаго столкновенія съ жизнью и людьми изображаетъ еще разъ въ лицахъ контрастъ роялистскихъ и независимо-республиканскихъ убѣжденій. Хотя бы Фабръ

Digitized by Google

и находился подъ сильнымъ вліяніемъ взгляда Руссо на Филэнта, какъ на негодяя, вообще не подлежитъ сомнѣнію, что, рисуя въ подробности обстановку своего героя, онъ имѣлъ передъ собою готовые образцы въ тѣхъ-же лживыхъ друзьяхъ переворота, преслѣдовавшихъ однѣ лишь личныя свои цѣли, — которые такъ возмущали Демулена. Всѣхъ ихъ онъ какъ бы зачислилъ въ ряды Филэнтовъ, и въ своемъ Альцестѣ изобразилъ если не якобинца, то во всякомъ случаѣ человѣка, снѣдаемаго тоскою неудовлетворенности и жаждой настоящей общественной дѣятельности.

Но миновали и дни республики, пришла къ концу и наполеоновская эпопея, и въ осѣдавшемъ на почвѣ великихъ событій буржуазно-консервативномъ слоѣ страстное недовольство Альцеста должно было встрѣтить вражду и презрѣніе. Съ двадцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія начинается та жалкая педантическая война противъ него, которую повела, подъ руководствомъ Августа Шлегеля, цѣлая армія мелкихъ филистеровъ, распластывавшихъ комедію на нестройныя части, утѣшавшихся открытіемъ малѣйшей неисправности слога, прикладывавшихъ къ Альцесту и его спутникамъ абсолютныя правила старой эстетики или же суровую чопорно-нравственную мѣрку. Въ этой непонятно ожесточенной полемикѣ, отзывавшейся національной нетерпимостью и желаніемъ унизить и достоинство Мольера (Шлегель съ забавнымъ упорствомъ предпочиталъ ему второстепенныхъ французскихъ комиковъ Пикара и Леграна!), Альцестъ былъ свергнутъ съ пьедестала, на которомъ красовался цѣлыхъ полтора вѣка, и превращенъ былъ въ ходульнаго героя риторически-добродѣтельной комедіи, въ лицо безцвѣтное, лишенное всякихъ связей съ обществомъ и жизнью. Къ чести нѣмецкой народности, лучшіе ея представители, Лессингъ и Гёте, открыто стояли всегда на сторонѣ Альцеста, взирая на него какъ на образецъ мужественнаго человѣка, ободряющій и воспитывающій людей, безъ различія времени и народности, — и отстаивали его отъ нападковъ противной партіи. Альцестъ былъ для нихъ не французскимъ гражданиномъ, не нѣмецкимъ мечтательнымъ поклон-

Digitized by Google

никомъ свободы, а общечеловѣческимъ типомъ честнаго, хорошаго человѣка.

Но не безъ нападковъ на Мольера, вызванныхъ тѣмъ же Альцестомъ, обошлось въ ту пору дѣло и во Франціи, и французскіе критики навремя слились въ одинъ хоръ съ своими зарейнскими сосѣдями. Превращеніе, испытанное нашимъ мизантропомъ благодаря имъ, было и плачевнымъ, и несправедливымъ искаженіемъ истины. Оно и вызвано было только узкимъ духомъ литературной партіи, нетерпимымъ ко всему, что носитъ не ея ярлыкъ, и способнымъ негодовать безъ разбору на все, коль скоро призракъ классицизма встанетъ передъ нимъ. Таковъ былъ рѣшительный приговоръ, произнесенный надъ Альцестомъ даже такимъ остроумнымъ и независимымъ писателемъ, какъ Стендаль, на котораго съ такимъ уваженіемъ смотрятъ теперь современные намъ французскіе реалисты. Въ названной уже книгѣ своей о Расинѣ и Шекспирѣ Стендаль объявляетъ войну Мизантропу, какъ комедіи ложно-классическаго репертуара, останавливается на фактѣ ея появленія среди полнаго разцвѣта стараго режима, подчеркиваетъ близость Мольера къ Людовику XIV, принимаетъ на вѣру устарѣвшій взглядъ, гласящій, что вся мораль пьесы заключается въ жизненныхъ правилахъ, высказываемыхъ Филэнтомъ, видитъ злой умыселъ въ томъ, что авторъ заставилъ своего мизантропа любить Селимену, а не умную и энергическую женщину, — и приходитъ къ убѣжденію, что вся пьеса была написана въ видахъ потворства королевскимъ притязаніямъ и что въ Альцестѣ нанесенъ былъ ударъ всѣмъ независимымъ людямъ того времени. Выводъ изъ такого критическаго построенія очевиденъ: хорошъ же послѣ этого классическій репертуаръ, если при ближайшемъ разсмотрѣніи, такая жемчужина его, какъ Мизантропъ, оказывается проникнутой сервильностью, дышащей преданностью деспотизму и обыденнѣйшей морали être comme tout le monde! Въ своемъ рьяномъ сокрушеніи классическихъ идоловъ, Стендаль не смогъ разглядѣть *своего человѣка* въ чужомъ станѣ; зачисливъ по заведенному хронологическому порядку Мо-

Digitized by Google

льера въ число насадителей и вождей ложнаго классицизма, смѣшавъ его независимыя литературныя теоріи и сатирическое направленіе съ рутиннымъ пошибомъ старой комедіи вообще, онъ прошелъ мимо всего, что наше время привыкло считать реформаторской дѣятельностью Мольера, и въ Мизантропѣ не замѣтилъ глубоко искренной, субъективной его основы. И бѣдный Альцестъ, который еще недавно способенъ былъ вести за собой легіоны благородныхъ бойцевъ за развитіе и свободу, вынесъ незаслуженную муку, принесенъ былъ въ жертву борьбѣ классиковъ съ романтиками, и изъ передовыхъ рядовъ перешелъ въ темную кучку осмѣянныхъ и затертыхъ личностей...

Но уже близко было время, когда на смѣну вѣчнымъ колебаніямъ въ оцѣнкѣ его долженъ былъ выступить трезвый, истинно научный, историческій методъ, который долженъ былъ разсѣять все туманное и произвольное, и дать сужденіямъ о комедіи прочную фактическую основу. Починъ въ этомъ отношеніи сдѣланъ былъ Ожэ и въ особенности Сентъ-Бэвомъ, который въ своемъ прекрасномъ „литературномъ портретѣ Мольера“, помѣченномъ 1835 годомъ, [164]) снова высоко поставилъ эту пьесу, и, воспользовавшись біографическими данными, возстановилъ и по отношенію къ ней, и въ общей связи мольеровскаго творчества, привлекательнѣйшій образъ Мольера, какъ поэта и человѣка. А затѣмъ сложилось понемногу и современное намъ направленіе *мольеризма* [165]), которое принялось за тщательное изслѣдованіе всѣхъ фактовъ жизни и творчества Мольера, собрало массы матеріаловъ, приступило къ классификаціи и освѣщенію ихъ; закипѣла дружная работа, которая должна была привести къ вѣрному пониманію и первенствующихъ произведеній Мольера и его мимолетныхъ бездѣлокъ. И если и теперь иногда мо-

[164]) Онъ перепечатанъ во 2-мъ томѣ его Portraits littéraires, 1862.

[165]) Мало кому извѣстно, что обозначеніе людей, занимающихся изученіемъ мольеровскихъ произведеній, *мольеристами*, относится къ эпохѣ, современной самому поэту. Въ пьесѣ Дюфрени *Le Négligent* одному изъ дѣйствующихъ лицъ, заступающихся за Мольера, ставятъ въ вину, что онъ—*un peu moliériste*.

Digitized by Google

жетъ проскользнуть иное неудачно-парадоксальное объясненіе Альцеста (въ родѣ извѣстной уже читателю теоріи о его янсенизмѣ), если и теперь встрѣчаются иногда попытки переложить его исторію на нравы конца девятнадцатаго вѣка, [166]), то все это не въ состояніи уже пошатнуть того прочно установившагося взгляда, распространенію котораго мы попытались содѣйствовать настоящимъ изслѣдованіемъ.

---

[166]) Въ упомянутой выше работѣ своей о философіи Мольера, Поль Жане дѣлаетъ остроумную параллель между Мизантропомъ и одною изъ пьесъ Александра Дюма-сына Le demi-monde, повторяющей главныя ситуаціи мольеровской комедіи, — и эта параллель чрезвычайно мало льститъ нашему времени. „Селимену, увы, изображаетъ куртизанка, которой не приходится спасать ни честь, ни репутацію, и которая поэтому просто захватываетъ съ собой кассу. Альцестъ 19-го вѣка далеко не имѣетъ уже величія своего предка, а Филэнтъ сталъ разувѣрившимся скептикомъ и разражается нестерпимыми сарказмами“ и т. д.

Digitized by Google

V.

АЛЬЦЕСТЪ и ЧАЦКІЙ.

Въ литературномъ потомствѣ, вызванномъ къ жизни *Мизантропомъ*, яркой звѣздою блистаетъ грибоѣдовское *Горе отъ ума*. Далеко позади него остаются слабыя подражанія Уичерли, Фабръ-д'Эглантина, Гольдони, скромно слѣдующія за указкой великаго комика. Только одному русскому сатирику Мольеръ какъ-бы завѣщалъ творческую тайну, положенную въ основаніе его пьесы, и научилъ его тому рѣзкому протесту, который, отлившись въ желѣзномъ стихѣ, будетъ воспитывать грядущія русскія поколѣнія, какъ онъ воспитывалъ и ободрялъ насъ и отцовъ нашихъ. Опредѣлить степень вліянія ранняго и чужого образца на произведеніе, которое всѣ мы, по праву, признаемъ чисто-національнымъ, является поэтому благодарной задачей, тѣмъ болѣе, что до послѣдняго времени на это вліяніе указывалось обыкновенно лишь вскользь — какъ будто изъ боязни, что, останавливаясь дольше на его разсмотрѣніи, критикъ этимъ самымъ выкажетъ недовѣріе къ оригинальности грибоѣдовскаго творчества. Была, дѣйствительно, пора въ исторіи этой многострадальной комедіи, когда касаться такого вопроса не приходилось людямъ, сочувствовавшимъ ей: то былъ самый ранній періодъ ея существованія, когда вмѣстѣ съ дворянскими и нравственно-полицейскими подкопами подъ нее велись во враждебныхъ журналахъ, да и въ обществѣ, нападки на маскированную несамостоятельность пьесы, которую называли то сколкомъ съ *Абдеритовъ* Ви-

Digitized by Google

ланда [167]), то съ *Мизантропа*. Тогда признать какое-либо вліяніе иностраннаго образца было бы, можетъ быть, ошибкой со стороны молодой литературной партіи. Но теперь и время то уже далеко отъ насъ, и неувѣренность въ оцѣнкѣ *Горя отъ ума* миновала, и мы можемъ вполнѣ объективно отдаться нашему разслѣдованію.

Нельзя не назвать счастливой случайностью, что русскій театръ, какъ только, благодаря Волкову, онъ получилъ наконецъ навсегда право гражданства въ общественной жизни, воспринялъ съ первыхъ же дней своего существованія сильное вліяніе Мольера. Стоитъ бѣгло обозрѣть хронологическія данныя, добытыя по сю пору [168]), чтобъ тотчасъ же бросилось въ глаза необыкновенное обиліе переводовъ мольеровскихъ комедій. Въ 1757 году (слѣдующемъ послѣ оффиціальнаго открытія театра) поставлено *шесть* различныхъ произведеній Мольера: первымъ изъ нихъ являются *Скапиновы обманы*, а послѣднимъ, даннымъ на сценѣ 22-го декабря названнаго года, былъ *Мизантропъ*, въ переводѣ Елагина. Пьеса, насколько мы можемъ судить, понравилась публикѣ (по выраженію Драматическаго Словаря, она не выходитъ изо вкуса, т. е. не перестаетъ нравиться) и знаменитый Дмитревскій сдѣлалъ роль Альцеста однимъ изъ украшеній своего репертуара. Но настоящаго пониманія пьесы образованною частью зрителей мы, конечно, не станемъ и ожидать въ эту пору. Небольшой еще кружокъ развитыхъ или, вѣрнѣе, литературно-начитанныхъ людей относился и къ этой горячо написанной соціальной комедіи, какъ и къ другимъ французскимъ пьесамъ, признаннымъ классическими, скорѣе съ чувствомъ обязательнаго благоговѣнія, любуясь хорошимъ стихомъ, сильными мѣстами, благородной дикціей актера. Нужно было сильно проникнуться духомъ освобождающаго западнаго развитія, усвоить себѣ

---

[167]) Geschichte der Abderiten, появилась въ Германіи въ 1781 году, по-русски перевед. профессоромъ Гавриловымъ, М. 1793—95.

[168]) См. Драматич. Словарь Новикова, 1787, недавно вновь перепечатанный, или брошюру Лонгинова: „Русскій театръ въ Петербургѣ и Москвѣ“ (1749—1774).

Digitized by Google

строгія требованія отъ жизни и затѣмъ почувствовать глубокій разладъ между ними и русскою дѣйствительностью, чтобъ находить въ словахъ Альцеста отзвукъ того, что́ бушевало у себя на сердцѣ. Для елизаветинскаго поколѣнія, чье дѣтство и ранняя молодость совпала съ бироновщиной, было много поводовъ смотрѣть безотрадно на жизнь; но это чувство не выходило изъ какого-то неяснаго, стихійнаго состоянія; личность еще не выработалась и не смѣла предъявлять свои права на самоопредѣленіе и критику общественныхъ отношеній. Тѣ, кто къ сердцу принималъ всѣ отрицательныя явленія жизни, часто, какъ бы слѣдуя примѣру старика Кантемира, исполняя свой гражданскій долгъ обличенія, искали вмѣстѣ съ тѣмъ душевнаго успокоенія въ философскомъ уединеніи отъ нечестиваго и безнравственнаго общества, воздѣлывали свой внутренній міръ въ духѣ мудрой умѣренности. Дѣятельность немолчнаго обличителя нравовъ, отважнаго, запальчиваго, вращающагося въ томъ самомъ обществѣ, которое онъ обличаетъ, становится возможною лишь въ слѣдующій періодъ, когда идеи просвѣтительнаго вѣка коснулись, наконецъ, и русской молодежи. И, говоря это, мы гораздо менѣе имѣемъ въ виду ту ея часть, которая довольствовалась извѣстнымъ, вообще довольно скромнымъ, запасомъ научныхъ и философскихъ данныхъ, получавшихъ свободное обращеніе въ русскомъ обществѣ,—но именно тѣхъ, правда, немногочисленныхъ новыхъ людей, которые шли къ самому источнику знаній, на западъ, и возвращались съ богатымъ, сознательно усвоеннымъ запасомъ знаній и жизненныхъ цѣлей. Для Радищева и его друзей этотъ возвратъ въ Россію, столкновеніе съ только что разгоравшеюся реакціей, разрушавшей ихъ свѣтлыя надежды, долженъ былъ равняться сильнѣйшему душевному потрясенію,—но не подавленностью, не унынiемъ разрѣшалось оно, а, напротивъ, непреодолимымъ задоромъ къ борьбѣ. Даже впослѣдствіи, въ Сибири, вступая въ чьи предѣлы, онъ повторялъ себѣ стихъ Данта: „Lasciate ogni speranza voi ch'intrate“ [169]), онъ не поддался

[169]) Письмо Радищева къ Воронцову изъ Тобольска, 8-го мая 1791. Архивъ князя Воронцова, книга V.

Digitized by Google

вполнѣ этой безнадежности, а нашелъ столько силъ и наблюдательности, чтобъ и въ сибирскую обстановку занести свой испытующій, реформаторскій духъ. Въ молодые же годы, когда жизнь его впереди, силы нетронуты, его горячность безпредѣльна, презрѣніе къ общей порочности велико, и пропаганда любимыхъ идей принимаетъ страстный, вызывающій характеръ.

Для такого человѣка, многосторонне начитаннаго, не можетъ не быть симпатичною личность Альцеста; презрѣніе къ людямъ у обоихъ имѣетъ одинаковую основу. Это не глухая ненависть шекспировскаго Тимона и не пересмѣшничанье Апеманта; здѣсь чувствуется опредѣленный складъ убѣжденій, за которыя борется человѣкъ; онъ громитъ современный порядокъ вещей и подчасъ можетъ показаться нетерпимымъ мизантропомъ, но, еслибъ его проповѣдь возъимѣла хотя малѣйшій успѣхъ, и еслибъ общественная нравственность стала хоть нѣсколько стыдливѣе, мы увидали бы въ такомъ мизантропѣ искренняго друга человѣчества. „Путешествіе изъ Петербурга въ Москву“ прямо признаетъ такихъ людей высоко полезными въ государствѣ, несмотря на ихъ нетерпимость и раздраженіе; истина, изгоняемая обыкновенно изъ царскаго дворца, является къ царю въ сновидѣніи и, убѣждая его не бояться ея гласа, говоритъ ему: „есть-ли изъ среды народныя возникнетъ мужъ, порицающій дѣла твои, *вѣдай, что той есть другъ твой искренній*, чуждый надежды мзды, чуждый рабскаго трепета; онъ твердымъ голосомъ возвѣститъ тебѣ о мнѣ. Блюдись и не дерзай его казнить, яко общаго возмутителя. Призови, угости его, яко странника; ибо всякъ, порицающій царя въ самовластіи, есть странникъ земли, гдѣ все предъ нимъ трепещетъ... Но таковыя твердыя сердца рѣдки; едва одинъ въ цѣломъ столѣтіи явится на свѣтскомъ ристалищѣ“ [170]).

Эта выписанная нами фраза пріобрѣтаетъ особое значеніе, если сопоставить ее съ цѣлой статьею о мизантропіи и раз-

---

[170]) Путешествіе изъ Петерб. въ Москву. Лейпцигск. изданіе, 1876, стр. 45—46.

Digitized by Google

личныхъ ея видахъ, которую мы находимъ за годъ до изданія радищевскаго путешествія въ извѣстномъ крыловскомъ журналѣ *Почта духовъ* [171]). Нѣсколько лѣтъ тому назадъ шла весьма оживленная полемика [172]) о томъ, въ какой степени слѣдовало бы приписать честь изданія этого журнала Радищеву, въ ту пору очень близкому съ будущимъ баснописцемъ, и, по мнѣнію противной партіи, вопросъ остался и теперь открытымъ. Отъ насъ, конечно, далека мысль входить здѣсь еще разъ въ разсмотрѣніе этого вопроса, но нельзя не признаться, что изученіе названной выше статьи, прямо относящейся къ предмету нашего изслѣдованія, приводитъ къ рѣшительному указанію на авторство Радищева. Не говоря уже о томъ, что во всемъ этомъ этюдѣ о мизантропахъ сказывается въ каждой строкѣ развитіе и начитанность, въ ту пору немыслимыя у полуобразованнаго Крылова, — сама основа статьи, представляющей широкое развитіе только-что выписанной нами общей мысли изъ *Путешествія*, и тождественность нѣкоторыхъ мѣстъ въ обоихъ произведеніяхъ вполнѣ убѣждаютъ насъ въ этомъ.

Это горячо написанное похвальное слово мизантропіи заслуживаетъ быть, наконецъ, извлеченнымъ изъ справедливаго забвенія; въ русской литературѣ прошлаго вѣка это — одна изъ оригинальнѣйшихъ страницъ. Авторъ письма „не только извиняетъ, но даже прямо хвалитъ поступки и образъ мыслей тѣхъ людей, которымъ даютъ названіе мизантроповъ“; онъ считаетъ, что иначе и не могутъ ни мыслить, ни поступать люди съ честными убѣжденіями. Зрѣлище пороковъ „учинитъ ихъ суровыми, унылыми и задумчивыми“, рѣчь ихъ поневолѣ станетъ рѣзка и груба; но эта рѣзкость — не преступленіе, а добродѣтель. „Пусть осуждаютъ, сколько хотятъ, грубость и странные поступки мизантроповъ, — я буду всегда утверждать, что почти невозможно быть совершенно честнымъ человѣкомъ, не бывъ нѣ-

171) Почта духовъ, 1789, письмо четвертое, отъ Сильфа Дальновида къ волшебнику Маликульмульку, стран. 29—42.

172) Поводомъ къ ней послужила статья А. Н. Пыпина: „Крыловъ и Радищевъ“, „Вѣстникъ Европы“, 1868, кн. 5.

Digitized by Google

сколько имъ подобнымъ". Заступаясь, такимъ образомъ, за право этихъ людей говорить истину, авторъ совершенно опредѣленно оговаривается, что не желалъ бы, чтобы столь любимыхъ имъ мизантроповъ [173]) смѣшивали съ тѣми „бѣшеными и несноснѣйшими врагами самимъ себѣ и всему роду человѣческому", образецъ которыхъ онъ видитъ въ Плутарховомъ (замѣтимъ мимоходомъ, что *не* шекспировскомъ) Тимонѣ; для подобныхъ людей у него нѣтъ пощады, и онъ желалъ бы строгихъ мѣръ для обузданія, даже искорененія ихъ.

Но, въ противоположность тому, онъ самъ ставитъ столь симпатичныхъ ему мыслителей подъ эгиду мольеровскаго творчества. Какъ мы предрѣшили по самой аналогіи ихъ общественной роли, Альцестъ ему ближе всѣхъ подобныхъ людей. „Мизантропъ Мольера, — говоритъ онъ (стр. 33),— болѣе сдѣлалъ добра Франціи, нежели проповѣди Бурдаловы и прочихъ ему подобныхъ проповѣдниковъ. Итакъ, когда простой списокъ произвелъ столь много пользы, то что должно ожидать отъ подлинника?" Для блага общества онъ желалъ бы, чтобъ въ немъ было возможно болѣе такихъ *подлинниковъ*, не книжныхъ, а жизненныхъ героевъ, прямо высказывающихъ мысли свои; онъ ихъ считаетъ наставниками и учителями рода человѣческаго; порою, глядя на нихъ, онъ представляетъ ихъ себѣ врачами, окруженными множествомъ больныхъ, которые не хотятъ излечиваться обыкновенными лекарствами и потому должны принять хоть и горькія, но радикальныя лекарства. Чѣмъ больше такихъ благодѣтелей общества, тѣмъ оно счастливѣе; правители же должны въ особенности высоко цѣнить ихъ,—эту мысль авторъ выражаетъ почти вполнѣ тождественно съ извѣстнымъ уже намъ мѣстомъ изъ радищевскаго Путешествія: «еслибъ при дворахъ государей,—говоритъ онъ, — было нѣсколько мизантроповъ, то какое счастіе послѣдовало бы тогда для всего народа! Каждый государь, внимая гласу ихъ, познавалъ бы тотчасъ истину».

---

173) Слово это онъ переводитъ въ подстрочномъ примѣчаніи: нелюдимъ или человѣконенавидецъ.

Digitized by Google

Въ этой защитительной рѣчи намъ такъ живо слышится субъективная нота, она такъ очевидно произнесена *pro domo sua*, что мы не можемъ отрѣшиться отъ мысли, что передъ нами искреннее автобіографическое признаніе человѣка съ радищевскимъ многостороннимъ развитіемъ и серьознымъ направленіемъ къ дѣятельности общественной. Кто же, дѣйствительно, не распознаетъ въ обязанностяхъ, которыя онъ налагаетъ на мизантропа-правдолюба, черты настоящаго служенія своему народу! Протестующія его рѣчи получаютъ какъ-бы характеръ публицистическій, и въ странѣ, гдѣ нѣтъ свободной печати, онѣ являются однимъ изъ немногихъ прибѣжищъ независимой мысли. Таково было положеніе дѣлъ и при Людовикѣ XIV, и въ концѣ екатерининскаго царствованія, — и оно еще разъ повторилось у насъ въ глубокую пору начала двадцатыхъ годовъ нынѣшняго вѣка, когда устная проповѣдь Чацкихъ могла, дѣйствительно, получить значеніе призывнаго набатнаго колокола. И если позволительно думать, что изученный нами бѣглый листокъ изъ автобіографическихъ признаній, затерявшійся въ старомъ, забытомъ журналѣ, принадлежитъ Радищеву, то мы въ правѣ будемъ принять, что на постепенное возмужаніе его для общественной дѣятельности и на рѣшимость предъявить въ своемъ первостепенномъ произведеніи рѣзкій протестъ, возъимѣлъ хоть скромное, можетъ быть, вліяніе примѣръ мольерова Альцеста, оцѣненнаго имъ по заслугамъ. Въ комедіи Мольера онъ видѣлъ, по его собственнымъ словамъ, вѣрный *списокъ* съ натуры,—самъ же былъ однимъ изъ рѣдкихъ вездѣ и всегда *подлинниковъ*.

Отголоски вліянія Альцеста мы могли бы найти въ бѣглыхъ чертахъ нѣкоторыхъ другихъ произведеній конца прошлаго вѣка. Такъ, въ одной пьесѣ Клушина, какъ извѣстно, также принадлежавшаго сначала къ крыловскому кружку, именно въ комедіи „Смѣхъ и Горе“, сдѣлана попытка вывести на сцену человѣка съ мизантропическими убѣжденіями. Но авторъ, съ которымъ потомъ разошелся и Крыловъ, вслѣдствіе шаткости его взглядовъ и незамѣтно пробившагося въ немъ низкопоклонства, не въ силахъ былъ

Digitized by Google

бы совладать съ избраннымъ имъ типомъ, и поэтому онъ не только съузилъ его, заставивъ его быть скорѣе представителемъ ноющаго, плаксиваго настроенія, составляющаго контрастъ съ смѣющимся и веселымъ, не только придалъ двумъ такимъ олицетвореніямъ, доморощенному Демокриту и Гераклиту, какъ ихъ назвалъ еще Крыловъ [174]), имена Хохоталкина и Плаксина, но въ довершеніе всего сдѣлалъ своего мизантропа притворщикомъ, который имѣетъ лишь въ виду завладѣть имѣніемъ богатой вдовы-кокетки [175]). Не безъ косвеннаго вліянія мольеровской пьесы дѣло обошлось и въ „Ябедѣ“ Капниста, питавшаго большое уваженіе къ французскому комику, что́ не мѣшало ему, однако, грубовато перекладывать его пьесы на русскіе нравы [176]). Въ характерѣ главнаго героя „Ябеды“, Прямикова, есть нѣкоторыя черты непримиримой любви къ правдѣ, отличающей Альцеста. И тотъ, и другой ведутъ процессъ съ закоснѣлымъ ябедникомъ; наперекоръ всему, правое дѣло умышленно чернится, стачка судей и истца торжествуетъ, но Прямиковъ, какъ и Альцестъ, не хочетъ никакихъ сдѣлокъ или уступокъ; они оба не унизятся до взятокъ, и всю силу свою видятъ въ правотѣ своего дѣла. „Нѣтъ, права моего ничто не помрачитъ. Я не боюсь: законъ подпора мнѣ и щитъ“, отвѣчаетъ Прямиковъ повытчику Доброву, уговаривавшему

---

[174]) С. Петербургскій Меркурій, 1793, II.

[175]) Пьеса эта появилась въ 1793 году; замѣтимъ, что оба лица названы тутъ *ложными философами*. Плаксинъ въ своихъ унылыхъ рѣчахъ возстаетъ противъ женщинъ, противъ науки, театра, считаетъ всѣхъ людей предопредѣленными къ грѣху:

Бѣги отъ женщинъ прочь; одинъ ихъ нѣжный взглядъ
Преображаетъ нашъ покой въ смертельный ядъ,
Театра берегись и берегись познаній,
Не исполняй своихъ ни мало ты желаній.

[176]) Такимъ способомъ, онъ переложилъ комедію „Le cocu imaginaire“, причемъ герой Сганарель превратился въ „Сганарева, богатаго мѣщанина“, Горжибюсъ въ купца Торговина и т. д. — Отмѣтимъ кстати, въ числѣ старыхъ русскихъ подражаній Мольеру Княжнинскаго „Сбитеньщика“, главное дѣйствіе котораго, какъ думала критика старыхъ временъ, взято изъ *Ecole des maris*.

Digitized by Google

его „давать тѣмъ, которые берутъ“: „Mais qui voulez-vous donc qui pour vous sollicite?“ спрашиваетъ Филэнтъ Альцеста (актъ I, сц. 1). „Qui je veux? отвѣчаетъ Альцестъ:—la raison, mon bon droit, l'équité!“ Съ этимъ характеромъ непреклонной стойкости Прямиковъ не разстается въ теченіе всей пьѐсы, хотя въ остальныхъ отношеніяхъ, какъ напримѣръ, въ качествѣ романическаго героя, онъ совершенно безцвѣтенъ; да и само назначеніе пьесы, которая изъ всѣхъ разнообразныхъ причинъ недовольства общественнымъ строемъ выдѣляетъ лишь спеціальную область суда, не благопріятствовало вовсе широкой обработкѣ даннаго типа. Для этого не было задатковъ и въ характерѣ самого автора: умный и даровитый отъ природы, но выросшій въ деревенской нѣгѣ старой Украйны, онъ только разъ былъ потрясенъ наглымъ извращеніемъ истины въ важномъ для него процессѣ, излилъ всю накипѣвшую тогда желчь въ своей комедіи,—а потомъ снова удалился въ свое благодатное затишье, которое нерѣдко воспѣвалъ въ недурныхъ стихахъ; и это добровольное уединеніе не было для него *пустыней*, куда бѣжитъ отъ ненавистныхъ людей Альцестъ, но уютнымъ пристанищемъ, гдѣ можно отдаваться умѣренному философствованію, лѣни и дружбѣ.

Но тѣмъ временемъ жизнь ставила уже серьозныя задачи; короткій промежутокъ нѣсколькихъ лѣтъ былъ пережитъ порывистѣе и полнѣе, чѣмъ жилось, бывало, въ цѣлыя десятилѣтія. Удушливый конецъ прошлаго вѣка смѣнился радужной либеральной эрой; пробудившіеся общественные инстинкты опирались на дѣятельность отдѣльныхъ, развитыхъ личностей, выдѣлявшихся смѣло изъ массы; въ столичныхъ салонахъ кипѣла живая рѣчь этихъ новыхъ дѣятелей. Надежда мечтательнаго радищевскаго Сильфа исполнялась,— не мало уже было пророковъ „истины“, съ широкими цѣлями впереди. Но поперекъ этимъ стремленіямъ становится воинственная горячка наполеоновскихъ войнъ, и затѣмъ настаетъ тяжкое отрезвленіе. Кругомъ вся жизнь спѣшитъ снова вернуться въ старое, казалось, совсѣмъ высохшее русло, для нея не нужны пророки и облечители, она „гонитъ

Digitized by Google

и клянетъ“ ихъ. Какая богатая почва для развитія *міровой скорби*, отчаянія, мизантропіи! Казалось бы, драма не можетъ не отразить въ себѣ этого живого мотива безвыходной борьбы. Но у нея еще своихъ словъ нѣтъ. Она, пожалуй, отвѣтила по-своему на этотъ запросъ, но и отвѣтъ ея звучитъ чѣмъ-то уже отжившимъ, архаическимъ.

Тотчасъ по окончаніи войны, 13-го декабря 1815 года, вліятельная въ тогдашнемъ литературномъ и театральномъ мірѣ личность, Ѳед. Ѳед. Кокошкинъ, ставитъ сначала на московской, а затѣмъ на петербургской сценѣ свою передѣлку мольеровскаго *Мизантропа* на русскіе нравы. Онъ придаетъ этому дѣянію своему большое значеніе, обставляетъ исполненіе пьесы самыми лучшими силами (такъ главную роль въ ней исполнялъ сначала старикъ Мочаловъ, потомъ знаменитый сынъ его), но всѣ эти старанія и долгая сценическая жизнь этой передѣлки не въ состояніи прикрасить ея полнѣйшую несостоятельность. Видно, что Кокошкинъ смутно понималъ необходимость перенести характеръ героя въ русскую общественную среду, но принялся за это неуклюжимъ образомъ. Альцестъ у него превратился въ *Крутона* — въ силу своего крутого характера (какъ будто только и была въ немъ эта типическая черта!), Селимена стала госпожей Прелестиной, Арсиноя—Смирениной, а одинъ изъ обожателей Селимены получилъ даже наименованіе „барона Вѣтрана“. Слогъ пріобрѣлъ необыкновенную высокопарность, дѣйствующія лица объяснялись на какомъ-то принужденномъ, дѣланномъ языкѣ, пьесѣ приданъ былъ въ крайней степени ложно-классическій пошибъ, отсутствующій въ оригиналѣ, и на русской сценѣ она явилась худосочнымъ тепличнымъ растеніемъ. Актеры добраго стараго времени раскатисто произносили свои громкіе стихи, ходульная декламація приводила въ восторгъ и публику, и самаго Кокошкина, который смотрѣлъ на себя, какъ на послѣдняго знатока настоящаго театральнаго искусства и руководителя эстетическаго вкуса.

Ничто, на нашъ взглядъ, такъ живо не характеризуетъ все это безжизненное направленіе, какъ глухая вражда, ко-

Digitized by Google

торую и Кокошкинъ, и московскіе друзья его проявляли по отношенію къ „Горю отъ ума“ съ первыхъ же дней появленія этой комедіи. Казалось бы, для людей, съ такими стараніями пытавшихся незадолго передъ тѣмъ аклиматизировать мольеровскую сатиру въ русской обстановкѣ, должна быть симпатична еще болѣе радикальная попытка въ томъ же родѣ. Но, видно, сатира эта имѣла цѣну въ ихъ глазахъ лишь тогда, когда, лишенная всякой національной и временной опредѣленности, она пріобрѣла болѣе или менѣе безобидный характеръ, относясь какъ-бы къ *общечеловѣческимъ* порокамъ. Когда же она оживилась богатымъ, новымъ содержаніемъ, когда въ ней проступили ясныя черты русской и въ особенности московской жизни, когда, выражаясь словами Грибоѣдова, *нашихъ задѣли*, — тогда поклонники Альцеста съ ненавистью набросились на его законнаго преемника. Правда, они вели противъ него интригу скорѣе изподтишка и въ глаза льстили Грибоѣдову, особенно, когда его слава была уже упрочена, — но онъ превосходно зналъ цѣну этой лести, и оттого-то у него вырывались порою такія рѣзкія, презрительныя сужденія обо всей старомодной московской литературной кликѣ.

Итакъ, нашелся, наконецъ, человѣкъ, который могъ не только вѣрно понять (какъ это сдѣлалъ еще Радищевъ) главную мысль мольеровой пьесы, но и возсоздать ее въ самостоятельномъ произведеніи. Разнообразіемъ своего развитія онъ превосходилъ своихъ ближайшихъ предшественниковъ и потому не могъ не выработать въ себѣ большую чуткость въ эстетическомъ отношеніи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, ему не нужно было создавать себѣ искусственный, книжный интересъ къ изученію *Мизантропа;* его собственный характеръ, рѣзкая и правдивая рѣчь, необузданность честнаго негодованія, и такое же душевное одиночество среди враждебнаго общества, — все это побуждало его сродниться съ мольеровымъ героемъ. Въ раннемъ знакомствѣ его съ произведеніями французскаго комика сомнѣваться невозможно; оно въ тѣ времена обязательно входило въ кругъ первоначальнаго воспитанія барскихъ дѣтей; Пушкинъ въ самомъ

Digitized by Google

раннемъ дѣтствѣ наслушался мастерского чтенія отцомъ его различныхъ произведеній Мольера и на девятомъ году уже подражалъ ему [177]). Въ университетѣ же Грибоѣдовъ, изучая подъ вліяніемъ Буле любимый предметъ изслѣдованій этого профессора,—основы драматической поэзіи, могъ усвоить себѣ неизмѣнную симпатію Буле къ „драмѣ сатирической“, или высокой комедіи, однимъ изъ лучшихъ образцовъ которой явится со временемъ въ его глазахъ *Мизантропъ*. Но профессоръ останавливался на половинѣ пути и не могъ отрѣшиться отъ пристрастія къ классическому театру, тогда какъ ученикъ шелъ гораздо дальше, не съуживалъ добровольно своего горизонта, и лучшія созданія новѣйшаго европейскаго театра ставилъ на одинаковой степени съ прославленными античными образцами. Прислушиваясь къ его теоріямъ о свободѣ и самоопредѣленіи драматическаго писателя, вполнѣ своеобразнымъ, чуть не еретическимъ въ то время, иной разъ можно бы предположить извѣстное вліяніе мольеровскихъ протестовъ противъ господства старыхъ правилъ. Въ своемъ умномъ письмѣ къ Катенину [178]), написанномъ въ защиту *Горя отъ ума* отъ придирчивыхъ нападковъ этого блюстителя ложно-классическихъ теорій, Грибоѣдовъ въ оригинальной, непринужденной формѣ повторяетъ то, что говорилъ, бывало, Мольеръ въ своей „Critique de l'Ecole des femmes“, и заканчиваетъ смѣлымъ заявленіемъ: „я какъ живу, такъ и пишу свободно“. И когда Пушкинъ высказывалъ въ своей оцѣнкѣ грибоѣдовской пьесы [179]) мысль, особенно меткую въ данномъ случаѣ, что „драматическаго писателя нужно судить по законамъ, имъ самимъ надъ собою поставленнымъ“, онъ, быть можетъ, повторялъ въ этихъ словахъ теорію, нѣкогда слышанную имъ изъ устъ самого Грибоѣдова.

---

177) Въ пьескѣ *l'Escamoteur*, которую, по признанію ребенка-автора, il escamota de Molière.

178) Оно первоначально было напечатано въ журналѣ „Всемірный Трудъ“, 1868, кн. 2, а потомъ въ „Русской Библіотекѣ“, томъ пятый.

179) Въ письмѣ, написанномъ вскорѣ послѣ появленія ея въ рукописи. Сочин. Пушкина, изд. Анненкова, I, 128.

Digitized by Google

Интересъ къ мольеровскому творчéству очевиденъ у Грибоѣдова по многимъ признакамъ. Мы встрѣчаемъ у него и сочувственныя общія оцѣнки, и невольныя воспроизведенія отдѣльныхъ мѣстъ изъ комедій,—явленіе неизбѣжное, невольное, коль скоро для человѣка извѣстное чтеніе стало издавна привычнымъ, любимымъ. Въ примѣръ критическихъ оцѣнокъ мы укажемъ заключеніе только-что упомянутаго нами письма къ Катенину; отстаивая отъ строгаго Аристарха свою пьесу и въ особенности отстраняя укоры въ портретности дѣйствующихъ лицъ, Грибоѣдовъ набрасываетъ свою собственную теорію о законности *портретовъ* въ комедіи, и въ подтвержденіе ея прямо ссылается на авторитетъ Мольера, находя, что у него главнѣйшія дѣйствующія лица, за нѣкоторыми лишь исключеніями — „портреты, и превосходные“. Переходя же къ невольнымъ, какъ мы сказали, отголоскамъ отдѣльныхъ стиховъ Мольера въ „Горѣ отъ ума“, мы найдемъ ихъ, быть можетъ, въ бо̀льшемъ количествѣ, чѣмъ это обыкновенно думаютъ, и притомъ стихи эти взяты не изъ одного только „Мизантропа“, но и изъ другихъ комедій, что̀ опять подтверждаетъ наше предположеніе о близкомъ знакомствѣ автора со всѣмъ мольеровскимъ творчествомъ. Такъ, когда въ послѣднемъ актѣ (явленіе XII) Молчалинъ развиваетъ передъ Лизой свою житейскую философію, объясняя, что по совѣту отца, онъ угождаетъ всѣмъ безъ изъятья, начальнику, слугѣ, швейцару, дворнику, „собакѣ дворника—чтобъ ласкова была“,—это прямой переводъ стиха изъ *Femmes savantes* (сцена третья):.... „jusqu'au chien du logis il s'efforce de plaire“. Но, заимствуя этотъ стихъ, Грибоѣдовъ совершенно измѣнилъ его примѣненіе и придалъ ему необыкновенную меткость. Въ подлинникѣ его произноситъ женщина (Генріетта), полу-иронически объясняя, до какой степени простирается угодливость любовника, который хочетъ во что бы то ни стало достичь своей цѣли и свидѣться съ любимой женщиной,—у Грибоѣдова же эта черта выразила всю мѣру лакейскаго низкопоклонства, на которое способенъ человѣкъ въ родѣ Молчалина. Извѣстная выходка Чацкаго противъ европейскаго костюма, которому онъ про-

Digitized by Google

тивополагаетъ умный и практичный дѣдовскій нарядъ, имѣетъ много общаго съ тѣмъ разговоромъ между Сганарелемъ и Аристомъ, которымъ открывается *Школа мужей:* тѣ же насмѣшки надъ безцѣльными нововведеніями моды, та же твердая рѣшимость предпочитать старый нарядъ, „ainsi qu'en ont usé sagement nos aieux“ (Ecole des maris, I, 1, стихъ 73).— „Охъ, нѣтъ, братецъ! У насъ ругаютъ вездѣ, а всюду принимаютъ“, говоритъ Чацкому Платонъ Михайловичъ, характеризуя отношеніе свѣтскаго общества къ Загорѣцкимъ. Альцестъ говоритъ то же Филэнту (актъ I, сц. I, стихи 125–140) о порочной снисходительности свѣта къ отъявленнымъ плутамъ и набрасываетъ портретъ лица, вполнѣ подходящаго къ Загорѣцкому. Мы находимъ тутъ, между прочимъ, такой отзывъ:

Nommez le fourbe, infâme et scélérat maudit,
Tout le monde en convient, et nul n'y contredit.
Cependant sa grimace est partout bienvenue,
On l'accueille, on lui rit, partout il s'insinue.

Напомнимъ, наконецъ, минуя другіе болѣе мелкіе и, быть можетъ, совершенно случайные отголоски различныхъ мольеровскихъ стиховъ [180]), наиболѣе выдающійся и, кажется,

---

[180]) Наприм., совпаденіе признанія Софьи Чацкому въ своей виновности, актъ IV, явл. XIII, съ такимъ-же, но болѣе развитымъ, признаніемъ Селимены Альцесту, актъ V, сц. VII.—Замѣтимъ, кстати, любопытное въ своемъ родѣ, но, конечно, совершенно случайное совпаденіе разговора между Софьей и Лизой, въ первомъ актѣ, съ подобной же сценой въ знакомой уже читателю итальянской пьесѣ прошлаго столѣтія, написанной *на ту же тэму* (Il misantropo a caso maritato o sia l'orgoglio punito, Bologna, 1748). Тутъ то же напоминаніе субретки о прежней любви ея барышни къ Альцесту, тѣ же оправданія, то же напоминаніе „не брать излишней вольности“: Io moglie? io moglie? восклицаетъ Дорализа,—che ti pensi, stolta, ora parlar con una del tuo rango?—Элиза: Un di l'amaste pure, e li giuraste col labro almeno eterno amore e fede?—Дорализа: Taci una volta; se' volgare, e pensi, come pensavan l'atave nostre. Credi di me quel che ti pare, e piace. Se pur l'amai, or lo detesto, e aborro (Мнѣ быть его женой? Глупая, тебѣ вѣрно кажется, что ты говоришь съ кѣмъ нибудь изъ своей братіи. — Но вѣдь было время когда вы любили его, и,

Digitized by Google

общеизвѣстный,—именно чрезвычайную близость тѣхъ негодующихъ восклицаній, съ которыми сходятъ со сцены и Альцестъ, и Чацкій (chercher sur la terre un endroit écarté, où être homme d'honneur on ait la liberté,—искать по свѣту, гдѣ оскорбленному есть чувству уголокъ).

Приведенные примѣры, надѣемся, доказали уже въ общихъ чертахъ живой интересъ нашего автора къ мольеровскому творчеству. Но этотъ интересъ не остановился на запоминаніи отдѣльныхъ меткихъ стиховъ или на наблюденіяхъ надъ искусной характеристикой дѣйствующихъ лицъ. Мы должны увидать отраженіе его на дѣлѣ и выяснить непосредственное его вліяніе на выполненіе завѣтнаго плана Грибоѣдовской комедіи.

Автобіографическое значеніе характера Чацкаго не подвергается болѣе сомнѣнію,—и это обязываетъ насъ вглядѣться пристальнѣе въ тѣ свойства характера самого писателя, которыя предрасполагали его къ избранію героемъ пьесы именно такой надломленной личности. Одинъ изъ типичнѣйшихъ „меланхолическихъ весельчаковъ", Грибоѣдовъ зналъ за собой свойственные всѣмъ имъ рѣзкіе переходы отъ взрывовъ веселости къ мрачному унынію. Оно проявляется въ немъ рано, когда еще жизнь его впереди (напр., въ глубоко грустномъ стихотвореніи *Прости, отечество,* 1819 года), и съ годами все усиливается, доходя порою до мысли о самоубійствѣ. „Скажи мнѣ что-нибудь въ отраду,—пишетъ онъ въ 1825 году изъ Ѳеодосіи къ Бѣгичеву:—я съ нѣкоторыхъ поръ мраченъ до крайности. Пора умереть! Не знаю, отчего это такъ долго тянется... Со мною повторилась та ипохондрія, которая выгнала меня изъ Грузіи, но теперь въ такой усиленной степени, какъ еще никогда не бывало... Подай совѣтъ, чѣмъ мнѣ избавить себя отъ сумашествія или пистолета, а я чувствую, что то или другое у меня впереди". Эта хандра поддерживалась не только потрясеніями въ лич-

покрайней мѣрѣ кончиками губъ, клялись въ вѣчной любви и вѣрности.—Замолчи; у тебя низкія понятія; ты думаешь такъ, какъ думали наши предки. Если когда нибудь я его любила, то теперь презираю и ненавижу).

Digitized by Google

ной жизни поэта, но и постояннымъ противорѣчіемъ между его стремленіями и уровнемъ окружающей среды. „Мученье быть пламеннымъ мечтателемъ въ краю вѣчныхъ снѣговъ“, восклицаетъ онъ въ другомъ письмѣ; „у насъ Шереметевъ затмилъ бы Омира“. Но, несмотря на этотъ болѣзненный характеръ его грустнаго настроенія, оно не вырождается у него въ крайнее, нетерпимое презрѣніе къ людямъ. *Мечты* ему дороги, несмотря на ихъ мучительность; онъ остается вѣренъ имъ, высказываетъ ихъ во всеуслышанье, и въ эти минуты „кровь сердца играетъ у него въ лицѣ“, по словамъ очевидца—Александра Бестужева [181]). Однимъ словомъ, его мизантропія, строго говоря, не заслуживаетъ этого устарѣвшаго, слишкомъ односторонняго названія, и недовольство всѣмъ строемъ современности не затуманиваетъ у него надежды на лучшее будущее.

И Чацкій является достойнымъ его отголоскомъ. Если собрать воедино всѣ тѣ презрительные отзывы о людяхъ, порядкахъ, нравахъ, идеяхъ, которые щедрой рукою разсѣяны въ его рѣчахъ, то, конечно, составится такая мрачная, пессимистическая картина, которая прямо заставитъ предположить мизантропическія склонности въ человѣкѣ съ такими взглядами. А между тѣмъ этотъ же страстный обличитель, передъ которымъ ничто не находитъ пощады, все-таки вѣритъ въ возможность обновленія; не замѣчая, что такихъ людей, какъ онъ, въ современномъ ему обществѣ еще слишкомъ мало, онъ уже ссылается на духъ времени, находитъ, что „нынче свѣтъ ужъ не таковъ“, что теперь „вольнѣе *всякій* дышетъ“; эта довѣрчивость, представляющая такой контрастъ съ безотрадной оцѣнкой дѣйствительности, объясняетъ и его неукротимую горячность въ пропагандѣ: онъ отдается ей не потому только, что его увлекаетъ темпераментъ, что вообще онъ не можетъ молчать, но и потому, что его не покидаетъ обманчивая надежда тронуть, наконецъ, эти окаменѣвшія сердца, сбросить застоявшуюся плѣсень.

---

[181]) Отечественныя Записки, 1860, октябрь, „Знакомство Бестужева съ Грибоѣдовымъ“.

Digitized by Google

Совершенно тѣ же черты мы нашли и у самого Мольера, и у главнаго лица его пьесы, живо отразившей самое тяжелое настроеніе духа во всей жизни автора. Печальныя мысли преслѣдовали тогда Мольера вездѣ; онъ задумывается среди веселаго пира; окружающее его довольство не тѣшитъ его, и отъ людей онъ прячется въ своемъ сельскомъ уединеніи, бродитъ по лѣсу одинъ, предаваясь хандрѣ, или же изливая свои горести близкому другу [182]). Свѣтъ и людей онъ слишкомъ хорошо узналъ; придворная жизнь его давно уже возмущаетъ; терзанія, которымъ подвергается, со времени гоненія на *Тартюффа*, его творческая независимость, его глубоко потрясаютъ; семейный разладъ разбиваетъ послѣднія надежды на счастіе,—его мизантропическое настроеніе впередъ уже оправдывается всѣмъ складомъ обстоятельствъ. А между тѣмъ онъ не поддается ему вполнѣ, не измѣняетъ дѣлу; въ жизни—онъ вѣритъ еще и въ дружбу, и въ честное признаніе поэзіи, въ раскаяніе и любовь жены, ждетъ добра отъ здоровыхъ элементовъ средняго общественнаго слоя; въ комедіи—онъ влагаетъ въ уста Альцесту, на ряду съ самыми страшными проклятіями людямъ, и слова довѣрчивости, одушевленія, любви. Для Альцеста еще жива любовь, онъ доступенъ обаянію искренней поэзіи,—и, что̀ важнѣе всего, онъ готовъ къ борьбѣ за право тѣхъ людей, которыхъ вообще привыкъ презирать.

Для человѣка съ убѣжденіями и настроеніемъ Грибоѣдова найти такое замѣчательно близкое сродство съ художественнымъ созданіемъ мірового писателя должно было, конечно, казаться настоящимъ кладомъ. Первоначальный, полу-дѣтскій замыселъ его комедіи, которая должна была просто набросать нѣсколько обличительныхъ картинокъ московской барской жизни, долженъ былъ переродиться и созрѣть не

---

[182]) Это сосредоточенно-грустное выраженіе лица его превосходно передано на портретѣ, принадлежащемъ герцогу Омальскому. Этотъ портретъ, чуть ли не лучшій изъ всѣхъ, сдѣлался извѣстенъ публикѣ лишь въ послѣдніе два года. Сначала онъ изданъ былъ въ Gazette des beaux arts, а мѣсяца четыре тому назадъ приложенъ къ любопытной книгѣ Лотхейссена „Molière, sein Leben u. seine Werke“. Frankfurt, 1880.

Digitized by Google

только подъ вліяніемъ бо́льшаго опыта, долгаго уединенія въ Персіи и на Кавказѣ, но, думается намъ, и подъ вліяніемъ превосходнаго литературнаго образца. Въ самомъ признаніи его, что онъ имѣлъ сначала въ виду написать нѣчто въ родѣ комедіи для чтенія, и что тогда „начертаніе этой сценической поэмы было *гораздо великолѣпнѣе и высшаго значенія*“, мы видимъ какъ бы прямое тому подтвержденіе. Назначеніе комедіи было такъ высоко и серьозно, что автору не приходило и мысли о возможности сценическаго ея исполненія при тогдашнихъ цензурныхъ условіяхъ; потомъ уже, „поддаваясь ребяческому удовольствію слышать стихи свои въ театрѣ“, онъ сталъ *портить* свое созданіе, приспособляя его къ театральнымъ приличіямъ. Такимъ образомъ, перевѣсъ насмѣшливости, остроумія, легкости стиха замѣнилъ собою болѣе серьозный или, какъ выражается самъ авторъ, великолѣпный складъ его пьесы, въ чемъ насъ убѣждаютъ уцѣлѣвшіе отрывки первоначальной редакціи „Горя отъ ума“, гдѣ мизантропическое настроеніе Чацкаго подчеркнуто гораздо ярче (напр., въ монологѣ его, въ послѣднемъ актѣ, явленіе 10-е: „о, праздный, жалкій, мелкій свѣтъ“ и т. д. [183]). При этомъ-то серьозномъ взглядѣ на свое произведеніе, которое должно было подойти къ идеалу „высокой комедіи“, примѣръ Мизантропа могъ быть въ особенности полезенъ.

Но не остановимся передъ общими соображеніями и перейдемъ къ сравнительному изученію частностей обѣихъ пьесъ: оно лучше всего покажетъ и точки соприкосновенія, и разногласіе ихъ между собою,—разногласіе не случайное, мелкое, но вполнѣ сознательное и оригинальное. Начнемъ съ плана пьесы. Въ обоихъ произведеніяхъ мы видимъ въ лицѣ героя развитого и умнаго человѣка, доходящаго до крайняго пессимизма, рѣзкаго въ своихъ сужденіяхъ и отношеніяхъ къ людямъ; его одиночество среди нихъ скрашиваетъ лишь привязанность къ одной женщинѣ, которая пред-

---

[183]) См. эти варіанты въ статьѣ нашей „Очеркъ первоначальной исторіи „Горя отъ ума“, Руск. Архивъ, 1874, № 6.

Digitized by Google

почитаетъ ему глупца; не вѣря этому вполнѣ, онъ ее идеализируетъ, прощая ей слабости и надѣясь на ея исправленіе. Случайность (находка и чтеніе письма Селимены [184]), подслушанные Чацкимъ толки о немъ въ швейцарской и сцена между Софьей и Молчалинымъ) открываетъ ему глаза, послѣднія надежды рушатся, онъ порываетъ всѣ связи съ обществомъ. Сходство плана, въ элементарныхъ его чертахъ, очевидное. Но выполненіе его тотчасъ же обнаруживаетъ крупныя различія; ту-же разносторонность обработки основного сюжета мы съ правильною послѣдовательностью находимъ во всѣхъ произведеніяхъ, сколько-нибудь вдохновленныхъ мольеровской пьесой. Мы уже видѣли, въ какой степени характеръ протестующаго Альцеста пользовался вездѣ и всегда особыми симпатіями передовыхъ силъ творчества и критики, какъ каждое поколѣніе, каждая литературная или критическая школа старалась присвоить его себѣ и вложить въ него живое содержаніе завѣтныхъ идей и стремленій *своего* времени,—какъ въ разнообразныхъ этихъ нарядахъ Альцестъ являлся и энциклопедистомъ, и сентиментальнымъ филантропомъ, и революціонеромъ, и угловатымъ, правдивымъ англійскимъ матросомъ, сыномъ народа. Въ этой смѣнѣ „одеждъ и лицъ“ очередь была за русскимъ бытовымъ содержаніемъ; дѣло такого же воплощенія было выполнено Грибоѣдовымъ: Альцестъ сталъ декабристомъ, и его обступила русская свѣтская толпа двадцатыхъ годовъ. Отсюда и возникаетъ полная самостоятельность комика въ изображеніи нравовъ, обрисовкѣ очередныхъ общественныхъ вопросовъ, формулированіи программы передовой молодежи.

Но различіе идетъ дальше и касается уже нравственныхъ сторонъ характера героя. Орудіемъ обличительной пропаганды у Чацкаго является насмѣшка, часто легкая и бойкая, лишь по временамъ принимающая суровый оттѣнокъ и проникающаяся паѳосомъ. У Альцеста негодо-

[184]) Замѣтимъ кстати, что Проспѐръ Меримѐ въ статьѣ о Гоголѣ, въ сборникѣ *Carmen* etc., уже давно находилъ въ этой сценѣ чтенія письма, съ колкостями противъ присутствующихъ лицъ, первообразъ предпослѣдней сцены въ гоголевскомъ „Ревизорѣ“.

Digitized by Google

ваніе строгое, улыбка рѣдко показывается на его устахъ, и тонъ его рѣчей почти вездѣ однороденъ. Современной полу-образованной пошлости оба они склонны противополагать старое время, незатѣйливое, но нравственно-чистое,— и сочувствіе Альцеста къ стариннымъ доблестямъ (vertus des vieux âges) идетъ объ руку съ тѣми рѣчами, за которыя Чацкій боится прослыть старовѣромъ. Въ неумѣніи сдерживать себя, промолчать гдѣ нужно, они опять сходятся. Фамусовъ напрасно проситъ своего молодого гостя „завязать на память узелокъ“; слушая похвалы Москвѣ и прославленія придворной старины, Чацкій не выдерживаетъ и горячо вмѣшивается въ разговоръ. Точно также и Альцестъ, присутствуя (актъ II, сц. V) въ салонѣ Селимены на пріемѣ ея свѣтскихъ поклонниковъ, слушаетъ, съ трудомъ удерживая негодованіе, какъ всѣ они, слѣдомъ за хозяйкой, перебираютъ общихъ знакомыхъ, съ наслажденіемъ сплетничаютъ и клевещутъ, и, наконецъ, внѣ себя, прерываетъ ихъ восклицаніемъ: allons, ferme, poussez, mes bons amis de cour, etc. — и осыпаетъ ихъ рѣзкими эпитетами, прямо обвиняя ихъ льстивость и поддакиванье необдуманному злорѣчію Селимены въ томъ, что они испортили ея характеръ.

Но въ отношеніяхъ обоихъ героевъ къ любимой женщинѣ и въ самой личности ея мы видимъ опять разнородные оттѣнки, свидѣтельствующіе о самостоятельности русскаго поэта. Чацкаго связываютъ съ Софьей свѣтлыя дѣтскія воспоминанія и первые проблески молодого чувства; она въ теченіе очень еще недолгой дѣвической жизни (ей семнадцать лѣтъ) не успѣла, думается ему, узнать свѣтъ и людей. Онъ страшится соперника въ любви, который могъ замѣнить его въ ея сердцѣ во время его отсутствія, но не можетъ допустить мысли о Молчалинѣ, хотя на него указываютъ прямо весьма недвусмысленные признаки. Смутно что-то подозрѣвая, онъ клеймитъ, въ глаза Софьѣ, Молчалина насмѣшками, удивляясь, чѣмъ онъ могъ плѣнить ее (то же дѣлаетъ Альцестъ, въ первой сценѣ второго акта, осмѣивая всю внѣшность и пріемы Клитандра). Но у Мольера Селимена уже вдовушка, хотя и очень молодая (ей всего

Digitized by Google

двадцать лѣтъ), но опытная въ житейскомъ отношеніи, независимо поставленная въ свѣтѣ, окруженная роемъ поклонниковъ; она постигла въ совершенствѣ тайны кокетства и тѣшится тѣмъ, что кружитъ голову и такимъ вертопрахамъ, какъ Акастъ или Клитандръ, и такимъ уже пожилымъ селадонамъ, какъ придворный поэтъ Оронтъ, и такому ворчуну и брюзгѣ, какъ Альцестъ. Тутъ уже бѣдному мизантропу трудно заблуждаться, какъ это дѣлаетъ Чацкій; кокетство слишкомъ явно, вѣтреность и другія слабости Селимены ему хорошо извѣстны, и любовь поддерживается въ немъ не невѣдѣніемъ, а обманчивой надеждой, что его честное чувство и энергическіе совѣты когда-нибудь вырвутъ эту женщину изъ пошлой среды. Такимъ образомъ, сходныя сначала, по общимъ чертамъ, характеристики обѣихъ героинь расходятся существенно, и типъ заскучавшей московской барышни съ ея закулисной, будничной интригой и лакействующимъ героемъ ея взятъ прямо изъ жизни.

Ни Мольеръ, ни Грибоѣдовъ не думали выставлять центральное лицо въ своихъ произведеніяхъ безусловно образцовымъ во всѣхъ отношеніяхъ, какъ-бы идеальнымъ и по направленію, и по образу дѣйствій. Грибоѣдовъ заставляетъ Чацкаго сдѣлать довольно умѣренную оцѣнку и себя самого, и подобныхъ ему людей (въ пятомъ явленіи 2-го дѣйствія и въ монологѣ конца третьяго акта); передъ нами не всеобъемлющій умъ, не цѣльная натура; у Чацкаго много чистыхъ стремленій, къ искусствамъ творческимъ, высокимъ и прекраснымъ, къ наукѣ, у него „найдется пять, шесть мыслей здравыхъ“, и онъ смѣло и гласно объявляетъ ихъ,— но еще вопросъ, только ли въ формѣ протеста, усвоеннаго Чацкимъ, представлялась широко образованному Грибоѣдову, другу главнѣйшихъ декабристовъ, общественная дѣятельность людей выдающихся. Точно также и Мольеръ не хочетъ закрывать глаза на извѣстныя слабости своего героя, на излишнюю его горячность и запальчивость, которая разгорается иногда отъ незначительныхъ поводовъ, на нетерпимость, отзывающуюся иногда чуть не доктринерствомъ. Въ запальчивости оба склонны къ крайнимъ выходкамъ,

Digitized by Google

которыя нельзя принимать буквально, а объяснить можно лишь раздраженіемъ, выходящимъ изъ предѣловъ. Альцестъ въ состояніи сгоряча сказать Селименѣ, что „ни судьба, ни демоны, ни разгнѣванное небо не въ состояніи были создать такое злое существо, какъ она“; онъ обзываетъ общество „разбойничьей берлогой“, „лѣсомъ, гдѣ люди живутъ настоящими волками“; изъ-за малѣйшей уступки общей безнравственности онъ „готовъ съ горя повѣситься сейчасъ же“. Чацкій также не обходится безъ такихъ излишествъ; сгоряча онъ явится, пожалуй, защитникомъ китайской неподвижности, старовѣромъ, забывая въ эти минуты о своихъ научныхъ и политическихъ симпатіяхъ; онъ изъ-за Софьи готовъ сейчасъ же броситься въ огонь и т. д. И при всей этой горячности, безпокойной, неудобной въ житейскомъ отношеніи, при всей назойливой ревности, которою оба они преслѣдуютъ любимую женщину, она, несмотря на свое кокетство, вѣтреность или же зарождающуюся пошлость, инстиктивно отгадываетъ большія достоинства характера и ума. Софья, даже разлюбивъ Чацкаго, не можетъ не найти, что онъ остеръ, уменъ, краснорѣчивъ; въ послѣдней сценѣ съ нимъ она доходитъ даже до того, что передъ нимъ обвиняетъ себя кругомъ. Селимена внутри себя полу-презрительно относится ко всѣмъ своимъ поклонникамъ кромѣ Альцеста; ей смутно нравится его „суровая добродѣтель“, его неукротимый духъ; придавая своему кокетству съ другими видъ забавы, она очень заботится о томъ, чтобъ не потерять въ глазахъ Альцеста; она искусно отводитъ всѣ подозрѣнія, дѣлаетъ ему уступки и подъ конецъ тоже кается передъ нимъ; въ письмѣ, гдѣ она осмѣяла своихъ обожателей, она пощадила только его. Въ этомъ отношеніи московская барышня значительно уступаетъ ей; она способна на время возненавидѣть Чацкаго, отдаться низкой мстительности и сознательно распространять про него нелѣпую сплетню; все это—опять черты правдивыя, вытекающія изъ бытовой постановки этого характера у Грибоѣдова.

Мы уже напомнили, что Альцестъ умышленно не лишенъ слабостей и излишествъ. Для противовѣса поставленъ

Digitized by Google

рядомъ съ нимъ представитель сдержанной умѣренности и практической житейской мудрости въ лицѣ Филэнта, который время отъ времени, какъ Санчо Панса относительно Донъ-Кихота, долженъ охлаждать непомѣрные порывы своего друга, истолковывать ему жизненныя отношенія въ ихъ обыкновенномъ свѣтѣ и помогать ему въ затруднительныхъ обстоятельствахъ, имъ же самимъ вызванныхъ. Продолжая нашу параллель обѣихъ пьесъ, мы, конечно, станемъ искать русскаго Филэнта, — тѣмъ болѣе, что вообще въ пьесахъ, созданныхъ подъ вліяніемъ *Мизантропа*, безъ такой личности дѣло не обходится. На первый взглядъ что-то подобное Филэнту (по крайней мѣрѣ по отношенію къ главной его сторонѣ,—умѣренности и аккуратности) намъ представится въ характерѣ Молчалина, составляющемъ умышленно рѣзкій контрастъ съ порывистымъ Чацкимъ; Молчалинъ проникнутъ такимъ же убѣжденіемъ въ необходимости вполнѣ ладить съ дѣйствительностью, принимать господствующія мнѣнія. Но, провѣряя это общее сходство, мы снова найдемъ живые признаки самостоятельности обоихъ авторовъ. Такое лицо, какъ Молчалинъ-Филэнтъ, было имъ одинаково нужно, какъ ходячее олицетвореніе общепринятой житейской морали,—но каждый изъ нихъ придалъ своему исповѣднику умѣренности особый отпечатокъ. Отнесясь къ Филэнту безъ предвзятой мысли, мы нашли, что онъ въ сущности далеко не такъ дуренъ, какъ его вообще изображаютъ. Прежде всего, онъ не подначальное лицо, которое, запомнивъ на всю жизнь, каково было „коптѣть въ Твери“, изо всѣхъ силъ рвется къ обезпеченности и служебной карьерѣ, подавляетъ въ себѣ чуть не всѣ человѣческія стремленія и способно „любить по должности“. Филэнтъ выросъ и воспитывался вначалѣ вмѣстѣ съ Альцестомъ; онъ, повидимому, человѣкъ состоятельный, и не изъ нужды выработалъ себѣ примирительную тактику, а послѣ зрѣлаго наблюденія надъ жизнью. Альцестъ долго не подозрѣвалъ въ немъ измѣнившихся убѣжденій (Молчалина же Чацкій давно знаетъ и относится къ нему съ презрѣніемъ) и, только замѣтивъ и въ немъ ту же позорную уступчивость, которая

Digitized by Google

возмущаетъ его въ другихъ, хочетъ сразу разорвать съ нимъ *дружбу*:

Moi, votre ami? Rayez cela de vos papiers.
J'ai fait jusques ici profession de l'être;
Mais, après ce qu'en vous je viens de voir paraître,
Je vous déclare net que je ne le suis plus.

Къ горячности Альцеста онъ относится большей частью саркастически (n'en déplaise à votre austère honneur etc.), но вмѣстѣ съ тѣмъ въ извѣстной степени уважаетъ честность его убѣжденій, лишь находя ихъ непрактическими и подчасъ даже просто забавными. Онъ не только *смѣетъ* свое сужденіе имѣть, но, когда его другу грозитъ опасность или даже хоть мелкая непріятность, онъ по-своему волнуется и вмѣшивается. На многія вещи онъ смотритъ такъ же, какъ и Альцестъ, но помнитъ, что эти взгляды нужно высказывать умѣючи и кстати, что есть мѣста, гдѣ полная откровенность мнѣній показалась бы смѣшною или непозволительною (il est bien des endroits où la pleine franchise deviendrait ridicule, et serait peu permise). Онъ не филантропъ, какъ его хотѣли выставить иные и какъ, пожалуй, сгоряча обозвалъ его однажды самъ Альцестъ (l'ami du genre humain), и въ то же время не безнравственный софистъ, у котораго найдется оправданіе для каждой темной продѣлки, — онъ представляетъ собою мастерское и широко задуманное олицетвореніе идеи компромисса, царящей испоконъ-вѣку надъ человѣчествомъ.

Рядомъ съ нимъ Молчалинъ является гораздо точнѣе обрисованнымъ извѣтвленіемъ того же родового типа. Въ комедіи, впрочемъ, онъ не одинъ служитъ представителемъ морали въ филэнтовскомъ вкусѣ; тѣ же взгляды высказываютъ, кромѣ него, при разныхъ случаяхъ и Софья, и Фамусовъ; при томъ, Чацкаго связываетъ съ Софьей такая же близость съ дѣтства, какъ двухъ друзей въ мольеровской пьесѣ, и совершившаяся въ ней перемѣна такъ же глубоко поражаетъ его. Взятый же отдѣльно, характеръ Молчалина опять выкажетъ намъ такое же своеобразное, чисто-русское

Digitized by Google

объясненіе общаго типа, какое мы видѣли въ Софьѣ. Это русскій *чиновникъ*, съ глубоко усвоеннымъ имъ съ дѣтства (эта черта живо приводитъ на память отцовскія наставленія Чичикову), совсѣмъ заматерѣвшимъ въ немъ кодексомъ лакейскихъ убѣжденій. Такую форму низкопоклонство способно было принимать въ особенности у насъ, вслѣдствіе различныхъ историческихъ вліяній. Это—своего рода *дворовый*, для котораго важно было пріобрѣсти съ „чиномъ ассессора“ дворянство, но который остался навсегда съ типическими особенностями крѣпостного слуги, съ его наружнымъ раболѣпіемъ и потаеннымъ обманомъ. Впереди ему грезится обезпеченная жизнь, до которой онъ готовъ добраться ползкомъ,—и до судьбы другихъ людей ему дѣла нѣтъ. Ему некогда философствовать и обобщать,—въ пору только изживать подначальную свою жизнь, въ ожиданіи лучшаго. Если онъ чему-нибудь удивляется въ Чацкомъ, позволяя себѣ въ этомъ отношеніи имѣть свое сужденіе, то именно отсутствію въ немъ дѣловой, чиновничьей практичности, которая доставляетъ человѣку возможность „служить, и награжденья брать, и весело пожить“. Наконецъ, онъ способенъ притворяться влюбленнымъ въ Софью, увѣрять въ сильной любви и Лизу, съ которой на дѣлѣ просто хочетъ завязать мелкую интригу,—тогда какъ спокойный и разсудочный Филэнтъ, почувствовавъ привязанность къ кроткой и искренней Эліантѣ, откровенно проситъ ея согласія на бракъ по разсудку, безъ особой страсти, но съ взаимнымъ уваженіемъ.

За изученными нами тремя главными дѣйствующими лицами обѣихъ комедій, которыми исчерпывается существенное сродство пьесъ (для Фамусова нѣтъ прототипа у Мольера), выступаетъ множество личностей аксессуарныхъ, особенно многочисленныхъ у Грибоѣдова. Но тутъ уже открывается широкое раздолье для бытовыхъ, нравоописательныхъ картинъ, которыя, по справедливости говоря, гораздо полнѣе въ сатирическомъ освѣщеніи „Горя отъ ума“, чѣмъ въ грозно-обличительномъ тонѣ *Мизантропа*. Русскій писатель, въ такой степени умѣвшій отстоять свою независимость при

Digitized by Google

обрисовкѣ положеній и характеровъ, общихъ съ его старинным образцомъ, здѣсь является уже полнымъ, неограниченнымъ властелиномъ, увѣковѣчивъ живыя черты русскаго общества начала текущаго вѣка, съ его мутными и здоровыми теченіями, и на этомъ преимущественно основавъ соціальное значеніе своей комедіи.

Кончая сравненіе обѣихъ пьесъ, намъ кажется, что результатъ его можно назвать утѣшительнымъ. Въ виду несомнѣннаго сходства двухъ произведеній, пришлось провѣрить главныя ихъ черты, одну за другой,—и, когда постепенно отпадали случайные, наружные признаки этой близости, обнаруживалось все яснѣе высшее, духовное сродство двухъ писателей съ одинаковыми задатками характера, одинаковымъ положеніемъ среди общества и типической субъективностью творчества. Потомокъ прошелъ по пути, проложенному его великимъ предкомъ, но на основѣ, завѣщанной ему, съумѣлъ возвести свое, самобытное зданіе; и русскій человѣкъ, сознавая это, можетъ только добромъ помянуть мольеровскаго Альцеста, безъ котораго, кто знаетъ, не было бы, можетъ быть, и Чацкаго, по крайней мѣрѣ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ сталъ дорогъ всѣмъ намъ.

Digitized by Google

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ.

А.

Аккерманъ, А., 9.
Алкивіадъ, 51, 55, 136.
Альсидоръ, 64.
Альфьери, 146.
Аллаччи, Ліоне, 142.
Анненковъ, П., 176.
Анжело, итал. комикъ, 31.
Антоній, 48.
Апемантъ, 11, 12, 54.
Аристъ, 24, 25, 58.
Арлэ, 24.
Аспазія, 62.

Б.

Байронъ, 8, 14, 18.
Бальзакъ, 69.
Барбье д'Окуръ, 122.
Баронъ, 123.
Башомонъ, 79.
Бернайсъ, 56.
Бенсерадъ, 73.
Бестужевъ, Александръ, 180.
Биндеръ, 51.
Боссюэтъ, 135.
Боярдо, 32, 60, 61, 67.
Брекуръ, Маркуро де, 61.
Бресеанъ, 97.
Броссеттъ, 30, 32, 44, 80, 129.
Броунъ, докторъ, 39.
Брэ, коммент. Мольера, 77.
Бруссенъ, графъ, 32.
Буассье, Гастонъ, 56.
Бурдалу, 24, 25, 135.
Буало, 24, 25, 29, 30, 42, 44, 71—4, 80, 116.
Бэйль, 31.
Бюсси Рабютенъ, 78.

В.

Вельшенжэ, Анри, 156.
Вертеръ, 3, 11.
Видаль, Огюстъ, 135.
Вильке, 68.
Вольтеръ, 46, 116.
Воронцовъ, 167.

Г.

Гартманъ, 2.
Гамлетъ, 37, 134.
Гассенди, 79.
Гавриловъ, профессоръ, 166.
Гверцони, 145.
Генрихъ IV, кор. франц., 86.
Геберъ, 157.
Гертъ, 124.
Гёте, 111, 130, 161.
Гильмо, 67.
Гольдони, 143—6, 165.
Грессѐ, 153.
Грибоѣдовъ, 18, 116, 176—90.

Digitized by Google

Гумбертъ, Клаасъ, 111, 127.
Гуссе, Арсенъ, 36, 38, 105.
Гюго, Франсуа Викторъ, 6.

Д.

Даламберъ, 46, 120, 146.
Данкуръ, 152.
Дантъ, 167.
Де-Бри, 81, 105.
Де-Боссе, 107.
Девиллье, 121.
Де-Визе, 41, 42, 119, 121—2, 135.
Демуленъ, Камиллъ, 157—8.
Демутье, 127.
Демосѳенъ, 51.
Делиль, 61.
Деліусъ, 53.
Дельтуръ, 129.
Делоне, 97.
Дела Поммре, 98.
Депуа, Эженъ, 109.
Діана, 63.
Діогенъ, 57.
Дмитревскій, 166.
Добанъ, 127.
Доуденъ, 53, 54.
Долгорукій, Яковъ, 15.
Донъ-Жуанъ (Байрона), 14, 101.
Донъ-Кихотъ, 13, 14.
Дюваль, Жоржъ, 156
Дюваль, Анри, 127.
Дюма, Алекс., 165.
Дю-Буланъ, Жераръ, 75—6.
Дю-Паркъ, 81.
Дэйсъ, 53.

Е.

Елагинъ, 166.

Ж.

Жане, Поль, 107, 131.
Жаннель, 107.
Жильберъ, 68.
Жюли д'Анженъ, 73.

К.

Каинъ, 8.
Катонъ, 23, 52.
Кантемиръ, 167.
Катенинъ, 176—7.
Каро, 2.
Кастелли, Ник., 142.
Каннистъ, 172—3.
Клеантъ, 24.
Клушинъ, 171—2.
Княжнинъ, 172
Колиньи, 78.
Кокленъ, 98.
Конраръ, 74.
Корнель, 46, 63, 66, 82.
Кокошкинъ, 174.
Коцебу, 7.
Крейссигъ, 114.
Кребильонъ, 61.
Крыловъ, 169—70.
Ксименесъ, 153.

Л.

Лаваль, 153.
Лавуа, Анри, 43.
Лаверданъ, Дезирэ, 101.
Лагарпъ, 96, 116.
Лаунъ, Адольфъ, 111.
Лагранжъ, 40, 81, 82.
Лакруа, Поль, 31, 40, 128.
Ларошфуко, 3, 23.
Ла-Менардьеръ, 73.
Лафонтенъ, 82.
Лапрадъ, Викт., 107.
Легранъ, 161.
Ле-Бо, 58.
Ле-Булапже де Шалюссэ, 10.
Ленноксъ, 39.
Ленау, 9.
Леопарди, 2, 9, 10, 18, 146.
Лессингъ, 99.
Лебефъ, 152.
Лежандръ, 157.
Либаній, 51.

Digitized by Google

Лиръ, 6, 16, 54.
Ли-Гонтъ, 139.
Ливе, 45, 122,
Линдау, Поль, 105.
Лонгвилль, 77—8.
Лонгиновъ, 166.
Лотхэйссенъ, 181.
Лукіанъ, 53, 56, 59—61, 65, 77.
Луазелёръ, 33, 39.
Лукрецій, 68.
Лукреція Боржія. 102.
Людовикъ XIV, 15, 21, 25, 43, 171.

М.

Манфредъ, 8.
Маренгольцъ, 95.
Марквальдтъ, 114.
Мармонтель, 152, 155—6.
Марсильякъ, 78.
Марти-Лаво, 63.
Мейнеке, 49.
Менандръ, 49.
Менаръ, Поль, 32, 109, 135.
Мегабатъ, 65.
Мезьеръ, 127.
Мериме, 183.
Мерига, 21, 23.
Мессалина, 102.
Миньяръ, 34.
Монотропъ, 49.
Монти, 146.
Моланъ, Л., 27, 113, 156.
Морелли, 51.
Монтень, 65.
Монтозье, 15, 21, 23, 42, 65, 71—2.

Н.

Наполеонъ I, 9.
Новиковъ, Н., 166.

О.

Оже, 90, 163.
Омальскій, герцогъ, 181.
Отелло, 16.

П.

Павелъ, апостолъ, 69.
Пантагрюэль, 51.
Паскаль, 24.
Партеника, 61.
Печоринъ, 4, 11.
Перегринъ, 56.
Пикаръ, 161.
Плутархъ, 48, 49, 50, 52, 55, 57, 65.
Поллуксъ, 50.
Прокоповичъ, Ѳеофанъ, 51.
Пушкинъ, А. С., 114—15, 131, 175—6.
Пюимэгръ, 68.
Пэйнтеръ, 53.
Пыпинъ, А. Н., 169.

Р.

Рабле, 51.
Рамберъ, Эженъ, 126.
Радищевъ, А. Н., 169—71.
Расинъ, 82.
Рабютенъ, Гюгъ, 21.
Рамбулье, 20.
Ричардсонъ, 141.
Ремонъ де Сентъ-Альбинъ, 123.
Риккобони, 31.
Ролланъ, г-жа, 160.
Ронсаръ, 68.
Робине, 41—2.
Руссо, Жанъ-Батистъ, 129.
Руссо, Жанъ-Жакъ, 13, 46, 107, 127, 113, 147—55.

С.

Сарсэ, Франс. 97, 134.
Свифтъ, 3, 11, 12.
Севинье, г-жа, 21.
Сентъ-Эвремонъ, 23.
Сенъ-Прэ, 3.
Сенъ-Маркъ Жирарденъ, 131.
Сенека, 269.
Сенъ Симонъ, 21.

Digitized by Google

Сирано де-Бержеракъ, 80.
Сократъ, 136.
Солли, 2, 10.
Сомезъ, 72.
Скюдери, 65.
Стендаль, 100, 162.
Стапферъ, Поль, 11, 37, 114.
Сулье, Эдоръ, 34, 65.

Т.

Тальманъ де-Рео, 78.
Тамизе Деларрокъ, 121.
Ташро, 28.
Тимонъ, 3—5, 8, 13, 16, 48—62, 67, 130, 136, 157.
Тралажъ, 31.
Тристанъ Л' Эрмитъ, 62—3.
Тома̀, 57.

У.

Удето̀, 13.
Уичерли, 139—42, 165.

Ф.

Фабръ д' Эглантинъ, 127—8, 159—61.
Фаваръ, г-жа, 81.
Фенелонъ, 96, 136—7, 150.
Филистъ, 64.
Фильдингъ, 141
Флешье, 72.
Флэй, 53.
Фонвизинъ, 24.
Френцель, 130.
Фринихъ, 6, 49.
Фурнель, Викт., 69, 73, 121.
Фэйолль, 104.

Х.

Хабрій, 49.

Ц.

Цшишвицъ, 53.

Ч.

Чацкій, 6, 15, 179—89.
Чайльдъ-Гарольдъ, 8.
Чиконьини, 67, 69—70.
Чистовичъ, 52.

Ш.

Шатобріанъ, маркиза, 19.
Шамфоръ, 90.
Шарпантье, 9.
Шапелль, 26, 36 79, 105.
Шаппюзо̀, 43.
Шапленъ, 73.
Шайлокъ, 114.
Шекспиръ, 16, 18, 53, 54, 77, 111, 114.
Шлегель, А. В., 96, 114, 161.
Швейцеръ, 127.
Шелли, 18.
Шопенгауэръ, 2, 3, 10.

Я.

Яковъ II, кор. англ., 142.
Яворскій, Стефанъ, 52.

Ѳ.

Ѳеофрастъ, 2.
Ѳразиклъ, 59.

Э.

Эразмъ, 3, 52, 66.
Эйхендорфъ, 114.

Digitized by Google

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Предисловіе I

Глава первая. Пессимизмъ. Различные его оттѣнки. Мизантропія; ея зарожденіе и развитіе. Поэзія и философія міровой скорби, мизантропія болѣзненная, притворная, скептическая, воинствующая. Альтруизмъ Альцеста. Автобіографическое значеніе пьесы и связь съ современностью. Мизантропы въ обществѣ временъ Мольера. Личныя свойства автора и его соціальные взгляды. Исторія пьесы. Первое ея представленіе 1

Глава вторая. Главные характеры мизантропа въ до-мольеровскій періодъ. Монотропъ Фриниха, Тимонъ Плутарха, Лукіана, Либанія, Боярдо, Шекспира. Апемантъ. Циники. Пьесы Брекура, Делиля, Тристана и Корнеля, романъ Скюдери. Опредѣленіе заимствованій Мольера изъ этихъ источниковъ. Розысканія первообразовъ дѣйствующихъ лицъ. Новая теорія о янсенизмѣ Альцеста. 48

Глава третья. Подробный анализъ пьесы. Характеръ Альцеста. Его отношенія къ дѣйствительной жизни. Альцестъ, какъ главный герой пьесы. Вопросъ о комизмѣ его характера. Селимена, Филэнтъ и Эліанта. Свѣтскій кругъ. Общій взглядъ на пріемы мольеровской характеристики. Слогъ пьесы. Ея строеніе и планъ. Письмо де-Визе о Мизантропѣ. Развязка пьесы. 84

Глава четвертая. Литературное потомство Мизантропа Діалогъ Фенелона, голландскій журналъ, пьеса Уичерли. Двѣ итальянскія комедіи. Письмо Руссо и вызванная имъ полемика. Мнѣніе Даламбера, сказка Мармонтеля. Камиллъ Демуленъ о Мизантропѣ. Комедія Фабръ д'Эглантина. Взгляды на пьесу въ девятнадцатомъ вѣкѣ. Стендаль и Сентъ-Бэвъ. 133

Глава пятая. Альцестъ и Чацкій. Ранніе переводы и подражанія Мизантропу въ Россіи. Елагинъ, Клушинъ, Капнистъ, Кокошкинъ. Радищевъ о мизантропахъ. Статья въ Почтѣ духовъ. Грибоѣдовъ. Параллель между нимъ и Мольеромъ. Мизантропъ и Горе отъ ума. Сравненіе ихъ, заимствованія и опредѣленіе самостоятельности Грибоѣдова. 165

Указатель личныхъ именъ. I

Digitized by Google

Digitized by Google

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

Стран.			*Напечатано.*	*Слѣдуетъ читать.*
4	строка	4 снизу	μιϛετν	μισεῖν
8	»	8 »	свои страшныя проклятія	страшныя проклятія судьбѣ
14	примѣч.	12	psychologiqe.	psychologique
19	строка	17 сверху	борьба, научиться	борьба научится
27	»	16 снизу	характеръ	оттѣнокъ
35	»	5 сверху	les Fâcheuxs	les Fâcheux
43	примѣч.	52	напечатаны нами	будутъ напечатаны нами
130	строка	6 сверху	эстическій	эстетическій
149	»	1 »	любили попрекнутъ	любили попрекнуть

Digitized by Google

Digitized by Google

ИЗДАНІЯ К. Т. СОЛДАТЕНКОВА.

Афанасьева. Народныя русскія сказки. 4 части. Изд. 2. М. 1868 г. Ц. 6 р.

— Поэтическія воззрѣнія Славянъ на природу. 3 части. М. 1868 г. Ц. 8 р.

Берга. Записки объ осадѣ Севастополя. 2 части. М. 1865 г. Ц. 2 р. 50 к.

— Севастопольскій альбомъ (37 рисунковъ). М. 1865 г. Ц. 7 р.

Буасье, Гастонъ. Римская религія. Перев. *М. Корсакъ*. М. 1878 г. Ц. 5 р.

— — Цицеронъ и его друзья » » » М. 1880 г. Ц. 2 р.

Бэра. Исторія всемірной торговли. 3 ч. Перев. *Э. Циммермана*. М. 1876 г. Цѣна 7 р. 50 к.

Вейса. Внѣшній бытъ народовъ съ древнѣйшихъ до нашихъ временъ.—6 частей (съ 1945-ю рисунками въ текстѣ) въ пер. *В. Чаева* и *И. Васильева*. М. 1879 г. Цѣна 24 рубля.

Вольскаго. Историческое народно-хозяйственное значеніе обработки земли крестьянами собственниками. М. 1865 г. Цѣна 2 р. 50 к.

Гартмана. Сущность міроваго процесса или философія безсознательнаго, въ 2-хъ книгахъ. *А. Козлова*. М. 1876 г. Цѣна 4 р. 50 к.

Геттнера. Исторія всеобщей литературы XVIII вѣка. Т. III, кн. I и II. М. 1872 г. Цѣна 4 р. 75 к.

Гизо. Исторія цивилизаціи во Франціи. Т. I и II. Пер. *П. Г. Виноградова*. М. 1877 г. Цѣна 4 р.

Гегеле. Дантъ Алигьери. Его жизнь и дѣятельность. М. 1881 г. Пер. *А. Веселовскаго*. Ц. 3 р.

Ешевскаго. Сочиненія, 3 части. М. 1875 г. Цѣна 6 р.

Забѣлина. И. Е. Кунцево и древній сетуньскій станъ. М. 1872 г. Ц. 2 р.

Игеринга. Борьба за право. Пер. *П. Волкова*. М. 1872 г. Ц. 75 к.

Кавелина. Сочиненія, 4 части. М. 1875 г. Ц. 5 р.

Каррьера. Искусство въ связи съ общимъ развитіемъ культуры. Т. I, II, III, IV и V. Пер. *Е. Корша*. М. 1874 г. Ц. 20 р.

Ключевскаго. Древнерусскія житія святыхъ, какъ историческій источникъ. М. 1875 г. Цѣна 2 р.

Корсакъ. Первоначальные уроки грамматики. М. 1879 г. Ц. 60 к.

Куглера. Руководство къ исторіи искусства. Пер. *Е. Корша*. 2 ч. М. 1870 г. Ц. 10 р.

— Руководство къ исторіи живописи. Пер. *И. Васильева*. М. 1870 г. Ц. 7 р.

Курціусъ. Исторія Греціи. 3 части. Пер. *А. Веселовскаго* и *М. Корсакъ*. М. 1880 г. Ц. 12 р.

Кольцовъ, А. В. Стихотворенія. Изданіе 7-е. М. 1880 г. Ц. 20 коп.

Лотце. Микрокозмъ. 3 части. Пер. *Е. Корша*. М. 1870 г. Ц. 6 р. 50 к.

Любке. Исторія пластики (съ 231-мъ рисунк. въ текстѣ). Перев. *В. Чаева*. М. 1873 г. Ц. 6 р.

Марта. Философы и поэты-моралисты во времена Римской Имперіи. Пер. *М. Корсакъ*. М. 1879 г. Ц. 2 р.

Моммсена. Римская исторія. Т. I и II. Пер. *П. Д. Ахшарумова*. Т. III. Перев. *А. Веселовскаго*. М. 1880 г. Ц. за три тома 13 р.

Digitized by Google

Маурера. Введеніе въ исторію общиннаго, подворнаго, сельскаго и городскаго устройства и общественной власти. Пер. *В. Корша.* М. 1880 г. Ц. 2 р.

Огарева. Стихотворенія. Изд. 3. М. 1871 г. Ц. 50 к.

Попова. Россія и Сербія. 2 части. М. 1872 г. Ц. 4 р.

Рихтера. Вліяніе целлулярной патологіи. М. 1872 г. Ц. 1 р.

Рѣшетникова. Сочиненія, 2 части. М. 1874 г. Ц. 5 р. 50 к.

Страбона. Географія (въ 17 книгахъ, 1 т.). Перев. съ греческаго *Ѳ. Г. Мищенка.* М. 1879 г. Ц. 10 р.

Сурикова. Стихотворенія. Изд. третье, полное. М. 1877 г. Ц. 1 р.

Тацита. Лѣтопись. Перев. *К. Кронеберга.* М. 1865 г. Ц. 1 р. 50 к.

Трачевскаго. Польское безкоролевье. М. 1865 г. Ц. 3 р.

Тренделенбурга. Логическія изслѣдованія. 2 части. М. 1868 г. Ц. 4 р.

Тэна. Чтенія объ искусствѣ. М. 1874 г. Ц. 2 р.

Фета. Стихотворенія. 2 части. М. 1868 г. Ц. 2 р.

Финлей. Грецію подъ римскимъ владычествомъ. Пер. *С. Никитенко.* М. 1876 г. Ц. 4 р.

Фринена. Римскія катакомбы и памятники первоначальнаго христіанскаго искусства (съ рисунками). Части I, II и III. М. 1880 г. Ц. 4 р.

Фюстель-Куланжъ. Гражданская община античнаго міра. Пер. *Е. Корша.* М. 1876 г. Ц. 2 р. 50 к.

Чичерина. Исторія политическихъ ученій. Часть 1, 2, 3, и 4. М. 1876 г. Ц. за каждую 3 р.

— Нѣсколько современныхъ вопросовъ. М. 1876 г. Ц. 1 р.

— Областныя учрежденія. М. 1876 г. Ц. 3 р.

— Опыты по исторіи русскаго права. М. 1876 г. Ц. 1 р.

— Очерки Англіи и Франціи. М. 1876 г. Ц. 1 р.

Шекспира. Полное собраніе драматическихъ сочиненій. Перев. *Н. Кетчера.* 9 частей. Ц. 10 р.

Шилова. Ключъ или алфавитный указатель къ Исторіи Россіи С. Соловьева. Съ 6-ю родословными таблицами. М. 1870 г. Ц. 3 р.

Шмидта, Карла. Исторія педагогики, изложенная во всемірно-историческомъ развитіи и въ органической связи съ культурною жизнью народовъ. Съ третьяго изданія, дополненнаго и исправленнаго *В. Ланге,* пер. *Э. Циммермана.* Томъ I. II, и III, и 1-я ч. IV-го тома. М. 1880 г. Ц. 16 р. 50 к.

Цѣна 2 р.

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

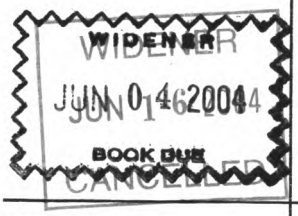
Digitized by Google

Digitized by Google

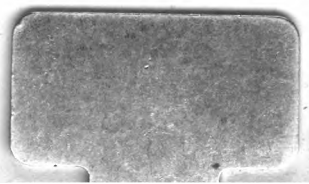
The borrower must return this item on or before the last date stamped below. If another user places a recall for this item, the borrower will be notified of the need for an earlier return.

Non-receipt of overdue notices does ***not*** *exempt the borrower from overdue fines.*

Harvard College Widener Library
Cambridge, MA 02138 617-495-2413



Please handle with care.
Thank you for helping to preserve library collections at Harvard.



Digitized by Google

Digitized by Google